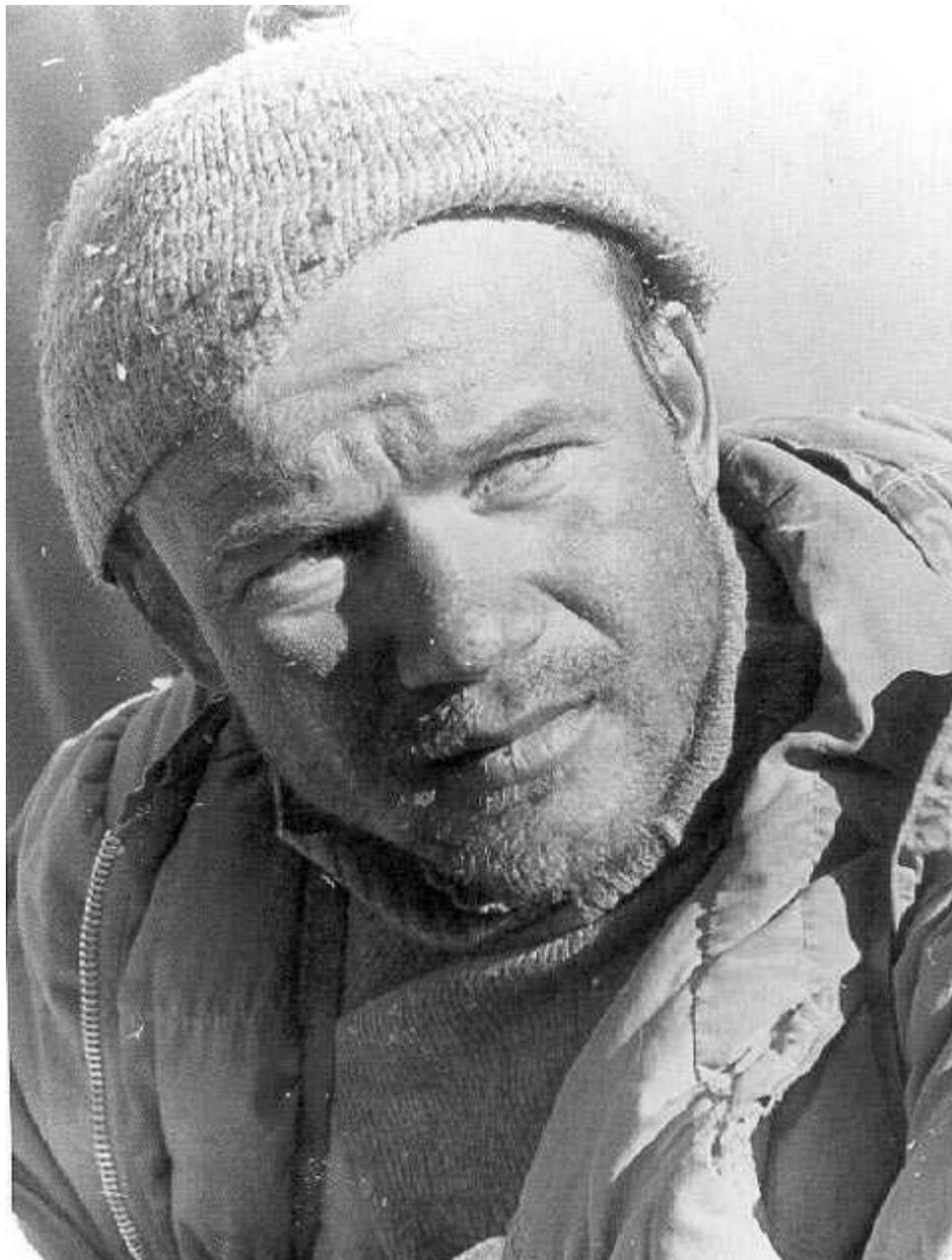

Записки альпиниста

Из записных книжек альпиниста Михаила Овчинникова

Овчинников Михаил Федорович (1940-1986)

Может кому–нибудь интересно, каким был альпинизм в 1970-е годы 1920 века, о чём мечтали, как ходили в горы... Эти записки — лишь малая часть многолетних дневниковых записок МС СССР, чемпиона СССР 1972 г. Михаила Овчинникова. Автор подготовил этот текст в последний год жизни, находясь на больничной койке.

Предисловие

Наступает вечер 18 июня 1985 года. За окном больничной палаты ветер разогнал облака; улетела пара воронов, переживавших дождь на ветке дуба. Нахохлившись и прижимаясь, друг к другу, они неподвижно сидели рядом часа два. Мне предстоит провести месяц в этом помещении, площадью 10 кв. м. с кроватью небольшим столиком, двумя стульями — в почти обычной хорошей одиночной палате. Необычно только то, что кровать отделена от прохода массивной металлической ширмой. В одну из створок ширмы вставлено свинцовое стекло толщиной около 6 см. Ширма предназначена для защиты медицинского персонала от излучения больного, которому впрыскивают радиоактивное вещество, убивающее злокачественные клетки. Применяются изотопы золота, йода и другие в зависимости от формы рака, от того какой орган поражен. Я жду введения в вены раствора фосфора Р³².

В такие палаты не разрешают брать книг, если только не предполагается оставить книги (и все остальные вещи) в отделении насовсем, из-за боязни распространения радиоактивного загрязнения. Но я всё-таки взял несколько тоненьких записных книжек, заполненных мелкими, неразборчивыми каракулями, грязных и помятых, с расплывшимися местами чернилами — мои дневники экспедиций и восхождений на Памире и Кавказе. Восхождений, сделанных вместе с нашими альпинистами и с иностранцами; с друзьями и с людьми, ставшими партнёрами по связке волей обстоятельств.

Впервые я начал описывать события, в которых участвовал в горах, в июле 63-го. Тогда погиб наш лучший альпинист (в СССР) Лев Мышляев. Он и пять его товарищей были снесены со стены Чатына упавшим на них снежным карнизом. Пролетев более километра, они остались лежать на снежном плато под стеной. С перевала Ложный Чатын, откуда к ним подходил отряд для транспортировки, они казались маленькими черточками, написанными неумелым первоклассником на большом белом листе. Чёрная стена над ними подавляла мрачным величием.

«Тебя такие маршруты не пугают?» спросил Коля Орлов.

«И пугают, и завораживающе манят» — ответил я: — «Но нам с тобой до таких стен еще расти и расти».

В транспортировочных работах нас из «Джайлыка» участвовало трое, Орлов Коля и Решетов Толя — оба из Арзамаса-16; я — студент МИФИ. Мы входили в состав группы курсантов школы инструкторов альпинизма. Двадцать человек сняли с занятий, чтобы помочь перенести тела погибших в Местию; двадцать остались и сильно завидовали уходящим. Весь цикл работ занял неделю: сначала, завернув тела погибших в брезентовые чехлы, мы пошли из-под стены вниз по леднику, потом упершись в стометровые разрывы Чала-ата непроходимые для большого отряда с грузом, потащились, впрягшись в лямки, вверх через хребет Далла—Кора и снова вниз к концу ледника Лекзыр, по морене и, наконец, по тропе к пологим склонам долины Ингури, проедем для сванских саней, а ниже и для автомобилей.

Утром после одной из ночёвок в сырой «Памирке» я неожиданно для себя, достал из полиэтиленового пакета ручку, тетрадь и начал записывать вчерашние дела. Наверное, причиной желания писать была необычная вчерашняя ситуация. Ночь застигла нашу группу на леднике после долгого спуска с Далла — Кора.

Все бивуачное снаряжение находилось у ребят, ушедших раньше, фонарика у нас не

нашлось. Сначала мы медленно шли по следам, едва различимым в глубоком снегу — низкие облака создавали чёрно-бархатную глубокую тьму вокруг. Началась гроза: молнии били в склоны рядом с нами, в лёд, вспышки света и гром разделяли доли секунды. После каждого разряда наступала абсолютная слепота, длившаяся несколько минут. Переждав эти минуты, мы продолжали идти до следующей молнии, до следующего периода слепоты. Через полчаса гроза перешла в ровный дождь, снег на леднике кончился, следов на голом льду не заметно никаких. Еще через пару часов блужданий мы залезли в зону трещин и уже совсем решили остановиться до рассвета, как вдруг в стороне заморгал фонарик. Проплутав с километр, мы добрались до моренного островка, где передовые группы уже расставили палатки, вскипятили чай и спали, согрешившись горячим питьем.

Сигналил Виктор Масюков, из нашего школьного отделения (студент МВТУ, тренировался у заслуженного мастера спорта СССР, будущего тренера гималайской команды Анатолия Георгиевича Овчинникова). Он простоял под дождем более часа, включая и выключая фонарь, направляя свет в разные стороны. Из-за неровностей ледника мы увидели сигнал позднее, чем хотелось бы, но как мы были благодарны Виктору! Он воспринял похвалы с удивлением и отшучиваясь говорил — «Ну и фейерверк вы там наверху устроили, я стоял и любовался.» Действительно, вспоминая утром и грозу и дневную работу, я осознал, что молнии были разноцветные: с жёлтым, розовым, голубым или зеленоватым оттенками, и это не из-за того, что в глазах у меня все рябило от усталости.

И вот тут-то мне и захотелось записать всё, что было накануне и раньше, с подробностями, так чтобы потом, спустя годы перечитывать, уйдя в воспоминания всем сознанием. Отчасти так и получилось: когда читаешь свои дневники, отключаешься от всего окружающего, вновь переживая прошлое. Но для подробностей не хватало времени при записи, и они (детали) возникают при чтении.

Из стопки записных книжек я выбрал и хочу сейчас переписать поаккуратнее одну, в чёрной обложке с надписью на первой странице: **1974 год**.

Часть 1. Пик Корженевской. 1974 г.

Экспедиция 74-го года стала самой драматичной из всех альпинистских мероприятий, в которых мне приходилось участвовать. 8 августа на пике Корженевской разбился Валера Мальцев, это трагичный финал, и я до сих пор ставлю себе в вину его смерть — будь с ним я, он был бы жив.

Я уверен в этом на основании многих наших совместных восхождений. Мы хорошо дополняли друг друга: он — отличный скалолаз, владеющий всем техническим арсеналом; я — как правило, выбирал путь и определял тактику восхождения, исходя из реальных условий, поскольку любой, даже много раз пройденный маршрут неузнаваемо меняется со временем. Если же говорить о прохождении нового маршрута, то успех во многом определялся тактикой: режимом движения, набором снаряжения и питания, умением обеспечить хороший отдых и вовремя проскочить, если нельзя избежать, опасные места, найти и выбрать оптимальный путь из множества вариантов.

Все наши совместные восхождения за 4 года, 4 сезона, были успешны, мы не возвращались с поражением. Почин мы положили в 1969 году, пройдя маршрут на пик Щуровского по «сурку», несложный, в общем, маршрут 5Б категории трудности в такую непогоду, что

оказались единственной группой на Кавказе не вернувшейся, не сошедшей с маршрута любой категории трудности. В лагере, в родном «Джайлыке», по этому поводу устроили что-то вроде банкета, а на разбор восхождения явились без приглашения, все инструктора и многие из альпинистов — разрядников, так что в метод — кабинет, где проводился разбор, набилось втрое больше народа, чем обычно вмещало это помещение.

В этом же году Валера обеспечил успех опытной команды лагеря «Уллу–тау», пройдя первым маршрут 6 категории сложности на Чатын. А потом... потом был праздник «который всегда с тобой» дружбы, здоровья, общих успехов и радостей, суровых и ласковых гор, сияния солнца и рёва бури, отвесных стен и зеленых склонов, тесной палатки над пропастью и широкой лужайки у ручья, стаканов вина и чая, мороза высокогорной ночи и тепла финской бани, треска рации и аккорды гитары в тесной комнате, смеха и слез, надежд и исполнения желаний.

В 1972 году команда «Джайлыка» стала чемпионом СССР. Мы прошли по центру восточной стены пика Энгельса — сложный и красивый маршрут, прошли без натуги, спокойно и надёжно, без конфликтов и даже весело. Встречались неприятные сюрпризы, были ошибки; но ошибки исправлялись, неприятности мы учитывали и работали на стене и на гребне выше и выше, пока не увидели с вершины горы Индии, Китая, Афганистана и наш Памир. А в 1974 году я был вынужден идти не с ним.

Записи из дневника, чуть-чуть подправленные (выброшена нецензурщина и предложения приближены к нормам русского языка). Я попытаюсь дополнить теми деталями, которые появляются при чтении и которые могут что-то пояснить.

Джиргиталь

08.07.74.

Сидим на аэродроме в Джиргитале. Сидим уже 4 дня! Из Душанбе выехали очень быстро.

Две грузовые машины ЗИЛ-130 для нашего груза с четырьмя сопровождающими: Зубов, Алмазов, Ситников, завхоз Леша Артамонов, слабо загружены. Одна грузовая машина получена Хацкевичем, по знакомству, в гарнизоне Душанбе для перевозки людей. Как выяснилось, эта машина была приготовлена для экспедиции Галкина.

В Джиргитале Галкин кричал на сопровождающего машину лейтенанта, доискиваясь истины и поражаясь, как могли у него увести машину (обычно это он делал сам). Экспедиция «Буревестника», где Виктор Галкин за главного, отлично обеспечена транспортом: из Москвы специальные военные самолеты, из Душанбе, прямо с аэродрома специальные машины, из Джиргитала — 2 военных МИ-8.

Огромное число людей (около 140) и грузов (около 50 тонн) переправлено за 3 дня на Фортамбек. Среди грузов — 8 хорошо упитанных баранов (по специальному письму министра торговли Таджикской ССР о продаже в колхозе по дешёвке). По сравнению с их оснащением, наша экспедиция выглядела более чем скромно. По мере выяснения обстоятельств увода машины, Галкин ярился ещё пуще и заявил Игорю Хацкевичу:

«Вы полетите на Фортамбек тогда, когда мы будем оттуда возвращаться».

Пока похоже на это: погода прекрасная, а единственный гражданский вертолёт МИ-4 улетел в Душанбе на профилактику.

Вчера 7-го ходили в акклиматизационный выход, но так и не долезли на верх ближайшего «пупыря». Шутник Миронов предложил назвать пупырь пиком Галкина и выложить на склоне надпись из камней: «Галкин — ж...». Из-за жары не стали этого делать, быстрее побежали вниз, почти все посбивали ноги. У меня и Мальцева — по здоровой водяной мозоли. Снимал на кино голых наших мужиков в арыке.

Единственное место отдохновения и спасения от жары — чайхана. Зеленый горячий чай можно пить литрами, потеть и расслабляться. Ребята режутся в шахматы, карты, сдают экзамены, ходят в кино и т. д. Небольшое разложение. Галкина, один из тренеров «Буревестника» обозвал — «бегает, как сперматозоид, суетится, орёт ну надоел».

09.07.74.

Военные МИ-8 закончили вчера переброску, и сегодня с утра один из них улетел на базу в Бухару. Никаких слухов о прибытии вертолётов по нашей заявке нет. Грустно. Съездили вчетвером (Алмазов, я, Женя Бугачева и Наташа Алимова) на сернистые источники. 4 лужи, глубиной 20–30 см. заполнены горячей водой с запахом сероводорода. Рядом чуланчики с ваннами, куда ведрами надо наливать воду из лужи и разбавлять слегка холодной водой из ручья рядом. Полежать в ванне приятно, но ощущение слабее, чем в радоновых источниках в Исоре (на юго-западном Памире).

Потом попробовали кумыс (дорогой, по 1, 5 рубля за литр), вкус приятный, кисловатый, пощипывает рот, слегка хмельной. Обратно часть пути шли пешком, километров 10, часть на машине ехали.

У нескольких ребят выступили на коже волдыри: последствия контакта с «юган-травой» во время акклиматизационного выхода. У Миши Никулина — между пальцами левой руки, у Валеры Мальцева — обе ноги до колен. У меня — ничего, хотя шел в шортах.

У местных киргизок масса украшений, в косах — пуговицы, соединённые множеством цепочек, в ушах, на шее, на руках. Так они и работают на сенокосе в июле: в кольцах, браслетах, ошейниках, и ожерельях.

11.07.74.

Утро. Вертолёты работают не на нас. Кузнецов и Хацкевич улетели на АН-2 в Душанбе ругаться.

В 5–00 вечера вышли втроём (+Коля Завгородний и Наташа Алимова) на высокую ближайшую гору. Несмотря на то, что объявлял несколько раз, ещё желающих не нашлось. А сегодня, после возвращения многие упрекали в том, что не взяли с собой их. Пробирались долго сквозь заросли шиповника и юган-травы. Потом по гребню и осыпным полкам, кое-где двоичное лазание. Уговорились в 12–00 повернуть обратно, и я один ушёл побыстрее

вверх. На вершине был в 11–30. Написал на туалетной бумаге записку «Галкин ж...», и пусть этот пупырь будет его имени. Похоже, что всё-таки из-за него мы сидим без вертолётчиков; один из механиков проговорился, что Иванов, командир отряда вертолётчиков, не даёт им указания возить нас. Иванов — приятель Галкина.

При спуске запоролись, т. к. хотели побыстрее спуститься по новому пути. После возвращения на маршрут подъёма спустились без приключений. Алексей Кузнецов, начальник спас отряда, выслал навстречу 2 группы с рациями. Жара, мучила жажда. Кузя перестарался.

В чайхане вдвоём выпили 6 чайников чая. У Мальцева руку, обожжённую юган-травой, разнесло волдырями. Не помогала и примочка из мумиё, из запасов Зубова. У Шумихина на бедре и на боку красные пятна с синим, как синяки, отливом с волдырями — тоже последствия встречи с травой. У меня реакция другая: листья вообще не действуют, а цветы заставляют выступать волдыри как от крапивы, быстро заживающие.

Когда шли на гору, слазал в небольшую пещеру в поисках мумиё, но ничего кроме грязи и пыли не нашёл. Встреченный после спуска у арыка аксакал сказал, что гору зовут Карагатэ.

Немного подробностей

Когда стало ясно, что наше пребывание в Джиргитале затягивается, я предложил Игорю сходить всем составом экспедиции на гору повыше, чтобы кончить небольшой разброд и безделье, акклиматизироваться, гора явно выше 4000 м. Он отказался, считая, что вертолётчики вот-вот займутся нами. Остальные, кому предлагал, просто ленились. Безалаберная неделя во временном лагере на краю аэродрома была не лишена приятностей. А гора смотрелась неплохо и, казалось, просила: «ну поднимись на меня, что тебе стоит». К любой из пяти вершин массива не просматривалось явной дороги. Наша прогулка 7-го, когда мы поднялись едва ли на одну пятую высоты за три часа, показала масштабы горы и то, что к выбору пути надо отнестись внимательно. Целый день перед выходом я поглядывал на Карагатэ, меняющую свои очертания по мере движения солнца, и к вечеру путь стал ясен: прямо по неширокому контрфорсу, упирающемуся в центральную вершину. Шли быстро, налегке, взяв одну веревку и пяток помидор (конечно, надо бы взять еды побольше, и воды во фляжке хватило лишь на половину подъёма — это сбilo темп у Коли с партнёршей и они не поднялись до вершины метров 200).

Самое сильное впечатление произвел вид с вершины на Центральный Памир (сразу забылся пустой желудок, жажда, омерзительные скопища двухвосток на жёлтых цветах югана): чётко видна линия гребня от пика Корженевской до пика Коммунизма. Чёрная западная стена пика Корженевской, по которой нам предстояло подниматься, припущена сверху блестящей снежной бахромой, сверкающее пятно под вершиной, правее стены прорезано вертикальной чертой, словно нахмурен лоб сердитого человека, крутого короткого гребешка. Все линии, несмотря на расстояние (по моему около 80 км.), чётки; краски контрастны и яркие; все погружено в синеватое сияние; простор пронизан сладостным щемящим покоем истинного величия. Пик Коммунизма заметно выше пика Корженевской, но она, наша гора, кажется массивнее, крупнее, круче и цельнее; склоны пика Коммунизма как бы размазаны вширь. Всё остальное мельче двух гигантов.

Сам Памир постепенно понижается, выставляя на обозрение свои прелести; ледники,

зелёные травянистые, и красные, серые, голубоватые осыпные склоны, красный Сурхоб, белые снеговые пятна. Километрах в 20-ти различаются юрты; за ближайший склон нырнул крошечный АН-2, летящий в Ляхш; совсем рядом под нами рассыпались белые домики Джиргиталья с крошечными свечками тополей и маковые зернышки палаток нашего лагеря.

Другой пейзаж, микро: естественная клумба пёстрых ирисов, необыкновенно ярких и больших, проросла сквозь сухие камни у основания скальной стены, удивляя жизненной силой нежных и трогательных цветов. Возится красавец шмель. Почти вся растительность осталась ниже, лишь кое-где видны хрупкие и сочные стебли кислицы (пожуёшь такой и жажда проходит). Слабенькие былинки спорят с гранитом и побеждают.

Поляна Сулоева

14.07.74.

Позавчера, 12-го с утра нас начал перебрасывать на Фортамбек МИ-4. Я прилетел вторым рейсом. Лагерь разбили на поляне Сулоева, ровной травянистой площадке; с одной стороны старая морена и за ней Фортамбек, с другой склон горы. У небольшого камня на краю — могила Валентина Сулоева; на камне несколько табличек с именами.

На солнце тепло, кругом потрясающая картина: пики Москва, Ленинград, Кирова, стена, спадающая с Памирского плато. Часто грохочут глыбы льда, отрывающиеся от ледника Трамплинного.

Вчера, 13-го для приёма вертолётных забросок ушли 2 группы: одна на перемычку между пиками Четырёх и Ахмади Дониша (во главе с Хацкевичем), вторая — к месту впадения ледника Москвина в Фортамбек (во главе с Мальцевым 8 человек). Сегодня Коля Орлов и я должны бросать им грузы с вертолета.

Вчера вечером сходили вчетвером наверх по склону от лагеря, поднялись метров на 700, начала побаливать голова. Слегка поругался с Сашей Федоровым (начальником нашей экспедиции) по тому поводу, что ничего не сказал ему об этом выходе. Вертолёт обещал быть не позднее 7–30. Сейчас 8–05 его пока нет. Прибыл в 8–25. Загрузили две заброски, сопровождал только я. Первая заброска — прямо на лагерь Мальцева. По сигналу из кабины механик и я швырнули в открытую дверь часть груза. Ящики шмякнулись о плоскую старую морену, раскололись, оттуда веером брызнули разноцветные банки. На втором заходе сбросили обе бочки с продуктами и бензин — все осталось цело.

Для верхней заброски (в верховья ледника Москвина) долго набирали высоту, кругами над ледником. Иногда мне, неквалифицированному летуну казалось, что вот-вот врежемся в склон. Хацкевич еще не дошёл до цирка, и сбрасывали без людей — приёмщиков. Сначала бросил самодельный флаг с грузом, и он удачно воткнулся в снег, потом за два захода бочку и всё остальное кажется, ничего не разбилось.

После возвращения в лагерь думал сразу выйти на подмогу Мальцеву, но Гена Соловьёв отговорил и в 14–45 вышли восьмером переспать ночь «под камень» на высоте 5060 м. По дороге много раз пытались связаться с Хацкевичем для передачи ориентиров заброски, но безуспешно.

15.07.74.

Первая ночь на высоте 5000 м. прошла, как обычно, неважно — болела голова. Спустились на поляну в 11–00. С Игорем связи не было. Удалось передать ориентиры заброски только в 14–00 через Мальцева, но Хац к тому времени уже начал спускаться вниз. Завтра надо будет выходить на поиски заброски.

Мальцев со своей семеркой пришел к вечеру. Хац позднее; говорит, что внимательно осмотрел весь ледник, но заброски не нашли.

16.07.74.

Весь день моросил дождь. Ветер гонит мелкие рваные тучи. Фортамбек затянут пеленой сырости. Вся экспедиция в базовом лагере, отсыпается. За ужином и после пошел разговор о составе команд, идущих на траверс и на стену. Мальцев не хочет участвовать в траверсе (по-видимому, из-за того, что руководителем будет Хацкевич), говорит, что не потянет. Думаю, что это отговорка. Просто не хочет идти участником, да и не любит он пилёжки. Естественно все уральцы идут с ним. На траверс идут Хац, Никулин, Орлов, Алмазов, Карабаш и я. Мне хотелось бы идти с уральцами, хоть на стену, хоть на траверс, а вынужден оторваться от них (траверс — моя идея) и поэтому очень тоскливо.

Немного об экспедиции

После успеха 1972 года (чемпионы СССР) и довольно удачного выступления в 73-м (команда лагеря во главе с Хацкевичем заняла 5-е место на первенстве СССР за восхождение на Ужбу, а Мальцев со своими «кедрятами» поднялся на пик Маркса) альпинисты ЦС Фис решили организовать экспедицию на Центральный Памир и участвовать в двух классах чемпионата: высотном и траверсов. Так же, как в 73-м году мне хотелось подняться по хорошей стене на Ужбу (и удалось), так и в 74-м мечтал пройти траверс пиков Коммунизма — Корженевской. Зимой мы несколько раз обменялись письмами с Валерой Мальцевым, и сначала он, вроде бы, не возражал против руководства командой на траверсе, но потом написал, что эта идея не реализуема из-за того, что не набрать сейчас сильную и выносливую восьмерку, способную одолеть столь сложный маршрут. Переубедить его мне не удалось. Игорь же взялся за подготовку экспедиции с удовольствием, поддержал мои предложения о подъёме по левой части западной стены пика Корженевской, как о начале маршрута, и был уверен в проходимости траверса силами сборной ЦС. За основу команды он планировал принять прошлогодний коллектив, поднявшийся на Ужбу, и не возражал против его усиления любой подходящей кандидатурой.

Всю экспедицию, около 35 человек, можно условно разделить на три группы.

1-я: молодёжь из Москвы и Подмосковья, имеющая целью покорить один или два (если повезёт) семитысячника по наиболее популярному маршруту. Руководит этими ребятами начальник экспедиции Саша Фёдоров, опытный альпинист и инструктор.

2-я: уральцы с ядром из спортклуба «Кедр» с бесспорным лидером Мальцевым. Среди них двое новых для ЦС, очень сильных (по словам Валеры) альпинистов: «крокодилы», как все их зовут, Гена Евсюков и Гена Шумихин. Третий «крокодил» — Гена Соловьёв, имеет

наибольший альпинистский стаж в группе.

3-я: бывалые горовосходители, по одному — два человека из Дубны, Обнинска, Арзамаса, Москвы, Протвино и других городов, объединённые общим желанием совершить хорошее восхождение: кому — то нужны баллы на звание мастера спорта за призовое место, кого-то манят сами по себе семитысячники, кто — то хочет утвердиться в собственных глазах. Все они были кандидатами в сборную, возглавляемую Хацкевичем.

Верхняя заброска: высотная обувь, продовольствие, горючее — предназначалась для траверсантов после их спуска с пика Корженевской и пика Четырёх в верховья ледника Москвина, после завершения технически сложной части маршрута. Нижняя та, которую принимал Мальцев, должна была помочь в организации базового лагеря в пункте выхода обеих команд на восхождения, заявленные в чемпионате.

Ледник Москвина — пик Четырёх

17.07.74.

С утра — синее небо. Хац разбудил в 6–30. Выходим вшестером на поиски верхней заброски и восхождения на пик Четырёх, 6300 м., для акклиматизации. Это Кузнецов, Волков, Орлов, Соловьёв, Зубов, я руководитель. После завтрака около часа ждали Кузю и Волкова, очень медленно собираются. На Фортамбеке, грязном, засыпанном в нескольких местах моренным мусором, с сераками несколько раз запарывались. Последний раз разделились на две группы по три человека посмотреть разные варианты выхода наверх, на зелёную поляну у места впадения ледника Москвина в Фортамбек. Обе группы пришли в одно место.

Встретились с группой из МАИ экспедиции «Буревестника» идущей на пик Корженевской по 5А. Договорились насчёт обмена снаряжением и питанием.

Вечером остановились и заночевали на поляне с травой на той же высоте что и поляна Сулоева, но уже у ледника Москвина. Подошел очередной парень из МАИ, спросил, где выход на маршрут 5А на Корженеву. Там и в самом деле, не зная легко заблудиться в путанице осыпных гребней, ледников, грязных снежников. Объяснили в общем, детально не смогли.

18.07.74.

Вышли в 8–00. Кузнецов, Волков, и Орлов — полчасом позже, опять долго собирались. Через два часа топанья по леднику дошли до большой зелёной лужайки под пиком Воробьёва, залитой водой, где в 1962 году была стоянка Бориса Романова. Дальше набор высоты, жара, карабканье по осыпям, жажда. Удовольствие съесть яблоко на привале, слишком коротко. После обхода ледопада начались у меня моральные мучения: свежие ледовые обвалы в нескольких местах обрушились с пика Воробьёва на ледник, перекрыли большие участки. И, хотя заброска должна быть по ориентирам расположена выше, какие-то шансы были, что она погребена под этим обвалом.

В 15–00 вышли на плато, уставшие с большой головой. Высота по альтиметру Орлова —

4800 м. За целый день набрали 900 м. по вертикали. Хотели сначала ставить палатки на снегу, но Волков сходил на разведку к боковой морене и нашел отличные старые площадки. После двухчасового отдыха, еды, сходил вместе с Кэном (Соловьёвым) и Волковым туда, где должны были лежать заброски, и нашли их там: флаг, отдельно бочка, отдельно связка ящиков. Игорь прошел в 100 метрах, непонятно как не заметил торчащий флаг. Не нашли только канистры с бензином. Довольные, но с сырыми ногами, вернулись к ночёвке. На завтра планы: перетащить заброску поближе к перемычке и перебазироваться поближе к вершине пика Четырёх (найдя предварительно канистру).

19.07.74.

Эти планы нарушились довольно скоро. Канистру быстро нашли и, нагрузившись, двинулись вверх по чуть наклонному снежному плато. После недолгих колебаний заброску решили сложить под осыпными со снегом склонами пика Четырёх. Возникла мысль вытоптать из снега две площадки, выложить их камнями и сложить заброску. Когда почти закончили работу, сообразили, что камни протают от солнца глубоко в снег, (канистры погрузились на 40 см). Поэтому до конца выкладывать площадку не стали, а кое-как уложили заброску тумбой, укутали сверху полиэтиленом и в 11–00 пошли вниз к палаткам. Хотя шли налегке, без рюкзаков, снег растаял, часто проваливались. Идти на гору для акклиматизации в этих условиях не стоит — насквозь промокнем. Решили отсыпаться. Потрепались, повалялись.

Утром была единственная за эти дни более или менее слышимая радиосвязь. Ребята были на «верблюде» по пути на Большое Памирское плато (акклиматизационный выход основной части экспедиции).

20.07.74.

Большой день — много сделали. Поднялись с Жекой Зубовым в 4–45, дежурные. Мороз, — 5С, ясно, небольшой ветер. Приготовили завтрак по стандартному меню: на первое — картофельное пюре с парой банок тушёнки, на второе — чай с сахаром и бутербродами. Вышли наверх к горе в 7–00.

Сначала шли по вчерашним следам, потом Кузя предложил свернуть и начать крутой подъём по склону пика Четырёх. Его поддержали, но надо идти за второй верёвкой, оставленной возле заброски. Никому не хочется, Кэн сразу заявил: «да зачем нам вторая, сходим с одной вшестером». Мне ясно, что верёвка нужна, и что подниматься вверх логичнее оттуда, чем от места спора (там лёгкие скалки, а здесь только снег). Уходим за верёвкой с Колей Орловым и через два часа оказываемся с ним выше остальной четверки. Ещё через два часа на высоте 5800 м. поджидаем их и делаем площадки под палатки. Появляются поочередно Кузя, Волков, и Соловьёв с Зубовым. Приустали они топтать ступени. Жека с утра жаловался на сердце, просил чего-нибудь сердечного (валидола или корвалола). Сейчас у него бледный вид, но держится хорошо, рубит лёд на площадке.

Новый спор: предлагаю выйти не позднее 14:30 без рюкзаков к вершине, чтобы до темноты вернуться к палаткам. Часть ребят поддерживает, трое возражают, предлагая идти утром после ночёвки. Настаиваю на своём, аргументируя тем, что предстоит тяжёлая ночь.

Выхожу первым в 14–30, остальные подтягиваются. Снег неплохой, идём быстро, перед

крутым местом связываемся. Всё время иду впереди. На остановке через час начала сильно, до головокружения, болеть голова. Потом внезапно, при резком повороте головы, словно что-то лопнуло в мозгу, и боль ушла совершенно. Ничего не понимаю, такого со мной ещё не было. Опять — первым. Предлагаю поочерёдно заменить меня идущим в одной связке Волкову или Орлову — они не могут, темп и так велик. Топтать ступени — выше сил. Выходим на вершину в 17:50 (больше чем за час до времени намеченного для отступления к палаткам). Записка 72 года, Киргизского политехнического института. Орлов, молодец, всегда носит с собой термос с горячим чаем. Пьём по 50 гр. Зубов чувствует себя хорошо. Рассказывает, что Кузя постоянно учил его идти не там. Где шёл первый, а по другому маршруту, более простому. И сейчас Кузя предлагает спуститься не по пути подъёма, а по более лёгкому — по кулуару. Категорически отвергаю этот вариант из-за лавиноопасности и нелогичности (обход вершины горизонтально), и через 50 минут спуска по пути подъёма мы у палаток. Долго устраиваемся. Уже в темноте пьём югославский куриный бульон (отлично идёт), чай, бутерброды с колбасой, шпроты. Засыпаем. В 0–10 минут будит Зубов. Кэн даёт ему таблетку анальгина, я — пиронал. Засыпаем. В 1–30 минут будит Орлов из соседней палатки — даю ему 2 таблетки пиронала. Слышно как стонет Волков, потом его тошнит; он выходит из палатки, благо снаружи безопасно, потом укладывается мучаясь. От этого всего у меня к утру тоже начала болеть голова.

21.07.74.

Вылезли с Кузей из палаток пораньше, подняли остальных, собрались и не евши побежали с верёвками вниз к заброскам, чтобы положить там 2 сороковки (предполагалось, что на траверсе надо будет сменить потрёпанные верёвки на новые). Остальные сворачивают бивуак. Голова быстро прошла. Много глиссируем по жесткому снегу в наших триконях. Останавливаемся и отдыхаем. Сильно бьётся сердце. Положили обе верёвки под полиэтилен в заброску и посередине цирка смотрели, как съезжают остальные. Подождали всех на морене, быстро пробежав под ледовыми сбросами пика Воробьёва. Ниже встретили двойку команды Эльчибекова, которая пойдёт траверс навстречу от пика Коммунизма до Корженевы. У них питание разнообразнее нашего. Было 5 бычков, трёх уже съели (они уже были под пиком Ленина и на нём; под пиком Корженевской с ледника Мушкетова смотрели вариант начала траверса), один бычок пасётся на зелёной травке, ожидая своей участи. Ещё ниже на морене их девушка Рая угостила нас горячим чаем и пирожками с мясом.

Потом — разложение на поляне Романова; лежали пластом под горячим солнцем, наевшие и напITYтые. Кто смотрит в небо, кто дремлет, я — пишу. До базы идти ещё часов 5, но всё равно — как хорошо.

В 15–00 на немецких ночёвках неожиданно связались по «Виталке» с Хацкевичем, который сообщил, что почти весь состав экспедиции сейчас переброшен на вертолётную площадку под западными склонами Корженевы, в получасе от нас (только ледник пересечь). Хорошо, что близко, но на поляне Сулоева спалось бы лучше. Сильная радость встречи.

22.07.74.

День отдыха. Хотел сходить на озеро, но Хац настоял, чтобы вся команда отдыхала на немецких ночёвках. Нашли лужу, глубокую с чистой довольно теплой водой. Помылись все: сначала снизу до пупа, потом — нагретой на примусе водой голову. Я верх не стал мыть,

боясь простудиться, зато побрился. Постирались. Долго разглядывали нашу стену в подзорную трубу — погода ясная, ветерок, отдельные облачка висят и расплываются на стене. Говорили с Игорем. Всё время, как в молодости, радостная дрожь ожидания.

Немного о спорах

Поближе к вечеру, когда настало время после отдыха возвращаться в лагерь, и когда я сидел, глядя на стену в трубу, ко мне подошёл Игорь и спросил:

«Ну что, проскочим стену за три дня?» Решив, что он шутит, я рассмеялся.

«Один день потратим на подход под стену, три дня на прохождение стены, и ещё один день до вершины. Всего пять дней. А на вершину вспомогатели сделают заброску: питание, горючее, всё что мы, скажем» — пояснил Игорь.

«Заброска на вершину Корженевы — это хорошо и правильно» — ответил я, — «а вот относительно графика движения, мне кажется ты не прав. Вспомни, сколько времени мы поднимались на Ушбу?» Игорь задумался:

«Дней десять, но ведь здесь подъём и покороче и полегче технически».

«В целом» — согласился я — «действительно, стена не выглядит очень сложной, но вспомни, что Ушба на два километра ниже, чем место выхода с нашей стены на гребень. А порода? Здесь не будет того гранита как на Ушбе. Скала здесь хлипкие; сланец, черепица — крюка хорошего не вобьёшь. Такие встречались нам на пике Энгельса, и приятного лазания здесь ожидать нельзя. Есть на маршруте и непростые места. Посмотри на башню, слева от снежного пятна». Игорь устроился в импровизированном кресле и принялся к окуляру.

«Пятно хорошее место для ночёвки, туда мы вылезем за один день, а башню обойдём справа» — резюмировал он свои наблюдения. Я согласился с тем, что ночевать будем на снежнике и с тем, что если сильно постараться дойдём до этой ночёвки за один день от начала скальной части стены. Но обход башни невозможен из-за опасности камнепада.

«Какова высота стены? Во сколько метров ты её оцениваешь?» — смотрит на меня Игорь. Отвечаю:

«Метров 900».

«Так неужели мы не сможем проходить 7–8 верёвок в день?» — снова спрашивает Игорь.

«Не сможем».

«Какой же график предлагаешь ты?» Этот вопрос мне давно ясен:

«Полтора — два дня до скал, неделя на стене и полдня по гребню до вершины. Всего 9 суток. Но это — минимальное время. Такой график мы выдержим только при идеальной погоде. Здесь учтена несхоженность команды, тяжёлый снег под стеной, высота».

В тот день мы с ним ни о чём не уговорились, но день не прошёл даром. Затронут

важнейший вопрос; от ответа на него зависит очень многое. Кроме того стал понятнее режим стены, её освещенность, опасности, детали маршрута, места пригодные для установки палаток.

Лагерь у пика Корженевской

23.07.74.

С утра туман. Вся экспедиция, порядком нагрузившись, идёт на заброску в западный цирк пика Корженевской под стену. Несём грузы для двух команд: Хацкевича (на траверс должны выйти 8 человек) и Мальцева (6 человек в высотном классе). У Валеры проще — все из «Кедра». У нас — сборная солянка. Наверняка будет ругань на маршруте.

Хац вечером подходил ко мне с вопросом, брать ли Кузю по результатам восхождения на пик Четырёх. Мой ответ — «Да». Хотя год назад на Ужбе я сказал себе, что с Кузей на гору больше не пойду: очень любит давать «ценные» указания, в основном бессмысленные или вредные, и раздражается, если их не выполняешь. Но сейчас он очень старается, подготовлен хорошо. Утешаюсь мыслью, что если он не потянет, можно будет ему сойти и вернуться на перемышке после пика Четырёх у нашей заброски.

Шлось плохо — побаливало сердце. Слева со стены ущелья сошёл огромный камень, рассыпался каменным душем, много пыли, сернистый запах. Часом позже в тумане рядом, непонятно с какой стороны ухнула лавина. Все замерли, ожидая, когда из тумана вынырнут глыбы льда, и ясно будет куда убегать. Всё обошлось. В цирке, далеко от склонов, поставили палатку, сложили в неё снаряжение и продукты. Затащили много, вплоть до компота и сока в стеклянных банках.

Поругался с Кэном (он обманул на 2 банки сока), но пришли к соглашению с Мальцевым по дележу колбасы. Спускались под дождичком. Под стеной у ледопада задержались было, но свист падающего камня подхлестнул всех, и покатались вниз. В лагере хорошо. Но печально. Завтра уходят на поляну Сулоева. Треп, юмор, песни, опасения, подводим итоги. Сыплет снежок. Мало еды. Долго не спал, слушая сопение Алмазова, и смотрел в мутное небо.

24.07.74.

Снег, снег, снег. Прощаемся. Восемь человек вспомогателей уходят на поляну Сулоева за продовольствием. Поздно вечером вчера сообщили, что завтра мы с Кэном дежури́м. Проснулись в 6 часов утра. Приготовили манную кашу с «карабасиками» (так компания Коли Завгороднего называет изюм). После ухода группы залез в спальник и мучился головной болью. В 14–00 поднялся готовить обед. Приятный сюрприз: Кэн перемыл всю посуду от завтрака, а Хац и Кузя начистили много много картошки. Кэн сказал, что будет отвечать за второе, а я за первое. На третье решили сделать компот из сухофруктов. Без участия нашей поварской команды приготовили обильный и вкусный обед: 1-ое борщ; 2-ое жареный картофель со сложным гарниром; 3-ье — компот до отвала. После обеда все, как муравьи потянулись на Шхельду. Вечером чай с гитарой. На улице — то дождь, то снег. Надо менять настроение.

25.07.74

Ночью завалило снегом, днём всё растаяло. Валялись до 10 в палатках. Хилый завтрак, возня с кино и фотоаппаратурой, хилый обед, холод, сырость. Соседи немцы ходили собирать пириты, разломали один молоток. Сказал, чтобы не сильно огорчались, мы разломали на таких поисках два молотка.

У Волкова — флюс во всю щеку, Хац приобрёл ячмень на левый глаз, Миронов кашляет, у меня грудь болит, Маша Лапшина давно ходит в повязке, на марле гной — разнесло и не проходят губы; Никулин свою повязку снял — болячки почернели, скоро отвалятся. Книга Джека Лондона, что купил в Душанбе, идет по рукам.

Смог бы я променять на что-нибудь горы? Иногда бывают моменты, когда готов сказать «да», хотя немного спустя скажу «нет». С горами разлучит только смерть или болезнь. (Старость? — вряд ли).

Вечером в гости пришли 7 немцев, из ГДР. Поговорили о горах. Мальцев неплохо объясняется по-немецки. Выгнали из кухни преферансистов во главе с Фёдоровым и Хацем и сели вместе пить чай. В основном они из Дрездена и окрестностей. Один с женой, Ингрид — мастер спорта (у нас вошло в обиход словосочетание «Ингрид твою мать»); самому молодому 21 год. Побывали со своими соотечественниками, работающими в Дубне, во многих наших горах. Попробовали их шоколад (чешский) — не лучше нашего. Снег валит, и кухня (полог от палатки) стал протекать. Демократы ушли домой. Мы до 24 часов пели.

26.07.74.

С утра затеяли разбор восхождения на пик Четырёх. Сидим на улице, т. к. погода улучшилась: переменная облачность, иногда солнышко приятно греет после трех дней снега и дождя. На разборе сказал, что только Витя Волков не готов к маршруту на Корженеву. Волков согласился с этим. После разбора Хац сказал окончательный состав группы траверсантов, Кузя не идёт. По мнению Игоря, он не выдержит 18-ти дней пути. Поскольку и раньше и теперь я говорил «за Кузю» — совесть моя чиста. Вообще доволен, что идём всемером (Игорь — руководитель, Алмазов, Орлов, Никулин, Карабаш, я и Юра Рябов). Рябов из уральцев, но в команде Мальцева он лишний, 7-ой. В нем я уверен. Карабаша знаю плохо, он самый молодой из нас. Игорь сказал, что вполне годится, силен и вынослив, (из Обнинска). Снова говорили с Игорем о маршруте.

К часу солнце скрылось за облаками, ветер и ветер. Подсушились к завтрашнему выходу. Вечер. Снег с дождём. В кухонном пологе — «притон». Две группы преферансистов и одна доминошников. Сквозь полог каплет вода; дым махорки взятой у узбеков (Эльчибековцев) смешивается с паром кофе и пота. Нетерпение, но странное и необычное: траверс ещё не начинался, а хочется окончания, Москвы, цивилизации.

Немного о маршруте

Самый простой путь на пик Корженевской — это маршрут «академиков», 5А к/тр., пройденный альпинистами спортклуба АН СССР в 1966 году, по снежному некрутому гребню. Слева от этого пути расположена обширная западная стена, разделённая на две

части широким снизу и сходящим «на нет» выше снежным кулуаром. До нашей экспедиции единственный маршрут по западной стене проложила команда «Буревестника»: сначала по кулуару, потом направо по крутым скалам с выходом на путь «академиков» и дальше пешком до вершины. Их подъём был оценён серебром на чемпионате СССР (66 год).

У нас Мальцев планирует из кулуара уходить налево, потом почти километр подниматься по скалам и затем по очень крутому снежному гребню выйти прямо на вершину. Такой маршрут, проходящий почти по линии падения воды с вершины, называется «диретиссимой».

Наша команда траверсантов выбрала для подъёма самый левый край стены, примерно в километре от главного кулуара. В начале маршрута мы с Мальцевым должны видеть друг друга. Чтобы подобраться непосредственно к скалам стены нам предстоит преодолеть крутой снежный склон, высотой не менее 500 м., со скальным островком посередине. Нижняя треть скал стены не кажется сложной, но верхняя часть труднее; многое осталось неясным после наблюдения снизу. Преодолев стену, мы окажемся на северном гребне пика, где в 1953-м году шла группа первовосходителей. Гребень технически очень прост, и то, сколько времени мы потратим на прохождение этого последнего подъёма, зависит от погоды и состояния снега.

После разбора нашего восхождения на пик Четырёх, мы снова разговаривали с Игорем о предстоящем траверсе; и он и я не изменили свою точку зрения на маршрут: он называл 5–6 суток, как максимальное время подъёма до вершины; я – 9 суток, как минимум.

«Если рассчитывать на 9 суток, нас задавят рюкзаки» — говорил он.

«Рюкзаки нас задавят не из-за веса продуктов, а весом снаряжения и того барахла, которое все будут набирать для своего комфорта. Лишние два килограмма продуктов и бензина, в пересчёте на каждого, не скажутся, практически, на весе рюкзаков, но могут сыграть решающую роль во время пути к вершине» — возражал я. Мы долго спорили, и в конце концов, когда я сказал, что если обеспечение будет взято из расчёта пяти суток, то просто не пойду на гору, Игорь сдался.

«Ладно» — сказал он — «согласен, если ты будешь заведовать продуктами на восхождении — ты и так начпрод экспедиции. Бери и распределяй, как хочешь. Своя ноша не тянет».

Немного погодя мы присели с Валерой Мальцевым на камень рядом с палатками. Он был невесел, не чувствовалось предстартового напряжения.

«Что ты такой... подкисший?» — спросил я его.

«Самочувствие не блестящее и на гору не тянет. Жека тоже не в лучшей форме. Одна надежда на «крокодилов». А может, ты с нами пойдёшь? Смотри какой маршрут!»

«Душой буду с вами всегда. А пойти не могу, хоть и красивый путь вам предстоит». Мы ещё долго трепались, вспоминали общие горы, говорили о домашних делах, о его недавнем приезде с молодой женой к нам в Протвино, о «Джайлыке», молодых годах. **Последний наш разговор.**

Начало восхождения

27.07.74.

С утра холодно и ясно. Хац назначил выход на 12–00. Пришла от Эльчибекова Рая, угощавшая чаем и пирогами во время возвращения с пика Четырёх. Она оказалась хорошей знакомой Мальцева. Небольшой трёп.

В 12–00, конечно, не вышли. Сидел на камне, читал Джека Лондона, всё собрано, остальные суетятся. Вышли в 14:30 после супа. Цель сегодня была дойти, не торопясь до палаток в цирке. Шлось тяжело — сердцебиение. Через час начались снежные шквалы вперемежку с солнечными интервалами. Палатку завалило, одну немного порвало. Еды нанесли вчера — завалились. Но даже компот был не в радость, т. к. шли слишком быстро, переутомление.

Спалось неплохо. Хац наметил выход на 9 часов на гору и уверяет, что до скал стены один час ходу, и потом сразу вылезем на стену. Пройдём одну треть стены и заночуем. Юморист. Дойти завтра до стены — предел моих мечтаний.

28.07.74.

Начался отсчёт. С утра сильный мороз. Ботинки, отсыревшие вчера, замерзли в рюкзаке пол головой. Разыграли две пары шекльтонов — достались мне и Володе Карабашу. Но моя пара оказалась тесной, и я надел всё-таки замерзшие ботинки, а на них сверху свои суконные чуни, предмет постоянных насмешек Кэна, но весьма полезная вещь.

Начало тяжёлое. Очень увесистые рюкзаки. Кое у кого, в основном, за счёт личных вещей, (у Юры Рябова и Карабаша — по два здоровых полиэтиленовых пакета) у меня за счёт продуктов. Не могу оставить ничего из того, что запланировано взять. Кроме того — тяжёлый снег. Хац и Карабаш ушли вперёд прокладывать тропу. В итоге после кошмарной, утомительной работы выдохлись полностью к 16–00. Снег кислый и глубокий, проваливались по пояс. Стоит увеличить темп — после сотни шагов круги перед глазами. Даже Алмазов, редкостный здоровяк, падал в снег задницей, рюкзаком и раскидывал руки, тяжело дыша.

На скалах островка облегчения не наступило; снег не держит, камни рассыпаются, если взяться за них покрепче. Единогласно решили ставить палатки в 16–30. Ребята тянут на меня, что много взято продуктов, отсюда, дескать, и рюкзаки непомерные. Вечером стали подсчитывать. Утверждают, что 5 кг, сахара слишком много на 9 дней пути. Чушь. По 500 грамм пищи в день — это нормально.

Хац в конце решил (оценив, наверное, сделанное за первый день) ничего не оставлять. Ночуем на скальном острове.

29.07.74.

Спали в памирке втроём: Орлов, Карабаш и я. Коля принял на ночь 2 таблетки анальгина, а с 5–20 кочегарит примуса — он назначен дежурным. Поздравили «крокодилов» с прошедшим

днём ВМФ (Шумихин служил на атомной подлодке, Евсюков — на сторожевике). Мы видим их, заночевали немногим выше нас.

Завтрак: чай, сахар, овсяное печенье, сухари, печень трески. Вышли с Хацем в 8–30, остальные сворачивают бивуак. Мороз градусов 15. Ботинки заледенели. Ноги мерзнут, несмотря на наружные чуни. Представляю, каково ребятам, у которых вчера ботинки вымокли сильнее, чем у меня.

Сначала шёл первым, потом меня сменил Хац, забил два крюка и вылез опять на снег (островок кончился). Там я прошёл метров 200 по кошмарному снегу: глубокий, рыхлый, по пояс глубиной, угрожающий сползти пластом. К счастью, мы в тени, лавины будут при солнце.

Свернул к скалам траверсом, так ближе. Хац испугался, что подрежу пласт, и закричал, чтобы бил ледовый крюк. Какой там крюк, когда ноги не находят жёсткой опоры. Алмазов, следуя за мной, по приказу Игоря стоял полчаса, наблюдая за склоном, и матерился. Перешли все благополучно. Вот мы и коснулись самой стены. Решили перекусить в течение часа, напиток. Пока четвёрка готовила перекус, Хац, я и Алмазов пошли и навесили 120 метров верёвки. Две сороковки по канту стены и снега, одну — вверх по скалам. Скалы несложные.

С 14-ти пошёл снег. Решили ночевать на месте перекуса, сделали хорошие площадки. По словам Игоря, до полки, где предполагается устроить следующую ночёвку меньше 3-х верёвок. Мне кажется гораздо больше. Пока, к сожалению, оптимизм Игоря не оправдывается.

Стена

30.07.74.

Большой день по сделанному, но какую кошмарную ночь мы провели в палатках. Всю ночь шёл снег, и с часовыми интервалами стена над нами со вздохами освобождалась от свежих снежных накоплений, спуская лавинки как раз на наши палатки, заваливая их и нас внутри. Юра Рябов вылезал откапывать дважды; Хац пытался приспособить сверху полиэтиленовую плёнку, чтобы снег скатывался по ней. К утру снегопад почти прекратился, и часа два удалось поспать.

Вышли в 10:00 — небольшой снежок сверху. 120 метров простого склона по перилам заняли один час. Пока все собирались, Игорь за следующий час прошел ещё 40 метров на двойном репшнуре. Дальше скалы усложнялись, и Хац предложил идти первым мне. Снег усилился, метёт.

С рюкзаком, оказалось, лезть невозможно; прошёл 6 верёвок, а рюкзак Игорь переносил челноком. Работа впереди спокойная, скалы комбинированные, со льдом и снегом, 4 крюка на верёвку. К 19-ти вышел на снежный кусок, то пятно, где с самого начала предполагали ночевать. Остальные — растянулись по верёвкам ниже. Работали до часа ночи: подтаскивали рюкзаки, выбирали верёвки, с Алмазовым долго топтали и рубили площадку для палаток в нижней части склона, рядом с краем башни. Игорь был против постановки палаток там из-за

возможной бомбардировки камнями, но другого места нет. Сидячий бивуак, наверное, вывел бы нашу группу из строя надолго.

Полнолуние позади, но луна помогла, фантастический пейзаж. Небо полностью очистилось, горы блестят, тихо, копошатся в блеске тёмные фигуры.

Забил крюк для страховки неясно, как и во что. Утром выяснилось, что забил весьма хреново. Скорчившись в палатке, приготовили чай на всех, с наслаждением напились, уснули часа в 3 до 8:30. Сновидений не было.

31.07.74.

Второй день на стене по погоде был отличным, а по содержанию оказался отвратительным. Подтвердилось, что стена сложена из неприятной породы: серый сланец, размокший от воды, текущей струйками, отламывается от небольших усилий. Подниматься на башню пробовали по очереди. Сначала пошёл Хац, но ему в шекльтонах было трудно и его сменил Карабаш. Прошёл 5 метров и не смог дальше. Вышел вперёд я. Прошёл метров 8, забив 3 крюка. Последний хотел заколотить шлямбурный, но стоящий на страховке Хац посоветовал использовать обычный и показал как будто подходящую трещину. Я поддался на совет: забил. Используя крюк, стал выжиматься, пытаюсь дотянуться до хорошей зацепки метром выше. Крюк с мелодичным звуком вылетел, и я рухнул вниз. Пролетел по скалам метров 5; следующий крюк выдержал. Ободрался, ушиб и растянул голень. Самочувствие поганое. Палатки находятся под постоянным обстрелом. Часто свистят камни, перелетая в основном через них, но один пробил высотную палатку, в которой лежал Алмазов.

После того, как я приполз в палатку, на смену, переобувшись в ботинки, вышел Хац. Судя по продвижению верёвки, дела у него идут не блестяще.

Самочувствие у всех неважное — сказывается вчерашний напряжённый день. Мало остается бензина, надо экономить. Начались настоящие препятствия, идём медленнее, чем рассчитывали.

01.08.74.

С 10-ти на обработку ушли Алмазов и Хац. У меня всю ночь ныла и не давала спать нога. Пришлось вставать среди ночи, бинтовать и есть болеутоляющие таблетки. Опять проскочила мысль: на кой чёрт всё это надо? После 12-ти Хац крикнул, чтобы все паковали рюкзаки для транспортировки и готовились идти вверх по перилам для вытяжки рюкзаков. Они прошли около 80 метров, первым шёл Алмазов.

Полз первым по перилам и промежуточные крючья, от нагрузки начали по очереди вылетать. Каждый раз рывок, и больная нога, продетая в стремя, словно выворачивается наизнанку, весьма болезненно. Но добрался нормально. Собрались на полке в конце перил и наладили систему для вытяжки рюкзаков только к 18-ти. Ещё около 40 минут ушло на ликвидацию, каких-то неисправностей внизу. И лишь в 18–40 всё было готово для того, чтобы начать вытягивать первый рюкзак.

Получасом раньше я предложил не начинать работу, которую явно не завершим к

наступлению темноты, не устраивать холодной ночёвки, а начать спуск к старым площадкам и нормально переночевать ночь. Хац после получасового размышления согласился (поспорили, но без повышения тона). Никулин спустился первым за 35 минут, остальные быстрее. В сумерках поставили на старом месте палатки и хорошо отдохнули. Удалось набрать воды в кастрюли из струек, текущих по стене и сэкономить бензин. И дальше так надо делать.

02.08.74.

Перебазировались на новый бивуак, прошли башню, скорее всего самое сложное место на стене. Раньше решили подниматься по трём навешенным верёвкам с рюкзаками (правильно, конечно); не вытягивать рюкзаки потом. Первым ушёл Алмазов, я следом за ним спустя 15 минут, и с больной ногой, отстал. Хац, выйдя за мной через следующие 15 минут, догнал, и к концу перил мы пришли одновременно. Но дальше затык. Два часа ждали Мишу Никулина, который не смог одолеть гладкой вертикальной стенки и вернулся назад. Хац вынужден был спуститься вниз к сложному месту и подтягивать всех за основную верёвку. Когда поднесли сороковку, Алмазов пошёл вверх без рюкзака и навесил ещё одну верёвку — рельеф несложный после башни. Мы с Колей Орловым обеспечивали снятие перил, выбивали крючья. Хац настоял на том, чтобы меня из-за больной ноги разгрузили. Несу только личные вещи. Дальше предложили идти первым Юре Рябову, но он запоролся, полез без необходимости на какие то стены, хотя левее просматривался обход. Хац ушёл налево, а за ним и остальные по перилам. В 18–00 предложил делать площадку, но Хац прошёл ещё две верёвки. В сумерках все выбрались к нему на неплохое место и до 22-х в темноте. Возились с установкой палаток, потом ужинали, заснули в час.

Спалось вполне уютно, т. к. лёг валетом головой внутрь (просторно и свободно). Уже два дня держится прекрасная погода. На связи слышал разговор Мальцева с Лапшиной, он жалуется:

«Тяжело идти», она утешает:

«Валерочка, потерпи». Обменялся с ним несколькими фразами. Сказал:

«Не горюй» — его любимые слова, сказанные мне на пике Энгельса. Как вспомнил про Энгельса, потеплело на душе. Может быть и у него тоже?

Когда лез сегодня по перилам, нечаянно наступил сильно на больную ногу, опора из под правой ноги ушла и я автоматически перенёс всю тяжесть на левую руку. Почувствовал при этом, как кость вышла из плечевой сумки и с чмоканием (или хлюпаньем) вошла обратно. Сейчас рука болит сильнее, чем нога. Это хорошо — значит нога проходит.

03.08.74.

С утра, как обычно, Хац рекомендовал (приказал как начальник) собирать всем рюкзаки и готовиться к движению. Но с самого начала получилась заминка: неясно, где проще подниматься. Снизу при наблюдении казалось, что здесь везде проходимо. После часовых поисков остановились на приемлемом варианте, но для подъёма с рюкзаками сложновато. Погода с утра начала портиться, и когда Хац ушёл обрабатывать первую верёвку, я крикнул

ребятам, чтобы не снимали палатки т. к. перебазироваться, сегодня наверняка не будем. Вторую и третью верёвки навешивали мы с Алмазовым, вернее лез Алмазов, а я страховал. Работалось тяжело, еду начали экономить (провёл инвентаризацию), да и высота за 6000 м. На пике Энгельса на такой высоте мы выходили на гребень, а здесь — середина стены.

Сравнительно тепло. Ноги почти не мёрзнут в ботинках с чунями (снега на стене немного и ботинки почти сухие). Ни у кого из ребят ноги не подморожены. Одну верёвку Алмазов навесил почти горизонтально — ушли из-под сложных скал, а третью Валерий просто вымучил. Я лезть первым пока не могу. Скалы при взгляде снизу кажутся простыми, а как доходит до дела, до лазания — весьма неприятны. Много «живых» камней, и будь погода получше, без снегопадов, были бы часты камнепады. Сейчас «живые» камни сморожены в монолит. Вернулись часам к 18-ти. Был готов югославский бульон — как обычно, пошёл весьма хорошо внутрь. А ещё лучше — кофе со спиртом в честь дня рождения Игоря. Спели ему хором крокодилью песню «Прилетит к нам волшебник в голубом вертолёте...».

04.08.74.

День перебазировки лагеря всегда более напряжён, чем день обработки, но этот выдался особенным: долгим, нервным, мучительным.

Алмазов с рюкзаком быстро пролез по навешенным перилам сорокаметровую стенку; за ним я — с полным грузом и свободной сороковкой. Дальше должен был идти Никулин, но не смог, и в этом месте решили вытягивать рюкзаки. Хац с 40 метрами репшнура тоже пролез за нами и остался помогать вытягивать рюкзаки. Мы с Валерием ушли к концу перил, обработали следующие 40 метров и стали ждать Хаца, который появился со своим репшнуром через час. Сказав, что сейчас снизу поднесут ещё верёвку, он на двойном репшнуре обработал очередные 20 метров, спустился к нам двоим и обрадовал, заявив, что пятнадцатью метрами выше есть хорошая полка для ночёвки. Втроём стали спокойно кушать сабзу, поджидая пока снизу поднесут верёвку.

Всё время шёл снежок, и на нас время от времени сыпались пылевые снежные лавинки. Оказалось при внимательном рассмотрении, что стоим мы на полке в горловине внутреннего угла, естественном локальном лавинно сборнике. Часа через два, к 17-ти Миша Никулин принёс, наконец, сороковку волоча её за собой, причём его чуть не сдёрнули. И он повис на схватывающем узле.

Подхватив эту верёвку, Хац полез вверх. Минут через 20 двинулся я, страхуя Игоря. Никулин и Алмазов остались ждать моего сообщения, что Хацкевич вылез на хорошую полку и готов принимать остальных. Но прошёл час, сумерки, сыплет снег, лавинки одна за другой сходят через меня, иногда задевая камушками и ледышками по плечам и ногам. Игорь ушёл на все 40 метров и просит (еле слышно) надвязать верёвку — ему надо пройти ещё 10 метров. Снизу кричат едва слышно (из-за свиста ветра), что сорвался Юра Рябов и не может идти. Наконец доносится крик Хаца, ушедшего вверх на 50 метров, что верёвка закреплена и по ней можно подниматься. Спешу, срывая дыхание, следом торопится Алмазов. Цель — скорее бросить рюкзаки и спуститься тянуть Рябова. Кричу Игорю о случившемся, и он начинает спускаться по той верёвке, которую только что навесил.

Площадки, о которой он говорил, нет. Нет и намёка на снежный склон, в котором можно было бы сделать эту площадку. Снизу Игорь кричит, что с Рябовым нет ничего серьёзного и

за ним спускаться не нужно. Пытаемся сделать площадку, но снег сухой и вылепить, как это мы делали раньше, ничего не удается. Нельзя сейчас и расширить плацдарм за счёт вмёрзших в лёд камней, т. к. сброшенные камни пройдут через внутренний угол, по которому поднимаются ребята.

Темно, топчемся с Алмазовым на месте, скребём ледорубами лёд, пытаемся увеличить площадь. В лучшем случае удастся подвесить памирку, так что половина днища будет висеть над стеной. Проблема закрепить конёк палатки. В темноте не видно подходящих трещин; загоняем ледоруб в расщелину между смёрзшихся камней и растягиваем палатку за этот ледоруб и за страховочный крюк, который забил Хац. Ветер бросает то вверх, то вниз груды снега.

В подвешенную палатку забиваются подошедшие Карабаш, Никулин, Орлов, потом я и Валерий Алмазов. Впятером можно сидеть скорчившись. На коленях грею воду на примусе. К 23-м приползли Хац и Рябов. Юра в панике — не чувствует ног. Ему ещё хватает места в палатке. Игорю никакими силами не удаётся втиснуться в палатку и он остаётся сидеть на рюкзаке снаружи. Соорудив над собой нечто вроде навеса из полиэтиленовой плёнки. Ноги сунул нам на колени. Алмазов постепенно сполз в ноги и улёгся у всех на ступнях, одним боком нависая над бездной.

Страховочной верёвки, продетой сквозь палатку у нас нет. У каждого — индивидуальная страховка, путаница из концов репшура, дёргаем друг друга. Никто не решается снять ботинки из боязни потерять их (кроме Рябова — ему растирают ноги). Мешанина из голов, ног, тел; только горящий примус возвышается незыблемо у меня на коленях. К первому часу ночи выпиваем две кастрюльки чая с консервами и сухарями и потом погружаемся в тяжёлое забытьё на несколько минут, прерываемое попытками повернуться, устроиться получше, пошевелить ногой, охами, стонами и кряхтеньем, короткими разговорами.

05.08.74.

Сумрачный рассвет. Лавинки с шелестом перескакивают через нас. Сна было весьма мало. Пальцы на ногах потеряли чувствительность. Шевелю минут 15 в расстёгнутых ботинках пальцами, двигаю ступнёй, пытаюсь постукивать ногами и, наконец, ощущаю тепло. Постепенно раскачиваемся, кочегарю примус, к 10-ти напился чаю. Хац посылает вниз снимать оставленные верёвки Никулина, Карабаша и Орлова. Через час снизу доносятся звуки, говорящие о том, что ребята возвращаются. Мы с Алмазовым вылезаем наружу, должны идти вверх на обработку: дикий холод, мороз, ветер, режущий лицо снег. Игорь намеревается снимать бивуак, я резко возражаю: надо дать отогреться ребятам снизу и, кроме того, больше трех верёвок нам сегодня не обработать. Нет смысла переносить палатку, надо расширять площадку и ставить вторую, высотную палатку, растягивать нормально памирку.

Подумав, Хац соглашается. Ребята снизу, совершенно замёрзшие, вползают на четвереньках в палатку и начинают оттирать ноги. Верёвки снизу они принесли не до конца; спутанные и заклиненные в расщелинах петли остались наполовину внизу. Алмазов уходит вниз, я готовлюсь лезть вверх на обработку, навешиваю на себя примерзающие к пальцам ледяные карабины и крючья. Хватит мне филонить. И нога, и рука побаливают, но терпимо.

Валерий приходит, и я лезу с верёвкой вверх. Неприятна расчистка скал от снега, чтобы видеть микрорельеф. То, что счищаешь рукавицами с камня, летит в лицо, слепит очки, а пуховые рукавицы снять нельзя даже на минуту — немеют пальцы. Лезу очень медленно, очки пришлось снять, вокруг белая круговерть. У скал можно работать и без очков не опасаясь повредить глаза. Чувствую, как постепенно, начиная с ног, замерзаю. При попытке увеличить темп, ощущаю себя на грани срыва.

Алмазов снизу даёт ценные указания, куда и как лезть. Указания хорошие, но ничего общего с реальностью не имеют. Злитесь, когда я делаю не то, что он говорит, но скоро я перестаю его слышать и видеть. Страхует он хорошо, мягко выдавая верёвку.

40 метров прохожу за 2–3 часа и пока принимаю Алмазова, прыгаю, шевелю всеми мышцами, пытаюсь согреться. После его прихода снова лезу вверх. Около получаса не могу преодолеть двухметровую, чуть нависающую стенку. Некуда бить крюк, а последний крюк пятью метрами ниже. Рискую, срываюсь и повисаю на одной руке (хорошо, что на правой). Нашёл, наконец, трещину не забитую льдом и заколотил туда более или менее надёжный крюк. Вылез. Дышу как рыба на воздухе (всё-таки высота 6600). Чтобы не застудить лёгкие, прикрываю рот языком.

Ещё 40 метров позади. Последнюю, третью верёвку навесил не полностью — не хватило сил. Остаток верёвки смотал и повесил на верхний крюк (метров 15 осталось). Кричу Алмазову, чтобы он уходил к палаткам, а потом скольжу по верёвке сам. Времени — шестой час.

Внизу, тем временем хорошо поставили обе палатки. Залезаю в жёлтую высотную. Мы взяли её без подпалатника, и сейчас жёлтый свет внутри создаёт иллюзию яркого солнечного освещения снаружи. От этого самопроизвольно улучшается настроение.

Потом — чай, суп, сублимированный творог, вобла — всего понемногу (продуктов остаётся мало), и настроение совсем прекрасное. Лежим, треплемся.

После бессонной ночи хорошо спится пуховые спальники сухие, тепло. Все жаждут и надеются на хорошую погоду. Вспомнил свою старую примету: если напевать песню «Пират забудь о стороне родной...» погода улучшится. Решил завтра не петь ничего другого.

06.08.74.

Несмотря на все старания выйти пораньше (хотя бы часов в 9), мороз и ветер задерживают в палатках; большого рвения никто не проявляет, хотя Хац с вечера назначил людей первыми подниматься по перилам.

В 10–30 вышли Никулин и Карабаш с заданием доработать оставшуюся верёвку и начать навешивать следующую. Затем через полчаса начинаем не торопясь подъем Хац и я. Погода как и вчера мразь, проносятся клочья облаков, и сверху и снизу летит снег.

У конца перильной верёвки отдыхаю и разглядываю, что делают вышедшие раньше: Миша Никулин поднялся на 10–15 метров и закрепил оставшуюся вчера часть верёвки, а теперь начал спускаться. Вот он обернулся и его вид поразил меня: всё лицо в сосульках, жёлтых от соплей и слюны, незакрытые сосульками части лица — совершенно белые. На мгновение я перестал смотреть на него, послышался странный слабый звук, словно кто-то пискнул и он

сорвался. Верёвка, которую навесил Миша, шла не вертикально вниз, а наклонно. На замёрзшей верёвке схватывающий узел сработал не сразу и Никулин пролетел метра три пока не завис. Затем перила натянулись, спружинили и подбросили его раза два вверх. Он остановился в метре выше крюка, забитого мною вчера, пришёл в себя и закорчился от боли. Игорь притянул его к себе на полочку, поставил на ноги и велел как можно энергичнее стучать ногой, чтобы не подморозить. Перелома нет, ушиб и растяжение левой ноги, как было у меня при срыве шесть дней назад (надо же, прошло уже шесть дней!).

Вверх полез Игорь, закрепил очередную верёвку и пропустил вперёд меня. Скалы становятся проще, моё непрерывное исполнение песни про пирата и про то, как над «пенным гребнем вспыхивает солнце» вроде бы действует, небо светлеет. Небо посветлело оттого, что стена кончалась. В 17–10 я вылез на северный гребень пика Корженевской. Сильнейший ветер. Чтобы отдышаться спокойно пришлось опуститься на четвереньки и спрятать лицо. Подошёл к обрыву и крикнул Игорю, что через пять минут закреплю верёвку, пусть все поднимаются. Забил в снег ледоруб, набросил верёвку и стал ждать. Несутся клубы снежной пыли, видимость со всех сторон ограничена то ли снегом гребня, то ли снегом в воздухе. Часа через два поднимаются ко мне все остальные. Рюкзак Никулина за второй заход поднял Юра Рябов.

Он осмотрелся вокруг и сообщил, что место куда мы вылезли — это небольшая снежная мульда, борта которой смягчают ветер. Поскольку у нас есть лавинная лопата и пила, можно вырыть пещеру. Но рыть не стали, уже поздно, решили ставить палатки. Коля Орлов попытался поставить стенку из снежных брусков — не получилось, валит ветер. Я поднялся на бруствер мульды: в сторону вершины на юг различим провал в гребне, глубиной метров 100–150. На север снежный склон полого уходит вниз. В мульде поставили палатки, согрели тёплой воды (бензин кончается, заварка кончилась), попили без сахара (кончился) с консервами без сухарей (кончились).

В середине ночи ветер завалил заднюю часть нашей палатки. Мы поставили стойку и подтянули растяжки, но через мгновение палатка снова оказалась заваленной. Из-за боязни, что ветер порвёт палатку, решили вообще не поднимать её. Ещё есть один довод, чтобы не поднимать: в скалах имеется много зашитых нитками дыр от камней, падавших со стены. Если палатка не натянута, то снег хуже пробивается сквозь дырочки внутрь. Снег постепенно заваливает нас, но около головы каждый поддерживает свободную зону для дыхания. Дышим и спим сравнительно неплохо. Слышно как ветер набирает силу, воем от тонких до басовых нот и вырвавшись на простор, как проносающийся поезд сотрясает палатку, приподнимая нас. Орлов спрашивает, что будем делать, если ветер порвёт палатку. Ясно что: переберёмся в высотную, где сейчас лежат Хац, Алмазов, Рябов и Никулин. Если расправится стихия и с этой палаткой, будем рыть пещеру.

Долго лежал размышляя о ситуации, вспоминая и анализируя детали прохождения стены, наши ошибки.

Немного об ошибках

Моя персональная ошибка состояла в том, что я не обсуждал с Игорем тактических вариантов прохождения стены, понадеявшись на капитана Хацкевича и его заместителя Мишу Никулина. Отбором снаряжения занимались они, я не вмешивался, полагая, что и так слишком обостряю отношения со своими предложениями о количестве продуктов и бензина.

Нам постоянно не хватало двух сороковок, будь то для обработки стены или для вытягивания рюкзаков. Отсюда последовали досадные перерывы, когда передовая двойка была вынуждена просто ждать ничего не делая. Конечно лишний вес верёвок ещё сильнее замедлил бы подход к стене по снегу, но сколько времени мы выиграли бы за те 8 дней, когда поднимались по стене. После выхода на гребень, можно было использовать в дальнейшем траверсе только необходимые верёвки, оставив всё лишнее.

Вторая, очевидная, ошибка касается состава команды. Мало того, что у нас не было схоженности даже среди некоторых партнёров по связке (тренировочный подъём некоторых ребят на пик Парашютистов нельзя принимать во внимание). Не было и ясного представления на что способен каждый из участников восхождения, что он может дать и где лучше его использовать.

К середине стены только стало понятно кто способен идти первым в условиях непогоды, кто быстрее поднимается по перилам, кто более умело занимается бивуачными делами. Прояснилось для меня и состояние, физическое и моральное, всей нашей команды. Миша Никулин не был готов встретить комплекс трудностей маршрута; он оказался заметно слабее, чем был год назад на Ужбе. Почему Игорь послал его обрабатывать путь на самом верху стены? Совсем не оправдал ожиданий Хаца — Володя Карабаш. Он не рвался вверх, не просил поручить ему какое-то дело, а просто без видимой охоты исполнял порученное. По утрам он долго перебирал свои носки, свитера, набрюшники и наушники в мешках, что-то снимая с себя, что-то надевая и совсем не торопясь наружу. Моя главная претензия к себе: как я мог допустить срыв и уйти на 5 дней в тыл.

Серьёзной ошибкой было и отсутствие точных планов и прогнозов на предстоящий день, желание Игоря без обработки хотя бы нескольких верёвок и перспектив на ночлег, снимать бивуак с насиженного и обжитого места. Конечно, три верёвки для обработки — это очень мало, но всё-таки лучше, чем ничего. Мы недооценили сложность стены и слишком надеялись на хорошую погоду, а в этом году она не была «обычной» памирской погодой с безоблачным небом.

Без всякого сомнения, команда уральцев одолела бы эту стену за 6 дней. Вспомнив о них в ту ночь, я понял что нашей команде не пройти траверса до пика Коммунизма в полном составе и что, может быть кому-то из наших ребят надо будет спуститься вместе с командой Мальцева, если обе группы встретятся в районе вершины.

Гребень

07.08.74.

К утру нас здорово завалило, но палатку, не вылезая из неё, отряхнули (снег — сухой, как пыль) и натянули после часовой борьбы (отличился Орлов). Растопили на остатках бензина снега, получили и выпили кастрюльку холодной воды. Еды у нас — две банки шпрот и банка ряпушки в томате (у меня, правда утаена манная крупа, с полкило; может и ещё кто-нибудь имеет аналогичные н. з.). На вершине лежит и ждёт нас заброска: 3 кг. еды, 2 литра бензина и 4 пары шекльтонов, на всех кто не обут в высотную обувь. Сейчас наша основная задача добраться до неё.

В 12–00 из памирки вылез я, из высотной Хац и Алмазов, все полностью собранные, закутанные и застёгнутые на все пуговицы, готовые прокладывать путь к вершине. Снаружи — невообразимая круговерть, воздух наполнен ветром, снегом, облаками, невозможно отличить землю от неба, видимость метров пять, дышать стоя навстречу ветру невозможно. Ветер валит с ног, стоять можно лишь в отдельные моменты, передвигаться — только на четвереньках.

Коротко посоветовавшись решаем, что шансов на успех нет и лезем обратно в палатки. Вечером пытаемся согреть воды на спирте (во фляжке осталось ещё грамм 200 у Хаца), но, сюрприз, в считавшемся совершенно пустым примусе обнаружили 100 грамм бензина. Натопили около двух литров воды, выпили холодной, пожевали сухой манки и завалились спать. Ветер ревёт и рвёт нашу палатку, но странно, сожаления и мыслей «зачем?» нет. Думаю о конкретных делах: как избежать обморожения в моих триконях, как дела у Мальцева, выдержат ли наши ребята.

08.08.74.

Внутри палаток наши впечатления о погоде те же, что и вчера. Изменений не ощущаем. Так же порывами гудит ветер, бьёт в палатку снегом и льдинками. Острые льдинки оставляют в перкале маленькие дырочки. Спальники в ногах засыпаны сантиметровым слоем снега. Теперь завалило и присыпало высотную палатку. Они зывают о помощи. Смеюсь в ответ: вчера я тщетно зывал к ним, а смеялись они. Даю совет проделать тот же трюк, что вчера сделал Орлов: ногами упереться в потолок и приподнять ткань (силы рук не хватает для того, чтобы поднять конёк достаточно), а второму в палатке поставить палку. Они успешно справляются с этим.

В 11 выползаю из палатки (истощилось терпение помочиться и надо посмотреть что на улице). Сквозь слой несущегося с завихрениями снега проглядывает ясное голубое небо. Сильный холод, ноги в ботинках моментально замерзают. Сообщаю о погоде Хацу и лезу в палатку собираться. Из второй палатки обещают вылезти через полчаса. Я растираю ноги, разминаю ботинки, пытаюсь дыханием и руками согреть их, прежде, чем обуться. Через полчаса Хац и Никулин уходят на юг, и исчезают за бруствером мульды. Наша тройка в это время сворачивает памирку, в рукавицах получается трудно и медленно, (а рукавиц на нас по 2–3 пары: шерстяные тонкие, пуховые и брезентовые и всё–таки холод из–за ветра добирается до пальцев). Справляемся наконец, и я выглядываю из мульды.

Внизу в провале вижу Игоря и Мишу, но не понимаю куда они идут: то ли вниз в провал, то ли обратно вверх к нам, лица обращены к нам. Связываемся тройкой и переваливаем через барьер. Склон оказался круче, чем я ожидал и мы хаотично скатываемся, то запутываясь в верёвке, то освобождаясь от неё. В круговерти ветра и снега дышать почти невозможно: снег и ветер наполняют лёгкие, разрывая их. Смотрим с Колей друг на друга и обмениваемся мнениями: иногда кажется, что теряем сознание. Начинаем двигаться спиной вперёд, как передовая двойка и вскоре догоняем их. Миша совсем плох и почти не может двигаться. На дне провала, много ниже места нашего бивуака, ветер хотя и сильный но слабее, чем наверху. Хац боится, что Никулин отморозит большую ушибленную ногу; он сел на снег и говорит, что не может идти. Ноги мёрзнут у всех в ботинках.

Орлов предлагает рыть пещеру, все соглашаются с ним. Хотя практически ничего не прошли, только спустились на 100 метров по высоте. Далеко и высоко в клубах снежной

пыли просматривается вершина пика (и не ясно, вершина ли это). По высоте — до вершины, кажется метров 400, а по расстоянию — километра полтора. Для временного убежища бросаем на снег памирку и втроём (Миша, Орлов и я) забираемся внутрь. Оттираем с Колей ноги: Никулин сидит, опустив голову и руки. Потом вдвоём выползаем наружу и Коля уходит заниматься пещерой.

Хац спрашивает, кто пойдёт за заброской, в ответ — молчание, а потом я поднимаю руку и смотрю на Алмазова, ожидая, что он, мой старый партнёр по связке и товарищ и на этот раз составит мне компанию в рискованном мероприятии (боюсь за свои ноги обутое в стандартные альпинистские ботинки с триконями, опять ноги замерзают). Но Валерий отводит взгляд и говорит, что чувствует себя неважно, слаб, не пойдёт. То же самое повторяет самый молодой из нас, Карабаш ему 27 лет (а ведь он обут в шекльтоны). Сзади, как-то смущённо раздаётся голос Юры Рябова (ему сорок лет):

«Ну давайте, я пойду. Я не устал».

Успех нашего марша зависит от состояния снега на гребне: если снег неглубокий, то можем засветло вернуться, чем глубже снег — тем меньше шансов на удачу. Но другого выхода нет, кроме как идти за бензином и едой наверх. Без воды и пищи в такую непогоду здесь совсем невесело. Берём с собой рацию для связи с базовым лагерем, а Хац протягивает полиэтиленовую фляжку, где видно чуть-чуть черносмородинового варенья (видно н. з. сохранённый Игорем).

Уходим к вершине. Идётся страшно трудно, мучит жажда, от голода поташнивает. За первый час не смогли подняться даже над местом нашей ночёвки, откуда недавно спустились. С седловины вышли в 14:30 связи в 14:50 не получилось. Снег то жёсткий, не держащий триконей, так что приходится рантом бить ступеньку, то выше колен. Часа через полтора после выхода свалились, обессиленные, в снег и пожевали по несколько ягодок варенья. Как ни странно, сил после этого прибавилось, и мы потопали дальше. Попали на непредвиденный горизонтальный участок, покрытый пушистым снегом по пояс глубиной. Стало ещё труднее, выбиваемся из сил не только из-за снега, но и из-за снежной круговерти. Дышать могу только закрыв рот шарфом, продыхая через шарф (неоценимый подарок Коли Орлова). Рябов, идущий сейчас первым, проваливается в трещину, и после того как выбирается, мы связываемся двойным репшнуром.

Оцениваем пройденную часть пути, я соображаю, что до темноты мы не успеем добраться до вершины. Поэтому выхожу вперёд и увеличиваю темп, одновременно преследуя цель активной работой, усилением циркуляции крови, согреться и согреть ноги. На Ужбе в прошлом году это удалось. А сейчас, несмотря на остановки и размахивание ногами, на постоянное шевеление пальцами ног, передних частей ступней совершенно не ощущаю. Вместо притока тепла к ногам добиваюсь только того, что оба падаем на снег и долго приходим в себя. Несколько ягод варенья со снегом подбадривают не хуже допинга. В 19:20 подходим к тому месту, которое считали вершиной, но оказывается, что это только перегиб в склоне.

На 19:30 назначена радиосвязь. Я на ходу включаю рацию и сразу слышу слова Кузи, начспаса экспедиции. Тон слов тревожен и взволнован:

«Начинаете спуск по кулуару? Хорошо, давайте быстрее и осторожнее».

Отвечает ему, как будто, Жека Зубов, но что именно он говорит я не могу понять, из рации доносятся хрипы и шипение. Опять Кузя даёт им какие-то советы. На мои попытки врезаться в разговор он не реагирует. Похоже, что наша рация работает только на приём. Из того, что удалось услышать понятно только, что кто-то сорвался в группе Мальцева и сейчас все они спускаются, уйдя с пути подъёма в кулуар западной стены.

Солнце уже касается неровной линии горизонта, и спрятав рацию за пазуху, я изо всех сил рвусь к вершине. Напоминаю себе о шекльтонах на вершине: я смогу переобуться в них и согреть ноги (с тем, что на ногах кое-что придётся потерять, я уже смирился как с неизбежным). По мере выполаживания склона меняется характер ветра: из резкого и порывистого, ветер превращается в ровный, мощный и особенно ледяной. Чтобы не обморозить лицо, верчу головой, затянутой в капюшоны пуховки и штормовки, подставляя ветру то одну щёку, то другую. Про себя почти молюсь: — «Хоть бы сейчас, до темноты, была вершина». Ещё через 10 минут подъёма мы с Юрой стоим, наклоняясь вперёд навстречу ветру, на ровной снежной площадке, истоптанной следами тех, кто поднимался сюда раньше, другими маршрутами. Это вершина.

Бежим к скальным выходам десятью метрами ниже, где должна быть спрятана заброска. Находим сразу и первое, что делаем — это переобуваемся. Чтобы согреть изнутри меховые сапоги вливаю в каждый из них немного бензина и поджигаю. Но бензин вместо того чтобы вспыхнуть, как обычно, гаснет чуть-чуть почадив. Внутри как был, так и остался ледяной холод и после переобувания ногам ничуть не теплей.

Забираем с собой бензин, мешок с продуктами, запасную пару шекльтонов, записку из тура. Приходится стоять и ждать — Юра долго возится переобуванием. Такое ощущение, будто ветер проходит насквозь, выдувая жизнь. Устремляюсь почти бегом вверх к вершине, а потом вниз по нашему пути, чтобы успеть пройти как можно больше пока видно куда идти. У меня в руках мешочек с продуктами, у него на шее висят связанные шекльтоны, набитые полиэтиленовыми банками с бензином.

Сумерки быстро превращаются в темноту. Идём по следам, там где они видны на глубоком снегу, и несмотря на это, проваливаемся поочерёдно в трещины, незамеченные на пути вверх. Быстро выбираемся и торопимся к спасительной пещере.

Фонарика у нас с собой нет и там, где мы идём по жёсткому фирну, сбиваемся со следов, падаем, снова находим дорогу и снова теряем её. Но сейчас особого беспокойства я не испытываю: ветер утих, внизу на перемычке нас ждёт пещера, где мы отогреемся, вот только почему-то никто не подаёт сигналов. И это непонятно: обычно в таких ситуациях кто-то моргает фонариком (спичками) или кричит, указывая куда идти. Добрались до нашей перемычки. Ветер совершенно стих. В широкой лощине перемычки нас встречает спокойствие и тишина; темно, только звёзды мерцают, никакого движения. Кричим, но никакого ответа не слышим. Медленно идём в один край лощины, постоянно крича, но не замечаем каких-либо признаков человеческой деятельности. Юра уверяет, что надо идти ещё дальше, но там начинается обрыв полутора километрового склона (западная стена, по которой мы поднимались) и мне приходится почти силой заворачивать его обратно. Идём в другую сторону поочерёдно крича:

«Игорь, Валера, ребята!» — никакой ответной реакции. Я забыл про ноги, холод и был поглощён только одним: найти пещеру и всласть выругаться. К этому моменту, а мы бродили уже минут 15 я был порядком возбуждён, зол и про себя произносил самые

«изысканные» ругательства в адрес всех обитателей пещеры.

Сменив тактику поисков, я пригнувшись низко, внимательно изучаю снег, пытаюсь найти хоть какие-то следы, оставленные при рытье пещеры. Зигзагами двигаюсь по дну ложины от одного склона к другому, уходя всё дальше от обрыва стены. Юра ходит рядом. Наконец, через полчаса, натыкаюсь на пятно мочи — это хороший ориентир, площадь поисков сужается, ещё через пару минут вижу ещё более тёмное пятно: дверь пещеры, завешенная палаткой. Ковыляем к ней. Чтобы выпустить из себя пар злости, пропускаю к двери Юру. Он открывает дверь и начинает что-то говорить. Злость душит меня, я отвожу душу матерщиной, ругаясь в пространство. Нет никакого удовлетворения, что мы пришли с бензином и пищей. Обида. Но что я услышал через некоторое время!!

Протискиваемся по очереди внутрь, там очень тесно. Игорь смущён и не реагирует на мои упрёки по поводу такой встречи (вернее отсутствия встречи). Остальные ребята совершенно безучастны, вялы, такое впечатление создаётся, что сознание у всех заторможено. Кое-как скорчиваемся, обстановка напоминает наш сидячий ночлег в памирке на стене. Та же мешанина из конечностей, тел и голов. Спрашиваю:

«Что же сделали такую маленькую пещерку? Как будто времени было достаточно». Отвечает Орлов:

«Устали и работали медленно». От дальней стенки доносится голос Никулина:

«А мы на вас не рассчитывали». Я недоумённо молчу, ожидая пояснений, не понял что имеет ввиду Миша. То ли то, что мы будем иметь холодную ночёвку с Юрой, то ли то, что свалимся в темноте со стены.

Объясняет Хац:

«Полвосьмого Карабаш выглядывал посмотреть на вас и сказал, что вы идёте вверх. После этого я не думал, что вы вернётесь. Там на вершине сегодня должна быть группа из «Мехната». Вы могли уйти с ней по пути 5А вниз».

Я поражён. Сама мысль о том, что я способен предать друзей, бросить их, невыносима для меня. Слова «вы могли уйти...» произнёс Игорь, но очевидно к такому заключению пришла вся группа, если никто не добавил к сказанному Игорем, не возразил, не встретил нас. Или все так устали и морально раздавлены, что в голову лезет подобная ахиня? Алмазов же знает меня в горах 13 лет, почти столько же знает Орлов. Как могли они допустить малейшую вероятность нашего ухода. Не придя ни к какому заключению я механически передаю в глубину пещеры бензин и продукты.

Почему-то вспомнилась дикая первобытная красота вида с вершины, солнце наполовину ушедшее за горы и небо, золотистое рядом с солнцем, фиолетовое, почти чёрное над нами и тёмно-синее на западе. И пронизывающий ровный ледяной ветер. Такой же ледяной показалась мне на миг атмосфера в пещере. Так же внезапно я осознал, что не хочу продолжения траверса в этой группе, хочу спуска вниз, встречи с Мальцевым, с Жекой. Вспомнил о них и пронзила тревога: что случилось в их команде, кто сорвался, травма или что похуже?

Алмазов начал заправлять примуса. Мы с Юрой стаскиваем шекльтоны, ноги ледяные, обе

стопы — бесчувственные. Игорь предлагает спрятать ноги у него в подмышках. Сую в тепло, не могу устоять: пяткам — хорошо, пальцам — всё равно. Одну ногу он вскоре вынул и начал растирать шерстяной варежкой. Трёт долго по очереди, то одну, то другую ногу, пока готовится одна и вторая кастрюли горячей воды, разогреваются в миске две банки тушёнки. На время еды это занятие прекращается, потом Игорь продолжает растирать. Я занимаюсь тем же с Юрой Рябовым, только одну его ногу прячу под пуховкой, а не на теле. Игорь ставит мне на большой палец на ноге кружку с кипятком и долго держит там: сначала не чувствую ничего, минуту спустя ощущаю острую боль. Оба мы довольны: пальцы, значит, будут целы. То же самое и у Юры. Коротко говорю о радиосвязи и предлагаю завтра спуститься по пути «академиков». Игорь недовольно хмыкает. Затишаем во втором часу и дремлем до восьми в скрюченных позах.

09.08.74.

Апатия. Свет пробивается сквозь щели у двери, завешенной палаткой. Охи и стоны Миши Никулина, чтобы пощадили его больную ногу. Небольшие препирания сзади по вопросу: кто будет держать примус, чтобы вскипятить воду. Долгая раскачка, долгое обувание, долгая возня. Разыграли принесённую нами пару шекльтонов, досталась Коле Орлову. В 11:30 выползли из пещеры: Коля, потом я.

Густое небо, припекает яркое солнце, абсолютный штиль. Мы как в фокусе рефлектора в этой котловине. Чтобы не упасть от простора и вольного воздуха сажусь рядом с Колей на снег. Стягиваем палатку с входа в пещеру и раскладываем на жёсткий наст для просушки. Начинаем собирать рюкзаки. Выбирается Миша и, как и мы опускается на снег. Только в первом часу пошли тройкой к вершине: я, Никулин, Орлов. Следы вчерашние почти не заметны. Идём с рюкзаками, но темп подъёма не медленнее, чем вчера, когда мы шли налегке: отъелись и главное напились. Через час начинает подъём ещё одна двойка Алмазов, Карабаш, ещё через час — Хац и Рябов. Игорь мотивировал такую расстановку заботой о нас, у кого болят ноги: «Идите не торопясь, а мы вас догоним». Получилось же, что мы с Колей поочередно топчем ступени и все связки идут равным темпом. Перед вершиной нашу тройку догнал Алмазов.

В 17:30 вчетвером вышли на вершину. Ветер, хотя и сильный, но много слабее, чем был вчера. Совещаемся и решаем, что делать: для ночлега с этой стороны горы ветер сделает много неудобств и неизвестно, когда подтянутся остальные. Чтобы не разойтись друг с другом, предлагаю вернуться через вершину обратно навстречу оставшимся и заночевать в удобной мульде чуть ниже вершины. Так и делаем.

В 19:00 на высоте 7100 метров залезаем в палатки. Внутри сравнительно тепло, снаружи — тихо. Жаль, что спальные мешки отсырели за прошлую ночь. Обнаруживаем, с грустью, что еды у нас осталось опять мало: одна банка тушёнки, одна банка шпрот, одна банка ряпушки и манка. Сон хороший и крепкий, хотя ноги здорово болят.

Немного размышлений

Монотонная механическая работа вызывает у меня желание размышлять. Поднимаясь по ступеням за Орловым, глядя вниз в снег, я размышлял о прошедшем дне, о том, как кризисная ситуация высвечивает людей, выявляя черты характера, о которых сами люди,

может быть и не подозревали до сих пор. Чтобы лучше разобраться в минувшем, я попытался дважды поставить себя на место каждого, сначала в момент принятия решения о броске на вершину за снаряжением и бензином, потом после нашего возвращения в пещеру.

Необходимость выхода за заброской, после того как Игорь согласился с предложением рыть пещеру в провале, ни у кого не вызвала сомнений. На высоте 7000 метров двое суток без питья страшны сами по себе, не говоря уже о том, что никакой уверенности в улучшении погоды не было. Никаких сомнений не вызывал также и риск выхода: с уходящей двойкой могло случиться всё, что угодно, от обморожений до гибели. Правильным был наш перенос бивуака: дальнейшее пребывание в палатках и бездействие сильнее ослабили бы группу, чем спуск в провал и рытьё пещеры. Итак, кто же мог пойти к вершине за заброской? Сразу отпадает Миша Никулин, и не столько из-за больной ноги, сейчас он идёт довольно бодро, а потому, что плохо подготовлен физически. Коля Орлов был необходим на перемышке как лучший специалист по рытью пещер, его излюбленному занятию со времён школы инструкторов. Володя Карабаш? С ним тоже всё понятно. Парень он, конечно здоровый. Но пошёл в первый раз на высотное восхождение и попал в переделку. Тут немудрено и сдрейфить. Дай бог, чтобы урок пошёл ему впрок. Хорошим был бы партнёром Игорь, с ним, пожалуй, вернулись бы быстрее. Как он прокладывал тропу в первый день восхождения на пару с Карабашом! Почему он не сказал прямо: кто пойдёт со мной за заброской? Может быть потому, что не хотел, как руководитель, уходить от основной части группы? Вряд ли, ведь внизу, в провале никакого руководства не требовалось. Не хотел рисковать своими ногами? Нет, трусость несовместима с Игорем. Скорее всего он не хотел оставлять без надзора своего друга, Мишу Никулина. Да, наверное, так и есть: Хацкевича остановила забота о друге.

Ну а Валерий Алмазов? Физически он в группе сильнее любого, обладает колоссальным опытом, в горах почти 20 лет. Впервые мы с ним встретились в 61-м, в 62-м с честью выдержали непростое испытание на Кавказе, больше сотни дней провели в одной палатке, совершили десятки совместных восхождений. Почему же он сказал, что слаб и не пойдёт на вершину? Насчёт слабости — это, конечно враньё. И здоров он как бугай. Единственное объяснение — он испугался. Не захотел рисковать. Может вспомнил наше небольшое приключение 12 лет назад?

Тогда четвёрка разрядников поднималась на вершину Адыр-су-баши, по длинному пологому гребню с перевала Грановского. Один из четвёрки ухитрился упустить вниз на ледник свой рюкзак, содержащий помимо личных вещей, газовую плитку и баллончики к ней, сигнальные ракеты, продукты. Спускаться и искать рюкзак на одном из ледников Чегемского ущелья пришлось нам с Алмазовым, поскольку партнёром упустившего рюкзак, была девушка. Мы нашли рюкзак (правда без газа и ракет, которые оторвались вместе с карманами), поднялись обратно на гребень и далее два дня шли по маршруту без горячей пищи, посасывая снег, если не удавалось набирать талой воды. К месту последней на маршруте ночёвки мы поднялись за час до темноты. На следующий день был назначен контрольный срок возвращения. До вершины оставался час ходу, надвигалась грозовая туча, и мы с Валерием решили сбегать на вершину и вернуться, пока вторая двойка будет ставить палатку. Ведь если мы двинемся вверх завтра утром, то опоздаем к контрольному сроку и восхождение не будет засчитано. Недолго раздумывая, мы оставили свои рюкзаки и как были, в промокшей обуви и одежде устремились вверх; дорога нам была известна, мы вышли на проходившийся ранее путь.

Через час мы и в самом деле стояли на вершине. Но едва мы успели написать записку и

начать спуск по пути подъёма, повалил снег, началась снежная гроза. Полная темнота застигла нас в ста метрах ниже вершины, на маленькой, размером 2х 1, 5 метра неровной площадке, где мы решили переждать ночь. Непогода к этому времени разыгралась вовсю. Сильный и холодный ветер превратил наши штормовки в ледяной панцирь. В насыщенном электрическом поле воздуха слышалось, несмотря на шум ветра и шелест снега, характерное жужжание. Вершина горы освещалась бледными столбами тлеющего электрического разряда «огни Святого Эльма». Эти столбы или снопы света медленно росли от едва заметных до огромных, высотой около пяти метров, по нашей оценке. В какой-то момент в вершину била молния и свечение на короткое время пропадало, а затем огненные столбы вновь начинали увеличиваться до следующего грозового разряда. Вместо привычного грохота грома одновременно с молнией раздавался сильный треск и шипение. Вокруг нас и на нас самих загорелись тысячи огоньков. Любой каменный выступ или острё служили источниками холодного не освещающего, пятна ионизированного воздуха. Достаточно направить вверх растопыренную пятерню, чтобы из кончиков пальцев забили пять коротких пучков призрачного и прозрачного света. Вокруг лиц как нимбы у святых на иконах, засветились окружности из огоньков на краях поднятых капюшонов штормовок. Едва заметное пятно я мог видеть и на кончике носа Валерия. Мы обменялись репликами относительно того, что в святые мы не годимся и продолжали смотреть, удивляться, терпеть и бороться с холодом, пока не забрезжил рассвет. Как только стали различимы заваленные снегом скалы мы пошли к палатке. В той же лихорадочной спешке мы откопали старую петлю для спуска дюльфером, жёстко привязали нашу верёвку (если пропускать верёвку вдвое, её не хватило бы до мульды, где стояла палатка) и скользнули сидя, вниз к тёплым спальным мешкам, внутри которых нас долго была крупная дрожь отогревания.

Разбор восхождения в лагере прошёл нормально. Мы не вдавались в подробности: объяснили только задержку в движении (упущенный рюкзак); оставленную на дюльфере верёвку попросили снять руководителя группы, идущей на ту же гору. Он принёс верёвку и отдавая сказал, что кто-то родился в рубашке, потому что петля, к которой была привязана верёвка перетёрлась и держалась на нескольких ниточках капрона. Этим и закончилось наше первое с Алмазовым совместное восхождение, но мы часто вспоминали потом холодную ночёвку, сблизившую нас, абсолютно разных по характеру людей.

А в этот раз Валерий, по-видимому, решил не искушать судьбу, трезво рассудив, что холодная ночёвка в непогоду на высоте 7000 метров, совсем не то, что холодная ночёвка на высоте 4200 метров. **Когда познаются друзья? Вот в такие нечестные моменты.** Не знаю, пойду ли я с ним ещё на восхождение.

Теперь вообразим, что я один из оставшихся в пещере. Тесно, холодно, душно, мучит жажда и голод, шансов на возвращение ушедшей двойки мало — ведь в половине восьмого она ещё двигалась вверх. Зачем им сейчас подниматься к вершине, если понятно, что засветло они даже и обратный путь не начнут. А холодная ночёвка в такую погоду, на голодный желудок и без питья — это конец. Из радиосвязи мы узнаём, что хорошо обеспеченная группа «Мехната» к вечеру должна быть на вершине. Может быть двойка рассчитывает увидеть эту группу. И что тогда? Сбегут?

Я перебирал в уме разные варианты возможных рассуждений и пришёл к единственному выводу: душевная слабость стала причиной и того, что нас никто не встречал и того, как объяснили почему не встречали. Ну что же? Это моё последнее восхождение с Игорем, а сейчас надо спокойно работать дальше.

Спуск

10.08.74.

На завтрак приготовил жидкой манной каши с тушёной (2 кастрюльки) и воду. Сладкого не ели дней пять, и у меня страстное желание пососать, погрызть кусочек сахара. Похоже, что то же самое и у других — из высоты доносится — эх, сахарку бы. А про варенье я забыл, растяпа, что вчера жевали по ягодке. Этот десяток ягод нам здорово помог.

В 11:00 выходим с Мишей Никулиным. За последние двое суток поднимаюсь на вершину пика Корженевской в третий раз. Безветренно, солнечно и, по сравнению с недавним, тепло. Минут на пять можно безбоязненно снять все рукавицы. Снимаем панораму, фотографирую руки Миши с волдырями обморожений на всех пальцах. Потом пошли потихоньку вниз по самому лёгкому пути «академиков». Я пытаюсь делать следы для Никулина, который охая и стелая ковыляет сзади. Метров через 150 спуска сзади неожиданно раздаётся крик, я оборачиваюсь и вижу Мишу, кубарем летящего вниз. Летит он, к счастью, в снежную мульду, и остановившись на её дне, встрёпанный с одеждой и волосами в снегу, с полубезумным взглядом, долго стоит на четвереньках, прежде, чем встать на ноги. После этого я достаю верёвку мы связываемся и идём медленнее.

Один за другим минуем снежные завалы гребня по набитой тропе — снег не проваливается, и это облегчает спуск. К 15:00 нас догоняет тройка: Алмазов, Орлов, Карабаш. Решаем передохнуть, тем более, что рядом на 6500 старые ночёвки со многими валяющимися банками. Решаю посмотреть нет ли чего-нибудь подходящего, съедобного, т. к. есть хочется до тошноты и при ходьбе даже вниз — слабость, шли шатаюсь. Сразу же наткнулся на полную банку сгущёнки. На радостях развели примус, растопили воду и размешали молоко: на каждого пришлось граммов по 300 (двухлитровая кастрюля на семерых) — сил сразу прибавляется. Чуть дальше нашли ещё одну, на сей раз полупустую, банку сгущёнки — эту выпили из дырочки и снова вниз.

В метрах 300-х ниже Орлов увидел красную палатку и высказал предположение, что это нас встречают. Но когда подошли ближе увидели, что это группа из экспедиции Таджикской АН (за главного у них в экспедиции Володя Машков, работа альпинистов — доставлять на высоту всякую живность и оборудование для экспериментов); пять человек идут на спортивное восхождение по 5А. Они не торопясь вылезли из палатки навстречу нам и сообщили страшную новость — разбился Мальцев. Они не знают подробностей; знают только, что падал он из под вершинного ножа, с последних скал почти полтора километра, и что когда они выходили на гору кто-то из нашего базового лагеря пошёл на поиски.

Несчастный случай произошёл 8-го августа в 14:38. Остальные ребята из его группы сразу начали спуск и на последней связи я слышал разговор Кузи и Соловьёва о спуске по кулуару. Мы долго стоим, но ничего нового узнать не можем.

Ребята «машковцы» поят нас молоком; Хац выклянчивает у них полпачки зелёного чая, несколько галет, чуть-чуть сыра и несколько леденцов. Отправляемся дальше. Как только начали двигаться мысли о Мальцеве уходят: опять тропа и боль в ногах приковывают к себе всё внимание, как бы не споткнуться и не ковырнуться вниз. Опять с Никулиным ковыляем впереди, остальные тащатся сзади. До ночёвок 5900, которые нам так расписывали и рекомендовали «машковцы», не дошли. Обессиленные, с трудом делаем две площадки на

снегу под стеной, вяло работая ледорубами. Активнее всех, наверное, Орлов — работает лопатой. На ужин: до отвала зелёного чая несладкого, по два леденца, 10 граммов сыра, 3 шпротины, полгалеты. Выпиваем по ложке спирта — и до утра спим мёртвым сном.

11.08.74.

Утром опять горячий чай и манная каша с ряпушкой в качестве наполнителя, на каждого по 10 ложек жижи. Около 11-ти двинулись с Никулиным вниз. Выяснилось, что до хороших ночёвок 5900 на плитках сланца под нависающей стеной, мы не дошли всего метров 200 (по вертикали — метров 70). Там обнаружили в мешочке из полиэтилена с полкило сухарей, о которых говорили ребята из Таджикской АН. Съели по сухарику и побрели дальше до цирка ледника (наш цирк подъёма отделён от этого невысоким пологим гребнем — хребтиком). За час пересекли цирк и присели на моренные камни поджидать остальных. Все подошли, посидели, попили водички с сухариками и начали обсуждать как пройти ледопад ледника; мнения разошлись. Коля, Хац и я разбрелись в поисках прохода. Хац выбрал лучший вариант и все двинулись за ним. Через два часа остановились на ночёвках 5100 — это моренные холмы сбоку от ледника, камни, песок, глина, появилась первая травка. Отдельные былинки трогательно дрожат под ветром.

Дальше вниз нам идти узким ущельем вдоль потока. Времени — три часа дня. Решили вскипятить чай и съесть остатки сухарей (по штуке на брата). Пока греется вода, разлеглись кто где, на рюкзаках, я на пуховке, Алмазов побрёл искать окурки. Сначала слышится один вопль — нашёл окурочек, потом другой; никто не обращает на эти вопли никакого внимания. Минут через пять он зовёт меня к себе, мне лень и я лежу. Зовёт настойчивее я посылаю его подальше, но он не отстаёт, приходится подняться и идти к нему. У него страшно довольный вид, нашёл чью-то спрятанную еду; сухофрукты, сахар, консервы, супы в пакетах. Похоже, что еду оставили «машковцы», чтобы не тащить слишком много. Вниз до лагеря для нормальных ходок отсюда полтора часа. Поэтому без стеснения берём часть сахара, компота и консервов — хозяева вряд ли будут сильно нас ругать.

При виде нас с трофеями — крики радости. Поели почти нормально. В пакете с сухарями оказались остатки чайной заварки, засыпали в кипяток все крошки и поэтому пьём теперь сладкий чай с хлебом вперемешку (вроде супа). Подзаправились и вниз поскакали бодрее. Около 18–00 встретили пять человек из Днепропетровска во главе с Синьковским (надо ему покорить Корженеву и станет снежным барсом).

Они принесли ещё одну страшную новость: на пике Ленина замёрзли 8 женщин сборной команды «Спартака»; руководила женской командой Эльвира Шатаева. 7 августа ураган порвал их палатки (пик непогоды был в тот день и у нас). Они замерзали по очереди, до последней минуты Эльвира держала связь по рации с базовым лагерем. Среди восьмерых погибла Ильсияр Мухамедова; с ней год назад я спускался в связке с Ушбы. Бедные женщины, не оказалось рядом с ними мужиков в нужное время. Хацкевич подавлен этой новостью ещё больше, чем вестью о гибели Мальцева.

Эльвира обладала способностью превращать любое восхождение с ней в праздник. Умная, красивая, весёлая и душевная, как она ухитрялась сохранять своё обаяние в самых трудных переделках такого неженского спорта (если говорить о высшем уровне) как альпинизм. В прошлом году мы встретились с пятёркой женщин на южной вершине Ушбы: Эльвира руководила первой полностью женской группой покоряющей две вершины горы.

Обе команды сразу изменились: у них исчезла ругань и взаимные претензии (пока они не видели нас, из тумана доносился их разговор на повышенных тонах), у нас пропала усталость, все подтянулись, появилось желание заботиться о более слабых. Они угощали нас сладостями, мы их — жареным мясом (мы, конечно, объедали их со своим аппетитом). Ветер трепал палатки, снаружи — холод, снег, туман; внутри — тепло, уют, теснота стала комфортом. Разговоры, рассказы, быль и небыль вперемежку, до поздней ночи, а потом спуск по стенам и гребням Ушбы.

Ребята из Днепра консультируются у нас по прохождению ледопада и уходят. Мы трогаемся вниз. Миша Никулин тащится сзади и охает непрерывно, мы с Рябовым переносим боль обморожений спокойнее и не ноём.

В 19:00 выходим прямо над лагерем на маленький перевал и ложимся отдыхать, ещё 30 минут и мы дома. Хац начинает разговор со мной, как бы посчитать наше восхождение за высотное и всё-таки участвовать в первенстве СССР (раз уж в классе траверсов не получилось). Его доводы: сделано сложное восхождение по стене. Жаль терять такой хороший шанс на призовое место, тем более, что команда Эльчибекова, штурмующая восточный склон пика Корженевской сошла с маршрута из-за ледового обвала, а мы сошли вынужденно. Молчу, потом говорю, что мы потерпели поражение и незачем суетиться по мелочам. Игорь говорит не торопясь, выбирая слова, аргументирует свое предложение большими возможностями для развития альпинизма в ЦС, если у нас будет хоть какой-то успех, а не провал экспедиции.

Через полчаса мы встречаемся с ребятами, вышедшими из палаток базового лагеря нам навстречу. Кузя пытается забрать у каждого из нас рюкзак — никто не даёт. От лагеря остался только полог от большой палатки служивший нам кухней — всё остальное эвакуировано в Джиргиталь, и немного памирок — серебрянок. Строимся, рапортуем и без приветствий снимаем рюкзаки. Не чувствую никакой радости по поводу завершения восхождения, только небольшое облегчение — мытарства кончились. Ноги заболели несравненно сильнее, стоило только снять ботинки. Пальцы чёрные, полно волдырей и лопнувших и целых. Переобуться не во что — всё увезено. Бинтуюсь. Саша Моисеев предлагает свой вибрам, но эти ботинки тесны и ноги мучают ещё сильнее, чем в триконях. Ужинать ведут в апартаменты «Мехната? Сам Эльчибеков тоже здесь, высокий и сильный мужчина с красивым и грубым лицом, смесь узбекской, татарской, русской крови. Очень радушен — любое наше желание быстро выполняется. Недели 3–4 назад Хац предупреждал, чтобы заброску у пика «Четырëх» мы прятали получше, потому что «эльчибековская шантрапа не моргнёт глазом и всё разворует». У меня после коротких встреч с ребятами сложилось очень хорошее впечатление о них, и сейчас оно подтверждается. Распили бутылку водки, но пошло очень плохо (против обыкновения) — нет никакого желания. Ночью почти не спал: боль в ногах, хаос и мешанина мыслей в голове, воспоминания, вопросы, на которые не может быть ответов, переоценка критериев и их возвращение.

12.08.74.

С утра — разговор с Эльчибековым об экспедиции, у них тоже полная неудача, о снаряжении. Часть их народа обута в польский тройной вибрам. Как говорит Вадим, он во время поездки в Польшу продал свой «Москвич» и приобрёл 20 пар ботинок и много другого барахла (пуховики, спальные мешки) — прямой обмен: машина — снаряжение. Сварил для нас кофе. Сидели вчетвером: Хацкевич, Орлов, Алмазов и я, и кейфовали, хрустели

картофельным фри, запивая натуральным кофе «Арабика». Не заметили как прилетел вертолёт и, когда за нами прибежали, понеслись (а я поковылял) чтобы успеть забраться во взлетающую машину. Задние ворота у МИ-8 сняты. Сверху Корженева на редкость красива, островерхая с черной теневой нашей стенкой и белым облаком, прицепившимся к вершине.

В Джиргитале — грустная встреча со свердловчанами. Кэн рассказал обстоятельства гибели Мальцева: он пошёл по перильной верёвке выбивать промежуточные крючья, спрямлять изгиб перил. Соловьёв был метрах в двадцати ниже. Последнее, что слышал Кэн, это слова Валеры, что-то вроде «Ах, пала» и он пролетел мимо Кэна, ударился ниже, метрах в тридцати и дальше падал уже, похоже, без сознания. О том, что стало причиной падения можно только гадать. Может быть он допустил какую-нибудь оплошность из-за усталости — это было на следующий день после пика непогоды; может быть вылетел крюк во время попытки Валеры спрямить верёвку — никто из ребят не может сказать определённо. Нашли его ниже бергшрунда Миронов и Маша Лапшина, лидеры головного транспортировочного отряда, страшно торопившиеся вверх с тщетной надеждой на чудо, на то, что он жив. Но чудес не бывает. Он был сильно изуродован. Из базового лагеря его переправили в Джиргиталь и сразу в Душанбе; сейчас лежит там в морге. Кэн показал последнее фото Мальцева, сделанные на сборах в Дугобе в мае: стоит весёлый и улыбающийся. При взгляде на него, я не выдержал, непроизвольно полились слёзы. (Не помню с детских лет этого), отошёл, рухнул и долго лежал уткнувшись лицом в спальник.

В чайхане вечером долго пили чай, но какая бездна до того блаженства, о котором говорили с Никулиным во время пути к вершине после ночёвки на 7100. Просто наливались водой, машинально, без каких-либо эмоций.

Вечером уральцы устроили поминки. Обжираловка, откуда что взялось: икра и кальмары, шпроты и крабы. Гена Яковлев, бывало, так отлично пел любимые песни. **Синильга** — она была нашим гимном три года назад, таёжная и болотная богиня, взмывшая вдруг в поднебесье гор. Побывала она и в парной бане, где мы плясали поддавшие и голые после спуска с горы в «Джайлыке» в 71-м, команда будущих чемпионов, проложившая своё первопрохождение.

СИНИЛЬГА.

Стихи Геннадия Карпунина.

Росу голубую, склевала синица,

Над южным болотом струится рассвет.

Мы снова уходим, и снова Синильга,

Берёзовой веточкой машет нам в след.

Куда ж мы уходим и что же нас гонит,

Куда же влечёт вас лихая судьба?

Мы встретимся снова в пустынном вагоне,

И ты улыбнёшься: «Привет, старина!»

И вспомним, как вместе с тобою мы жили,

Как слали проклятья бродячей судьбе.

Мы станем иными, мы станем чужими,

Изменим друг другу, и сами себе.

Ребята, ребята, мы будем бессильны,

Вернуть удивительный этот рассвет.

Ведь только однажды, однажды Синильга,

Берёзовой веточкой машет нам вслед.

Договорились о сборе денег на мемориальную доску и памятник на могилу Валере. Сидели до трёх ночи, долго и обо всём говорили с Жекой.

13.06.74.

С утра разбираем снаряжение, привезённое из местных коллективов. Сходили три инвалида в больницу: у всех обморожение второй степени. У меня и Рябова довольно обширное на ступнях, у Никулина на пальцах рук, а на ноге — ничего. Никуда не хочется идти и никого не хочется видеть.

14.08.74.

Душанбе. Пошёл в морг к Валере. Долго добивался чтобы пустили. Несколько минут разглядывал его сильно изуродованное, приплюснутое, в кровоподтёках лицо. Подержал за руку. Санитарка скоро выгнала, сказав, что нельзя расхолаживать камеру. Шутит, тётка, привыкла ко всему, говорит, «сделали красавца из твоего друга, а был хуже». На улице мёртвое лицо сразу исчезло из памяти и встало живое, знакомое до последних чётрочек лицо спокойно лежащего старого друга. На улице взвесился — 61 кг. Было перед выходом на гору 69 кг. Хац говорит, что потерял 12 кг. Живём в гостинице под трибунами стадиона. Посчитали верёвки на стене: Хац навесил 12 верёвок, я - 9, Алмазов — 6. Забили около 180 крючьев, вместе с бивуачными — 200. Три верёвки — простые, не в счёт.

15.08.74.

Уральцы улетели в Свердловск и увезли Валеру. Летом 70-го Валера ходил на Далар по маршруту Виктора Степанова, одного из наших учителей в «Джайлыке». На вершине их застала сильная непогода и хорошего пути спуска они не нашли. Начали спускаться напролом, вслепую на незнакомой горе, и их чуть не снесла лавина, пронёсшаяся мимо и ухнувшая куда-то очень далеко вниз. Вынуждены были вернуться к вершине; снова спуск и

возвращение к вершине; кончились еда и бензин, но не туман и снег. Здесь—то во время поисков спуска, когда мимо пронеслась лавина, мелькнувшая призраком в тумане, Мальцев сказал свою фразу:

«Надо вернуться живыми». В лагере за стаканами, когда он рассказал всё это, я рассмеялся и, наверное, обидел его, сказав, что в словах его высокомерие и мистика. Не понял, что были — искренность и желание жить.

16.08.74.

Поздно вечером улетели в Москву.

Декабрь 1974

Несколько раз видел Валеру во сне, улыбающегося, веселого и удивляющегося, как это я мог подумать, что он умер — это ошибка. «Просто я поцарапался в падении, а потом съехал спокойно по снегу кулуара почти до цирка. Приезжай ко мне в Свердловск в гости».

Май 1976

Мемориал Валерия Мальцева на скалах «Семь братьев» в Свердловске. Крупнейшее соревнование по скалолазанию на Урале. Прежде, чем идти к месту соревнований, пришёл к Валере: большая вертикальная белая плита с выбитым золотым профилем горной цепи, верёвка и ледоруб, белый уральский мрамор. Положил свежие цветы и вновь стало перед глазами его живое лицо.

Некоторое время спустя

На встрече Нового 1975 года, в Протвино, мы вспоминали с Алмазовым прошедшую экспедицию. Поскольку мы уже крепко выпили, я задал беспокоивший меня вопрос:

«Почему ты не пошёл со мной на вершину за заброской?» Он посмотрел на меня прозрачными глазами и чётко выговаривая отдельные гласные звуки по слогам произнёс:

«Я струсил». Откровенность поразила, я умолк соображая, что ещё спросить и осознал, что спрашивать его больше незачем, и спросил себя, трусил ли я сам когда-нибудь вообще, и в горах в частности. Покопавшись в памяти вынужден был ответить «Да». В 70-м, во время подъёма на Кюкюртлю, крутой бок Эльбруса, с Хацем, Кузей и Жекой. Вулканические породы, из которых сложена гора, коварны: базальты прочны, но отслаиваются колонками, а туфы наоборот, мягки, и кусок туфа может легко отломиться под тяжестью тела, даже если этот кусок составлял одно целое со скалой. Поднимаясь по крутой туфовой скале я вообразил, что вся огромная плита, по которой я лез, может отломиться и вместе со мной рухнуть: на эту мысль меня навёл глухой звук ударов молотка по плите, характерный для непрочной отслаивающей большой массы камня. У меня выступил пот (не от физических усилий), вспомнилась семья и я пошёл вниз. Там я объяснил ребятам ситуацию и предложил для подъёма другой вариант, метрах в пяти правее, более сложный технически, но

показавшийся мне безопасным.

«Может тебе почудилось насчёт плиты?» — усомнился Игорь. Я ответил, что это не исключено, но если первым полезу я, то только по новому пути. Нас подпирало время, надо было до темноты добраться до площадки, пригодной для ночёвки, и Игорь предложил пройти всё-таки там, откуда я отступил. Вызвался Жека и прошёл.

Конечно, трусость трусости рознь, но я понял Алмазова, сказав про себя: «С кем не бывает...», я подумал, что нас ещё соединит натянутая основная верёвка на горных склонах. И действительно, мы вместе поднимались на пик Ленина и пик Коммунизма. Альпинизм всё-таки ценен связями между людьми, а выяснение отношений между горой и человеком — это лишь фон. Горы — декорация, хотя и прекрасная, к разыгрываемым там драмам (а иногда и комедиям). Правда, декорация особая, помогающая действующему лицу понять свою роль, себя, без всяких декораций.

С Игорем мне удалось поговорить подробно только через пять лет, в июле 79-го года. Он с командой вернулся с очного первенства СССР в скальном классе, из Безенги, а я был в «Джайлыке» инструктором. Когда в домике кончилось застолье и начались песни, мы вышли подышать на крыльцо. Сначала я спрашивал, насколько успешно выступила команда, каков маршрут, кто лез первым и т. п. Потом разговор переключился на прошлое, вспомнили пик Корженевской, наш бросок на вершину и обратно, разговоры в пещере.

«Почему же вы нас с Юрой не встречали всё-таки?» Игорь задумался и сказал буквально следующее:

«Такого со мной не было ни раньше, ни потом. Я не простил себе малодушия и всегда буду помнить эту историю. До сих пор не понимаю хода своих мыслей, свою слабость; я не могу объяснить тебе, почему усомнился в вас, почему никто не сигнализировал».

«Ну, а ошибки, которые мы тогда сделали, ты учишь в своих восхождениях сейчас?»

«Какие ошибки?»

«В подборе снаряжения, продовольствия и бензина, людей, в оценке маршрута, вообще в тактике»

«В тактике ошибок практически не было, разве что мелочи».

Этот последний, сколько-нибудь существенный разговор с Игорем Хацкевичем вспомнился мне спустя очередные пять лет, в августе 84-го года недалеко от нового «Джайлыка» (старый, лучший в Союзе лагерь, был снесён селом летом 83-го). Я вырвался в горы после двухлетнего перерыва, вызванного болезнью, чтобы проститься с родным лагерем, друзьями, альпинизмом, с горами, с тем, что более двадцати лет определяло жизненную линию.

Виктор Попов, начальник учебной части «Джайлыка» уже 15 лет, пригласил к мемориальному камню, огромному, размером с огромный дом. Две доски из нержавеющей стали прикреплены к камню недалеко друг от друга.

Одна посвящена памяти Валеры Мальцева, на другой, где выбита падающая птица, написаны имена Хацкевича, Гены Полякова и Алексея Давыдова. Три года назад Игорь был похоронен

на поляне Сулоева — в августе 80-го он, Давыдов и Поляков погибли на заключительной стадии восхождения на пик Москва: опять сложная стена, непогода, нехватка продуктов, бензина, сил.

Попов собрал инструкторов, чтобы помянуть ребят — это ежегодный ритуал, дань уважения тех, кто знал их и будет помнить всю оставшуюся жизнь. Мы выпили сами и поставили полные стаканы тем, кого вспоминали; говорили добрые слова об Игоре, бойце до последнего мгновения, Гене и Алексее, таких разных (одному было 39, другому 54) и всегда заботившихся друг о друге; я — о Валере, прекрасном человеке и альпинисте. Альпинизм — жестокий спорт. Много досок на камне рядом с рекой Адыр-су. Много таких камней в ущельях Кавказа, рядом с Памирскими ледниками, среди сочной Тянь—Шанской зелени.

С Аланом Адырхаевым мы вместе поднимались на гору почти всех новичков «Джайлыка», Тю-тю баши, по новому маршруту в команде, где капитаном был Игорь. Завершалась подготовка к восхождению сборной лагеря на Ушбу. Алан тогда, в 73-ем, не пошёл с командой — ему не понравилась нелюбовь Игоря к минимальному комфорту, который можно устроить, при желании, на стенных восхождениях. После возвращения с Тю-тю, он сказал, что лазить по горам в стиле «на износ» не в его манере, не позволяет большой желудок.

А сейчас на поминках, стоя рядом, он сказал мне, что судьба, жестокая к погибшим, благосклонна к их памяти.

«Что ты имеешь в виду?» — не понял я.

«Посмотри на мемориальные доски. Они будут напоминать о ребятах десятилетия, если не века. Такие же памятники стоят у ледника Москвина и рядом с Фортамбеком. Каждый год к ним приходят, и будут приходить сотни альпинистов новых поколений. Их будут помнить. А нас?»

«Что в горах останется от нас, отдавших горам многие годы, пусть не жизни. Кто будет помнить нас (тех, кому суждено умереть от болячек на больничной койке), и сколько времени? Немногие и недолго». Алан прав. Такова жизнь.

Кончились записи в книжке 74-го года. Следующая посвящена транспортировочным работам на пике Ленина: в 75-ом была организована специальная экспедиция для снятия погибших женщин. Эта книжка — грустная, и лучше я займусь 76-м годом.

Часть 2. 1976 г. Артуць, Ала—Арча, Домбай, Узункол

Поездка совместно с альпинистами США

04.07.76.

10:15 Самарканд. Только что открылся книжный магазин возле базара. Толпа детей, человек 40–50, в возрасте от 9 до 17-ти лет окружила большой прилавок с учебниками. Каждый тянет руку с деньгами и кричит, какие учебники нужны; едва различимы названия — анатомия,

биология, физика. Стоит сплошной гомон; с продавца, молодого парня, льётся ручьями пот; от мощного натиска сдвигаются прилавки. Около другой стены, с художественной литературой стоят 8–10 человек и долго ждут, когда освободится продавец. Через полчаса ситуация не изменяется, только ребят набивается всё больше. Продавец изнемогает и, не выдержав напора ребятни, прекращает торговлю и выпроваживает молодёжь за дверь. Но стоит ему заняться нами, дети снова набиваются в магазин, и начинается галдёж пуше прежнего. Наконец, парень снова выгоняет их и запирает дверь. Только теперь мы можем купить несколько книг.

Вчера вечером ходили в Гур—Эмир, гробницу, мавзолей Тимура, вместе с Сергеем Бершовым (разговорчивым, зеленоглазым украинцем невысоким, стройным, с приятным открытым лицом). Лазили прикоснуться к могиле Тамерлана (охраны нет): по преданию, это снимает все грехи, совершённые до сих пор, и гарантирует долгую жизнь.

Снаружи поговорил минут 10 с детьми, девочками лет 8–10: все хотят учиться и стать врачами, учителями. Учиться здесь, а не в Москве.

Долго смотрели комплекс Регистан, 3 медресе. На одном из них, Шир—дар, изображена мозаикой яркая картина: тигры, павлины людские лица, орнаменты растительные и животные. Спросил у экскурсовода: ведь мусульманская религия запрещает рисовать людей и животных. Оказалось, что нет: шиитам (именно шиитам, а не шиитам, как пишут) — можно, а суннитам — нельзя. Узбеки и большая часть арабов — шииты; иранцы и часть иракцев — сунниты. В чём их принципиальное различие — так и не понял.

Великолепный азиатский базар: горы помидоров, арбузов, лука, дынь, урюка, пряностей, яблок, винограда. Украинцы, узбеки, корейцы, русские, таджики, татары... Старики любят торговаться. Много молодёжи: та высокомерна и держит твёрдую цену.

Памир. Артучь

04.07.76.

Готовимся к выходу на тренировочные восхождения — 2-ой день лагере. Цель — пики «Северный» и «Борцов за мир».

Блажен, кто рано поутру

Имеет стул без принужденья.

Тому все яства по нутру

И все доступны наслажденья.

(А. С. Пушкин)

Это четверостишие регулярно цитирует Вацлав Ружевский перед тем, как идти на шхельду (т. е. туалет, кто не понимает). Вацлав много лет работал в лагере «Уллу—Тау», рядом с «Джайлыком», и мы немного знаем друг друга. Он хорошо знал Мальцева.

Одна из былей неистощимого рассказчика Эдика Липеня: на одном из восхождений (на пик Коммунизма) за 400 метров до вершины у одного из участников вышла большая геморроидальная шишка рядом с задним проходом. Эдик вправил её внутрь и, чтобы не было повторного выпадения, заклеил обе ягодицы вместе лейкопластырем крест–накрест. Помогло — до спуска рецидивов не было. У нас на Корженеве этим страдал Игорь.

Сам лагерь Артучь прекрасен: много зелени, чистейшие потоки пронизывают лужайки; сухой, насыщенный солнцем и свежестью воздух; в часе ходьбы вверх — чистейшее озеро с рыбой маринкой.

Во время тренировок на скалах, 6-го, впервые видел совсем рядом много змей. Один щитомордник потихоньку выползал ко мне из–под большого камня ближе, чем за 1 метр, и быстро юркнул обратно, когда я резко поднял руку. Ещё несколько раз выползал и расположился, свернувшись кольцами, греться на тёплом камне; длина около 130–140 см. Ещё две змеи, песочные эфы, проползали рядом и прятались, когда мы пытались их поймать. В лагере, по рассказам старожилов–инструкторов, живут три гюрзы: рано утром они выползают погреться, днём прячутся под домиками, а охотятся ночью. В палатках много раз видели и убивали фаланг. Тем не менее, ни одного несчастного случая из–за этой нечисти с детишками obsługi и инструкторов не припоминают. Поражает обилие бабочек — многие тысячи толкуются над ручейками, порхают словно снежинки, а к вечеру усаживаются на деревья, арчу, будто цветы.

В 13:10 вышли к Куликолонским озерам. Идти тяжело — велик для первого выхода рюкзак и темп, заданный Мишей Коньковым. Но прелесть окружающего пейзажа искупала грязь, пот и пыль тропы, набитой ишаками, везущими вниз сухую арчу на дрова местным таджикам. Синие озёра, густой и терпкий запах арчи перемежается со свежим ароматом водяной пыли бегущего рядом ручья, мелкие водопадики, крошечные радуги создают постоянное радостное возбуждение. Поставили палатки на маленьком полуострове озера. Вода прохладная, чистая. Павличенко, Ружевский, Байбара и Коньков купались, я не отважился, боясь простудиться.

После неважной (как почти во всех лагерях) лагерной кормёжки, отъелись вволю взятыми на базе овощами, хорошим борщом и т. д.

Рядом с нами расположена большая палатка КСП Артуча и (мир тесен!) персональная палатка Коли Бодрова, командира отряда разрядников. Выпил у него полный чайник чая. Говорили о знакомых: с 62-го года, когда Бодров был командиром нашего отделения на сборах в «Джайлыке», когда вместе с Мишей Алхутовым, Люсей Буяновой ходили мы на первую четвёрку, утекло много воды, и много раз перекрещивались наши дороги; я стал мастером, он остался кандидатом, но отношение у меня к нему — прежнее, как к одному из учителей, любящему горы. По дороге сюда Ружевский рассказал, что один из наших знакомых, Саша Черкай из Черноголовки, искалечил себе руку: на тропе на леднике на него медленно напал огромный камень и зажал намертво запястье, Бодров ещё не знал этого. Судьбы не избежать.

08.07.76.

Вышли на гору в 4 часа — здесь на юге в это время ещё темно. Лев Павличенко приготовил завтрак (стройный, высокий парень из Подольска, круглое украинское лицо с сухими

чертами, кандидат на поездку в Гималаи, скромн, участник подъёма на южную стену пика Коммунизма вместе с Онищенко и Коньковым). Без осложнений, каждый своим темпом сходили на пик «Борцов за мир» 2А категории трудности. После горы поспали полчаса и пошли вниз.

Разговор по дороге коснулся семейной жизни ребят, серьёзно занимающихся альпинизмом: она почти у всех стандартно осложнена. Мы шли с Макаускасом и он рассказывал: у него двое детей. Каждый год жена затевает одни и те же разговоры, что уйдёт от него. Четыре года назад нашла даже себе нового мужа; перед его отъездом в горы забирает детей и уходит жить к матери. Но сколь стандартно поведение жён, настолько же одинаковы и ответы альпинистов: хочешь разводиться — пожалуйста, нашла нового мужа — ну и прекрасно, может быть тебе с ним будет лучше.

За ужином затронули тему о женщинах в альпинизме, многогранную и неисчерпаемую. Кто-то — абсолютно против, я — за них, привожу в пример Эльвиру и других; но одних их пускать нельзя, нужно умелое руководство, и тогда происходит облагораживание спорта. Есть у меня и союзники, и ярые противники. Вацлав — за женщин на уровне лагеря и не выше. Он рассказал, что в прошлом году на Хан—Тенгри погибла Ольга Дончак (Трубникова) и сдёрнула троих ребят из Волгограда, и никого из них не нашли. Она знакома мне по майским сборам в Узунколе 74 — тогда много пили и говорили (был там и Коля Бодров). Она показалась мне тогда болезненно самолюбивой. Поражаюсь быстротечности времени: как одна минута пронеслись два года; сыну Мишке уже год и четыре месяца. И, как доли секунды, мелькнуло мгновение, длиной в месяц, когда поднимаясь к нему по ночам, вспоминал о горах, бывших и будущих.

09.07.76.

Благоустроивались на втором этаже главного здания над столовой. Под руководством Ружевского соорудили помещение для 15-ти человек. Поставили матрасы на чурбаках; отгородили подпалатником, подвешенным к потолку, уголок для двух женщин: Наташи Филипповой, врача из Северодвинска, и Татьяны, жены Бершова. Ждём американцев с остальными нашими. На занавеске, отделяющей женскую часть помещения, Вацлав нарисовал женщину с пышными формами, огромным задом, лежащую на плоской вершине горы и протягивающую скальным крюк хилому мужичку с искаженным лицом, карабкающемуся к ней по скалам.

Липень доказал хлипкость моей постели: присел на неё и подпрыгнул — вся конструкция вместе с ним развалилась. Я, хотя и легче раза в полтора, без труда доказал, что и его ложе не прочнее (хотя деревяшки у него пошире).

Часов в 5 увидели ГАЗ-66, пылящий снизу. За час до этого вывесили два лозунга: «Mountains like brave fellows» («Горы любят смелых парней») и «You are welcomed at our camp» («Вас приветствуют в нашем лагере»). На одном из сборных домиков висит стандартный плакат: «Альпинизм — школа мужества» (кто-то мелом подписал и не получилось стереть «замужества»). Американцы, шестеро, вылезли насквозь пропылённые, но бодрые. Сопровождающий переводчик Виктор Медведев бледен от пыли и усталости. Весь народ в лагере высыпал посмотреть на заморских гостей — изрядная толпа, я щёлкаю двумя аппаратами (своим и Конькова), снимаю кинокамерой. Американцы немного смущены всем гамом. Им показывают их помещение — две комнаты в сборном домике с хорошими

деревянными кроватями, тумбочками, столами, стульями. Полно багажа у каждого: рюкзаки, чемоданы, сумки.

Кончил снимать, начал помогать Шатаеву носить его поклажу: он привёз много спецпродуктов — сухую колбасу, орехи, сухой олимпийский напиток, кофе, помидоры и т. п. Его новая жена, Люба Терентьева, радостно показывает ему их двухместную комнату.

Часа через два, когда гости помылись тёплой водой из ржавой трубы в дощатом сарае-будке (баня сгорела дней 10 назад), у нас на антресолях началось общее собрание. Коротко сказал Шатаев (Медведев переводил):

«Завтра посмотрите район и пойдёте, куда кто захочет, на любую гору, на любой маршрут, хоженный или новый. Никаких ограничений нет».

От американцев выступил Генри Барбер (Henry Barber — буквальный перевод фамилии — парикмахер), 23 года (на вид старше лет на 10), высокий, сухой, жилистый, усы, прямой нос, светло-зеленые глаза. Он сказал, что им очень интересно будет лазить с нами, они видели новую для них культуру, древние и необычные здания; хотят обмениваться не только моделями снаряжения, но и идеями по любым вопросам. Предложил вечером посмотреть его слайды о лазании в Штатах, Англии, Австрии, Новой Зеландии.

Затем Барбер представил своих, Шатаев — нас. Барбер — профессиональный альпинист, испытывает новое снаряжение, выпускаемое фирмами, читает лекции, показывает фильмы — этим и живёт.

Майк Варбуртон (как позже выяснилось, родной племянник президента Картера, (Mike Worburton) — 19 лет, студент, здоровенный парнище под два метра, улыбается, зубы наружу, занимается альпинизмом, по его словам, с 9-ти лет, год назад ходил с нашими на Эль—Капитан, немного говорит по-русски.

Алекс Бертулис, атлетически сложенный литовец, правильные черты лица, курчавые волосы, 36 лет. В США с 45-го года, архитектор, единственный из них с большим доходом, просматривается сходство с Дайнюсом.

Крейг Мартинсон, профессиональный фотограф с собственным маленьким ателье, 21 год, внешностью почти мальчик, правое веко слегка дёргается, открытое славянское лицо.

Джордж Лоу (George Lowe), 31 год, профессиональный физик, работал в центре мюонных исследований, сутуловатый, тонкий, интеллигентное спокойное лицо.

Кристофер Джонс (Jonse) — 36 лет, писатель, приятель Лоу — лазили вместе, слегка прихрамывает, хитроват на вид, себе на уме, насторожен. Никто из них не производит впечатление супермена, ни у кого нет такого решительного, медального лица как, например, у нашего Славы Онищенко. У Барбера проглядывает слегка маска лёгкой снисходительности или оттенок подозрительности.

Ужин — совсем не то, что было у нас до того: свежие помидоры, сок, жареный картофель и мясо, сыр. С непривычки я переел. После ужина — до 23 часов смотрели слайды Барбера. Потом на антресолях — общий обмен мнениями между собой, впечатления пока неопределённые.

10.07.76.

С середины ночи болит живот, выворачивает наизнанку, несёт, завтрак шикарный, завидно смотреть, но я ограничиваюсь только чаем. Лоу и Варбуртон страдают той же болезнью (болезнью Бершова, как мы её называем. Сергей прилетел с Юго—Западного Памира, набросился на овощи и три дня мучился поносом. Но акклиматизирован блестяще).

Для знакомства с районом выходим налегке, в кедах. После моих двойных казённых «вибрамов» идти просто удовольствие, ботинки мне выдал Комков из фонда спорткомитета, в них ходили на пик Коммунизма кандидаты — гималайцы, и отзывы ужасны: узкая подмётка, спрятанный рант и выступающие щёки, плюс плохое качество резины создают объективную опасность и на снегу, и на скалах — наше российское головотяпство.

Жара. Варбуртон делает огромные шажищи в двойных американских вибрамах, потеет, но упорно разносит. Барбер и Лоу идут легко и быстро в кроссовках. Часа за два дошли до нашего полуострова. Перекусили колбасой, печеньем с чаем и пошли смотреть цирк Адам—таша — Мирали — Марии. Понравилось, и с Барбером и Лоу пошли смотреть новый цирк — Рудаки. Туда повёл Юра Емельяненко, опытный работник спорткомитета, высокий, чёрный атлет, с ногами, занимающими, по меньшей мере 50% от его роста. Его жена сунула мне в электричке в Москве посылку с лимонами, галошами и наказаниями быть ему поаккуратней. По дороге Емельяненко рассказывал о флюоритовых шахтах, которые после войны взорвали, о мумии (новинка для американцев), арчовых лесах. И вдруг, американцы застыли с разинутыми ртами: на тропе из-за поворота появилась обольстительная девушка Света (инструкторица из Артуча), бронзовая, стройная, с симпатичным лицом, в плавках типа «бикини» и узеньком бюстгальтере. За ней — ещё двое, но в шортах, парень с девушкой. Быстро прошли мимо, но Генри и Джордж долго смотрели вслед.

«Ого, какие девушки есть у вас!» — это Генри мне.

«А у вас что, похуже?» — это я ему.

«Встречаются, но только не в горах. На пляже полно, но там — не то. Она натуральная блондинка?»

Я пожал плечами и посоветовал вечером спросить лично у неё. У начала морены подошли Липень и Майк. Полюбовались стеной Рудаки и повернули к дому. Бедный Майк совсем взмок в тяжелых ботинках. В лагере Онищенко, Барбер и Джонс разделись догола и окунулись в ручье. Слава охотно и долго позировал голым, американцы поспешили одеть трусы.

Вечером после долгого совещания между собой гости пришли к нам на антресоли и сказали кто с кем и куда хочет идти.

«Я пойду с Мишей» — заявил Джордж.

«С каким? У нас два, один — спортивный работник, а другой — физик» — попросил разъяснения Шатаев.

«С физиком, коллегой. И, кроме того, мне хочется разговаривать, а Миша хорошо говорит по-английски, будет учить меня русскому».

Лоу хочет идти по стене Мирали на новый маршрут — недаром он днём выспрашивал меня про эту стену.

Позднее я подошёл к нему и сказал, что и мне с ним лазить будет весьма интересно, но сейчас я далёк от хорошей спортивной формы. Из-за семейных и производственных забот почти не тренировался, по скалам хорошо лазал в молодости, а сейчас кое-какие навыки утрачены. В ботинках «вибрам» никогда не ходил по скалам — только в триконях. В общем, выложил ему всё, что есть у меня негативного. На всё это он просто ответил:

«Ничего, посмотрим (Take it easy, we shall see)».

11.07.76.

Выходим вверх, Планируем сначала тренировочное, а затем и основное восхождение. Трое американцев, поодиночке, только с личными вещами, по холодку, не торопясь, ушли. Виктор Байбара и я заняты получением продуктов на складе. Позднее подключились Бершов и Дайнюс Макаукас, сделали несколько ходок от склада к нашему городку и там распределили общественный груз. Только часов в 11 выхожу в одиночку, т. к. готовых попутчиков нет. Приятно идти, рюкзак — всего килограмм 20, внутри бутылка виноградного сока, к которой я время от времени прикладываюсь. Дорога к лагерю на полуострове заняла всего 2 часа 20 мин. (Первый выход — 4 часа). Где-то за полчаса до конца нагнал Слава Онищенко: идёт быстро, пытит как паровоз, рюкзак явно тяжелее моего, на лице написано удовольствие от обгона.

Шатаев распорядился перенести лагерь с полуострова — конечно, правильно, т. к. там тесно и сыро и стало грязно. Но на лужайке, которую он выбрал в арчовой рощице, сыровато е тоже мало места для всех. Ставлю свою серебрянку метрах в 20-ти от основной группы. Часом позже туда неожиданно запикивает своё барахло Генри Барбер, спрашивает, не возражаю ли.

«Конечно, ложись» — отвечаю.

Я располагаюсь головой к выходу, а он, как будто, намерен спать головой внутрь. Объясняет, что обычно также спит головой к выходу, но сейчас ему кажется есть небольшое уклон, а он этого не любит. Ложимся валетом; ни он, ни я особых неудобств от этого не испытываем.

12.07.76.

Часа в 4 будит Онищенко:

«Ты что, на гору не пойдёшь? Американцы уже копошатся». (Хотя Генри ещё храпит, и мы собирались встать в 5). У примусов возится Павличенко: он, Ружевский, Мартинсон и Майк, выходят на Адам-таш по 4Б. Жарю яичницу, съедаем в темноте по несколько ложек и идём с Джорджем следом за Генри и Славой, ушедшими раньше. Лоу обут в лёгкие скальные туфли, а я в свой (казённый) идиотский двойной «Вибрам», мне заметно тяжелее. По дороге говорим о том, о сём. Джордж сообщил, что недавно разошёлся со своей girl.

«Девушкой или женой?» — уточняю я.

«Молодая жена у нас называется девушкой. У нас с girl было двое детей и всё-таки мы не смогли жить вместе, сейчас дети у неё. Живут в штате Аляска, далеко от центра страны».

«А в чём же дело? Из-за альпинизма?»

«Не только это, есть и другие причины. Потом, может быть, ещё поговорим».

Часа через два на перевале догнали поджидающих нас Славу и Генри — перед нами гребень Алаудина, 3Б к. т. Связались; Генри и Джордж идут первыми.

Ключевое место маршрута — вертикальная стенка ~2 м над скользкими плитами. Барбер мается минут 5 и затем с трудом вылезает. Слава подходит к тому же месту и минут 10 пытается вылезть, не используя верёвки, идущей к Генри. Не получается, и он с досадой кричит вверх, чтобы Барбер закрепил верёвку (tension — этому я уже научил всех наших); используя верёвку, он проходит к Генри. Тем временем Джордж и я высмотрели место подъёма правее, и Джордж без особого скрипа вылез там и начал поднимать меня. Я лезу, не используя верёвки, но наша резина скользит (не чета туфлям Лоу), и вынужден я нагрузить перила. Досаду на свои «говнодавы» — даже в триконях я прошёл бы здесь, но трикони нам запрещены (устарели; на Западе их не применяют уже лет 30).

Дальше идти проще. Попеременно лезем первыми и скоро мы стоим на вершине. Фотографируемся в разных сочетаниях, по двое, по трое. Спуск прост. В одном месте — дюльфер метров 15. Американцы спускаются потихоньку без беседки, обычным способом, пропуская верёвку через плечо. Мы — гораздо быстрее и безболезненно. Вообще, кажется, они не любят спусков по верёвке — многие их маршруты в Штатах сложны, но спуск оттуда — пешком (массив Эль—Капитан, вообще все Йосемиты, каньоны). Вернулись в лагерь к 13-ти.

Вечером готовимся к завтрашнему выходу на Мирали. Мы с Лоу довольны друг другом — так мы сказали, сначала он, потом — я. Раскладываем своё снаряжение на траве и отбираем необходимое. Джордж долго подгонял свои резервные кошки под мои неуклюжие ботинки. Это не так просто, как с нашими кошками: конструкция сложная, разборная на 8 частей, жестко скрепляемая винтами специальным ключом, 12-ти зубые, 2 зуба торчат вперёд, позволяют идти по вертикальным ледовым стенкам, если использовать ещё и ледовый молоток с длинным клювом, заклинивающимся при ударах по льду. Стоимость пары — 55 долларов; очень удобный и лёгкий рюкзак — 85 долларов. Ключевое место нашего маршрута — узкий и отвесный ледовый жёлоб, зажатый с обеих сторон монолитными скалами, длина отвеса — метров 30, а дальше положе ещё метров 250. Из моего набора Лоу выбирает несколько титановых скальных крючьев, у них много закладок — новинка для меня.

Слава Онищенко прочитал заполненный мной маршрутный лист (мы, в отличие от американцев, должны оформлять все документы) и с обидой сказал:

«Пора бы знать, что с 1970 года я — заслуженный мастер спорта, а не международного класса».

Обида и неудовлетворение столь явственно прозвучали в его голосе и с таким мальчишеством, что я с трудом удержался от смеха. Сдержавшись, я извинился за ошибку, на что он заметил:

«Ну, ладно, сейчас ничего, но на будущее — знай».

13.07.76.

Спалось опять плохо, всё ещё побаливает желудок, усталость, на гору идти нет желания, но надо. Накануне Лоу предложил идти в 2 ночи, но Слава воспротивился (к моей радости) и вышли в 5. Полная луна — красота, через полчаса рассвет. Наш путь вверх начинается с разваленного контрфорса, здесь небольшая дискуссия. Слава и я хотели бы идти прямо вверх по скалам, а американцы — выйти на контрфорс по заснеженным полкам. Согласились на их предложение, хотя этот вариант более опасен из-за камнепадов. Быстро проскочили.

На гребне контрфорса связались: американская и советская двойки.

У Лоу партнёр — его старый друг Джонс. Посмотрев на скалы, Лоу матерится: «It is fucking simple rocks».

Я прекрасно понимаю, но прошу объяснить. Джордж краснеет и говорит, что это — дурное слово и его не нужно употреблять. Скалы действительно простые, 3–4 к/тр.

К 11:30 американцы, а за ними и мы, вылезли под большой жандарм на широкую полку со снегом и осыпными камнями. Кипятим там чай, съедаем по паре кусочков салями с сухарём, дремлем минут 15. Лоу и Джонс предлагают ночевать здесь, но Слава возражает (с моей поддержкой):

- 1) надо посмотреть ключевое место маршрута — неопикуемой ледовый жёлоб, начинающийся выше жандарма;
- 2) слишком мало работали и
- 3) место здесь небезопасное от камней.

Наша связка подходит первой: меня друг друга, идём по скалам основания жандарма, потом обходим его по крутому снегу и взбираемся на жандарм. На самом пальце, на наиболее удалённой, от стены части жандарма находим удобное место и сверху кричим американцам, чтобы шли к нам. Подходят, довольны. Быстро делаем площадку. Варим суп из их сублимированного варёного горошка и нашей тушёнки.

Большинство их продуктов совершенно безвкусно, это признают и сами они, и есть лучше в сочетании с нашими добавками. В восторг их приводит приготовленный мной наш сублимированный творог со сгущёнкой — говорят, что в Штатах такого продукта нет, вкуснее, чем мороженое, нравятся наши, колбасы, особенно салями (тоже говорят, что в Америке такой не делают); любят сухари — тоже не делают, нет даже такого слова, и они называют их: сладкий сухой хлеб (dry sweet bread) или, для них весьма приятные, чёрные подсолённые сухари (salt black bread).

После обеда Лоу мастерит себе очки-консервы из прорезиненной ткани; свои забыл внизу, и взял пустой футляр (а я ведь специально перед выходом напомнил им об очках). Джордж говорит, что забыл впервые в жизни и надеется, что в последний раз.

Разглядываем жёлоб, по которому завтра предстоит подниматься: ширина — метра 4, на скалы хода нет — монолитные стены. Сейчас стоит жара, палит солнце и в двух местах — настоящие водопады. Потоки воды льются вертикальными мощными струями, длиной по 5–10 метров, изредка падают камни. Средняя крутизна на протяжении ста метров 80°. Дальше — положе. Я говорю Лоу, что у меня нет опыта подъёма по таким крутым и длинным ледовым стенам; он успокаивает — много лазил в Америке по замёрзшим водопадам зимой, всё будет в порядке.

Небольшие дебаты о времени завтрашнего выхода: они предлагают выйти в 1 час ночи в совершенной темноте. Есть у них два налобных фонаря и один отдают на нашу связку. Я предпочёл бы выйти попозже, но делать этого нельзя — с рассветом резко возрастает опасность обстрела в жёлобе. Часов в 6 вечера начинаем со Славой сооружать контрольный тур. Слава — поэт с точным образным мышлением — предлагает назвать жандарм «Броненосец», он и правда, выступает как нос мощного боевого корабля. Английского подходящего слова я не знаю и объясняю: старый тип корабля с очень толстой бронёй, дредноут. Они понимают и соглашаются.

У нас со Славой — короткий разговор: что бы такое особенное написать в записке. Через пару минут размышлений я говорю:

«У американцев этот год особый: 200 лет провозглашения независимости США, давай посвятим восхождение этой дате».

Слава соглашается и добавляет:

«... а также Советско—Американской дружбе».

Так он и пишет на обёртке от сгущёнки. Заворачиваем в эту записку шоколадку, две конфетки и в консервной банке кладём в тур. Когда сообщаю об этом американцам, Лоу кажется слегка тронутым (доволен), но Джонс кричит с оттенком иронии:

«Джордж, иди сюда, будет маленькая церемония; эти русские любят всякие церемонии!» Уловив его оттенок пренебрежения, я отвечаю ему:

«Не надо церемоний, записка оставлена со словами просто в знак уважения к гостям».

Они успокаиваются. Потом долго щёлкаем наши лесные орехи — отлично идут, посматриваем на «Горло дракона» — еще одно проявление Славиного воображения (так он окрестил жёлоб, весьма метко, по общему мнению). Ложимся спать в 20:30 подстелив под себя две здарки, нашу и их. Небо ясное, тепло. Это — Фаны, на Кавказе такое невозможно, наша здарка — из серебрянки; американская — из красного водонепроницаемого капрона. По конструкции она аналогична нашей, но значительно меньше отпотеваает изнутри. Наша делается сырой даже, если головы торчат наружу, а у них только тогда, когда залезаешь внутрь с головой, т. е. дыхание идёт внутрь.

Джордж Лоу дал мне на это восхождение свой рюкзак, спальник и кошки. Спальник такой тёплый, как наш пуховый, но вдвое легче, полностью синтетический (оболочка — капрон; наполнитель — синтетический пух). В желобе по-прежнему журчит вода.

14.07.76.

В 0:00 по Самаркандскому времени Лоу прерывает сонное забытьё. Луна хорошо освещает долину, но вся стена — в темноте, скала неотличима от снега или льда. Пьём по кружке чаю, и первая связка американцев выходит; мы, не торопясь, идём по гребню жандарма за ними по горловине жёлоба. Фонари — у Джорджа и у меня. Последний раз собираемся вместе на стыке жандарма и стены, и дальше Джордж Лоу уходит вверх первым, я жду своей очереди последним. Крис Джонс дал мне свой резервный ледовый молоток: один удар клювом в лёд и можно нагружать всем своим телом, выдерживает. Первая верёвка проста, лёд примерно 50 градусов с вмёрзлыми камнями; иду с включённым светом, Слава едва успевает выбирать верёвку.

Пока подхожу к Крису с Онищенко, Лоу уходит дальше — прямо в «горло дракона». Лезет очень медленно — 40 м. за полтора часа. Я начинаю мёрзнуть и одеваю пуховку. Сверху раздаётся неясный крик, и Крис уходит к Джорджу на зажимах, оставляя верёвку. Потом по ней же на зажимах поднимается Слава и я остаюсь один. По свету фонарика различаю движение Лоу — он полез выше, оставив на старом месте тёмное пятно двойки. По колебаниям света могу судить о движении Лоу: удар ледорубом высоко над головой, клюв в лёд; удар молотком, клюв в лёд и четыре мелких удара передними зубьями кошек — подобрал тело к молотку и ледорубу; дальше процедура повторяется, восемью метрами выше задержка; держась левой рукой за ледовый молоток, правой ввинчивает ледовый крюк и вешает карабин.

Сверху Слава кричит, чтобы я подходил к ним, он страхует меня, выбирая верёвку. Вбиваю в лёд клювы молотка, ледоруба и передние зубья. Их молоток и кошки держат прекрасно, жёсткая хромомолибденовая сталь кошек создаёт сносную платформу для ступни, наш ледоруб — отвратительно, почти нельзя нагружать. С непривычки кажется, что мышцы голеней вот-вот лопнут от напряжения. Минут за 15 прохожу эту верёвку, вывинчивая по дороге два крюка. У меня нет обвязки на заднице, как у остальных — только грудная обвязка и поэтому отдыхать в виси практически невозможно, сдавливает грудь, ногам совершенно нет отдыха, и я помогаю себе, используя закреплённую верёвку, двигая по ней перед собой схватывающий узел (Слава по моей просьбе или выбирает, или закрепляет верёвку).

В темноте подхожу к двойке: они с трудом примостились на вмороженном в лёд камне, места для меня нет. Я прошу Онищенко жёстко закрепить мой конец верёвки или пристегнуть мой репшнур к крюку, чтобы я мог откинуться и дать хоть какой-то отдых вывороченным голням. Он минут 5 возится и даёт мне конец верёвки в руки: жёстко закреплён, нагружай смело. Я нагружаю его, откидываясь назад, и не чувствуя никакой поддержки от верёвки, лечу вниз. За какой-то миг успеваю заметить, что Слава дал мне незакреплённый мой собственный конец основной верёвки, за которую он меня страховал при подъёме. Молнией мелькнула мысль: далеко же лететь, все 40 метров; успеваю крикнуть: «держи!» и тут же мгновенно, пролетев метра полтора, останавливаюсь. Слава богу! Это заткнутый за пояс ледовый молоток клювом зацепился за щель между льдом и вмороженным камнем, и я повис на темляке, полутораметровом шнуре.

Снова поднимаюсь к ним и прошу Славу (с матом, конечно) сделать проводник на верёвке и посадить его на крюк: он так и делает, и, наконец, я могу дать какой-то отдых ногам.

Верёвка выше — отвесный лёд, зона замолчавших сейчас водопадов. Джордж работает первым, а я опять с верхней страховкой должен выполнить работу замыкающего, лезть без

опыта по такому льду — мука (да ещё наш чёртов ледоруб никак не даёт четвертой точки опоры); ноги будто выдираются из суставов. Где-то посередине, у крюка на меня посыпался град ледышек — похоже, Джордж начал рубить лёд. Одна из них, килограмма 1,5 сильно ударяет в плечо, и я не могу сдержать крик боли — от неожиданности. Кричу вверх:

«Stop isicles; only five minutes», и поток льда прекращается. Задыхаясь, спешу к Крису и Славе, плечо болит и ноет.

Выше ещё одна верёвка, такая же сложная, а потом желоб постепенно расширяется, делается пологим — до 50°. Рассвело. Связки начинают работать отдельно. Американцы очень быстро идут вверх, почти не страхуясь. Мы идём медленнее, т. к. рюкзаки у нас заметно тяжелее — мы стремились облегчить лидера.

С первыми лучами солнца, осветившими скалы над нашим кулуаром, начали свистеть камни — противный жужжащий звук; но большинство проносится ближе к центру, а мы жмёмся к левому канту. Ещё метров 200 идём по льду на передних зубьях, с одним крюком на верёвку и подходим под скальный пояс, пересекающий весь наш уже широкий кулуар (он расширился здесь уже метров до 10-ти). Поднимаемся к поджидающим нас американцам в маленький неуютный снежный кармашек, куда со скал льётся вода. Там устраиваем небольшой перекус.

Дальше Лоу предлагает лидировать мне. Особого желания нет, но раз предложено — иду. Очень жёсткий лёд со скальной крошкой — в душе противное чувство, не сорваться бы. Выхожу сначала влево, а потом по скалам вправо и вот мы уже над головами американцев, они просят сбросить им верёвку, быстро проходим скальный — пояс, а выше снежно-ледовый, пояс метров 300, выводящий к концу стены на гребень. Сначала — лёгкий путь по снегу, потом крутизна увеличивается, и снег исчезает, остаётся лёд. Прохожу так 4 верёвки.

Продолжаем идти отдельными связками. Слава, идущий сейчас у нас первым, поджидает, пока американцы окажутся выше, и просит затем разрешения воспользоваться их верёвками, как перилами; идет по ней без схватывающего узла, просто придерживаясь руками. Американцы недовольны этим и что-то ворчат про себя. Вышел первым Крис: идёт тяжело, завинчивает по 3 крюка на верёвку. Чувствуется, что всем тяжело — жара, солнце жжёт, 13 часов, жажда нестерпимая. За 20 метров до гребня, до ложного перевала между Мирали и Адам-ташем, у меня развалилась правая кошка, то ли Лоу не туго затянул винт, то ли ещё что-то. Пока я пытаюсь кое-как приладить её или подвязать, чтобы ничего не потерялось, и одновременно вывинчиваю последний крюк, сильный рывок верёвки (наверное Слава решил поторопить меня) вышибает у меня из рук и крюк, и карабин. Я матерюсь и решаю скрыть эту потерю от всех, авось посчитают наши гости потерю небольшой и не будут возникать — все трое уже скрылись за перегибом гребня.

Подхожу на перевал в одной кошке. Там — чёрная мелкая осыпь, местами чистая от снега, стена пройдена, Буквально через 5 минут американцы, подстелив спальники, валятся на черепицу осыпи и засыпают мёртвым сном, Крис даже похрапывает. Я минут 30 повалялся, из них в забытии минут 15, и пошёл делать ровную площадку на ночёвку. Слава, не торопясь, кочегарит примус. Джордж и Крис спали часа два заслуженным сном праведников — они хорошо поработали, особенно Лоу. Полпятого на помощь подошёл Крис.

«Это место», — сказал он, — «будет называться» Отель—Миша»». Пьём много чаю, едим их безвкусный горошек с нашей тушёной, интересных разговоров нет, чувствуется усталость,

побаливает голова — здесь уже выше 4800 м. Спать укладываемся опять поверх зарок — прекрасный климат Фан позволяет это.

Снизу ветер доносит запах арчи (которой, наверное, скоро не будет — жестоко вырубают её местные жители, при полном попустительстве егерей. Видел, когда шёл один к лагерю, как таджик подрубал кольцом отличное большое дерево, чтобы оно засохло на дрова).

15.07.76.

Нас ждёт очень напряжённый день. Чтобы вернуться в лагерь к Куликолонским озёрам, мы должны обойти целый горный хребет: спуститься с нашего перевала, идти по ущелью вниз, потом вверх на перевал Алаудин и оттуда снова вниз к Куликолонам. Но сначала — к вершине Мирали.

Встаём в 5. Джонс отказывается идти на вершину: говорит, что голова побаливает, да и неинтересно, т. к. путь прост. Выходим одной связкой тройкой. Снежный склон, потом несложные скалы (но есть куда падать), длинный гребень и в 8-мы у вершины. Слава любит красивые жесты предлагает:

«Обнимемся за плечи и на вершину ступим одновременно».

Так и делаем: в середине Лоу, мы по краям вместе ставим ноги на тригонометрический знак. Слава пишет записку, а я снимаю кино, Джордж оглядывает пейзаж и говорит, что здесь похоже на горы Сьерра—Невады, но красивее и вольнее, меньше цивилизации.

Быстро идём обратно. На снежном склоне над перевалом я решаю опробовать мой «вибрам» в глиссировании. Но при попытке работать рантами для управления, вместо подошвы со снегом касаются, как будто надутые, щёки ботинок — никакого контроля. Ощущение будто на ногах кожаные шары, невозможно ни тормозить, ни поворачивать, конструкция совершенно непригодна для глиссирования. С трудом затормаживаю ледорубом и задницей и останавливаюсь рядом с перевалом. Когда подходит Джордж, он с ехидцей говорит:

«Как вы быстро спустились, Миша».

«У меня ботинки сами едут», — отвечаю.

В 11 начинаем спускаться с перевала в сторону, противоположную подъёму. Путь очень прост, и скоро мы на леднике. Слава предлагает идти по следам туристов, но я обращаю его внимание, что они ведут в снежное болото. Несмотря на это, он по-прежнему хочет туда и идёт туда. Я ухожу в сторону от болота и в результате оказываюсь минут на 15 впереди. Весь дальнейший путь американцы идут за мной, а потом к нам присоединяется и Слава. Потом — долгий неприятный спуск к Мутным озёрам по грязным моренам.

У Мутных озёр — небольшая передышка и снова двигаемся по тропе вниз к голубым Алаудинским озёрам (а Куликолоны — зелёные). Жарища, болят ноги, жажда, под склонами Бодхоны ни малейшего ветерка в теснине. Вода не утоляет жажду, а только наполняет желудок.

У прекрасных голубых озёр встретили группу плановых туристов; они покормили нас

рыбным супом и желудёвым кофе. Крис и Джордж — в центре внимания. Купаемся со Славой в чистой холодной воде — редкостное наслаждение. Фотографируемся. Между прочим говорю руководителю туристов про Онищенко, знаменитого альпиниста. Тот как будто бы что-то слышал (хотя и обязан знать, если ходит и водит по горам людей) и говорит, что уважает трех Онищенко: футболиста и пятиборца, кроме альпиниста. Я ему в ответ:

«Те двое — мелочь по сравнению со Славой»

А сам Слава слышит этот наш разговор и млеет от удовольствия.

Кончился отдых, надо идти вверх па перевал Алаудина и опять — мука. Пот льётся ручьями, ботинки висят пудовыми гирями, Крис с огромным удовольствием отдал Славе верёвку, чтобы облегчить рюкзак; исчезли все красоты вокруг, нежно-бирюзовая вода озера исчезла в прошлом, как мираж.

На той стороне перевала сказал Лоу заготовленную по дороге тираду:

«Альпинизм — это и рай и ад почти одновременно, а альпинисты — это единственные люди на земле, которым дано это испытывать».

Он согласился; его ощущения очень схожи. В 19–30 вернулись в лагерь в арчовой роще. Народу полно, но ни чая, ни еды нет. Снова и снова вспоминаю Валеру Мальцева, Безенги 71-го года, когда после нашего долгого пути, он вручал (пришёл раньше с другой горы) горячий чёрный сладкий чай. И как на пике Энгельса, спускаясь с обработки, он попал в нагретый мной спальник, хлебал горячий суп, завёрнутый для него, наслаждался терпким чаем с его любимыми травами, которые я специально брал для него, и как он ожидал с фонариком моего появления из тьмы, если я обрабатывал до темноты. Тоска по нему пронзила всё существо — на какой-то миг отключилось сознание, и я как в фантастическом романе Финнея оказался в реальном прошлом.

Сейчас внутри наших сборов не видно больших друзей (хотя многие: Коньков — Онищенко, Шатаев — Макаукас, делали много хороших восхождений). Нет духа уважения, готовности помочь. А может быть я стал стар и этого духа нет у меня?

16.07.76.

Потихоньку все уходят в Артуць. Нет только одной группы: Коньков, Макаукас, Липень и Алекс Бертудис не вернулись с Бодхоны. Должны придти либо сегодня поздно вечером, либо завтра утром. Ухожу около 13-ти в одиночку, до чего же приятно идти, не торопясь, рассматривая горы в лёгкой дымке, воздушные и невесомые громады, думая и философствуя про себя.

Вспомнил, как поднимаясь по этой тропе несколько дней назад, нагнал мальчика таджика, гнавшего двух ненагруженных ослов в лес за дровами — арчой. Я, мокрый от пота, предлагал в шутку одного ишака нагрузить рюкзаком, а другого — собой.

«Рубли, давай рубли», — был ответ.

«А сколько рублей?»

«Один ишак, один день — пять рублей».

«Дорого берёшь»,

«Нет, дёшево, у вас много рублей».

Так мы и расстались, а он уселся на одного и с торжеством обогнал меня. В лагере — душ. Холодная вода из ржавого бачка, но — хорошо. Спецобед: тушёная картошка с нежным мясом, вкуснейший борщ, полно свежих овощей, соки — всё для гостей, а заодно и для нас.

Шатаев предложил для меня на завтра три варианта:

- 1) просто отдохнуть;
- 2) идти с ним и Любой на Диамар по 4А;
- 3) идти пятым с группой Байбары на Диамар по 5А.

Предпочёл первое — не помню уже ночи, когда мог бы поспать подряд хотя бы часов 6–7.

17.07.76.

В 4 будит уходящая публика, суета, сборы. Уходят все, кроме меня и Майка Варбуртона.

Онищенко — Лоу, Барбер — Бершов, Мартинсон — Павличенко, идут тремя параллельными маршрутами на Сарышах — там 400-метровая стена, все короткие 5Б. Две группы собираются покорять Диамар. У Майкла понос (болезнь Бершова по старинке называем). Днём хорошо отдохнул, постирал, позагорал и почитал, кажется выспался. К вечеру вернулись все, кроме Лоу — Онищенко, им пришлось заночевать на спуске.

18.07.76.

Поднялись в 5 и вышли тройкой: Майкл, Емельяненко и я на Рузерват, 4А к. т. Три часа подходов и три часа лазания. Юра и я — в галошах. Майк в основном лидировал в скальных туфлях, длина — около 20-ти верёвок, хорошие тёплые скалы; переполняют силы и желание. Всем восхождение доставило настоящее удовольствие, особенно Майклу. Часто на ломаном русском говорил Юре, предложившему этот маршрут:

«Как хорошо. Спасибо, Юра. Я очень рад».

У вершины догнали группу разрядников, инструктор у них оказался муж Тони Абрамовой, старой знакомой по «Джайлыку». С удовольствием поговорили о знакомых с Кавказа.

Спускались другим путём, почти весь путь по пыльной и грязной тропе. Семья таджиков, пасших скот на высокогорье, отдыхала на кошме, постеленной на навоз, перемешанный с пылью. Глава пожилой (как сказал — 49 лет), трое его пацанов, 9–14 лет, и племянник, 27 лет, работавший дизелистом на буровой. Угостили айраном из бурдюка и зелёным чаем. Спрашивали Майкла, какова жизнь в Америке. У них сквозило лёгкое презрение к

иностранцу, у него — к ним. Ни айран, ни чай он не стал пить (боится за желудок. Таджики упорно не хотели говорить о вырубании арчовых лесов, впечатление, что им совершенно наплевать на эти леса, была бы трава пасти скотину).

Вечером в лагере показ слайдов, вручение значков (американцам, а не нам), вручение вымпелов (гостям и лагерному начальству). Нам вымпела вручили раньше с подписями американцев, по 5 рублей за штуку. Потом часть американцев разобрали по гостям, кого куда. Мы с Лоу пили чай с колбасой у нас на чердаке и говорили «за жизнь». Раньше он работал на нейтринной станции космических лучей (физик по элементарным частицам), потом уволили после резкого сокращения бюджета; сейчас переквалифицировался в инженера — электромеханика. Явное нежелание малейшего упоминания о безработице. При упоминании Кубы, непроизвольно кривится лицо (как и у Майкла, когда случайно коснулся тем о политике). Проблемы у них и похожие на наши, и сугубо американские. Нашу жизнь он постарается понять, но во многом мы позади (техника и сервис).

19.07.70.

День отъезда из Артуца. Выехали на одной машине ГАЗ-66 с брезентовым верхом. Куча барахла и 20 человек друг на друге. Американцы, судя по их виду, принимают всё, как должное. Жара, пыль засасывает сзади, пьём томатный сок. Недалеко от Пенджикента вылезли помочиться и заодно залезли в колхозный сад за грушами и яблоками. В Самарканд приехали в темноте, помылись в душе, и начальник лагеря Поддубный устроил сюрприз — шикарный стол: коньяк от пуза, салаты, плов, канистра пива, чай, дыня. Набили все животы. Любимая присказка Виктора Байбары к Барберу после каждого ужина:

«Ну что, Генри, поели, а теперь по бабам?» Генри в лагере отвечал (у него со Светой романа не получилось):

«Ваши женщины слишком строгие, а что такое бабы?» Виктор же уверил Генри, что в Самарканде надо будет обязательно сходить в публичный дом, и Барбер страстно желает этого. После банкета Липень попросил меня составить ему компанию сходить на почту позвонить в Минск (уже после полуночи). Барбер спросил, куда мы собираемся?

«В публичный дом, конечно», — ответил я.

«И я с вами», — это Генри.

Через полчаса мы попытались с Эдиком незаметно уйти, но уже за воротами, далеко от базы, Генри догнал нас и отвязаться от него было невозможно. На почте он понял, что над ним подшутили и, пока мы с Липенем звонили, он похрапывал на скамейке. Обрато шли пешком, потом подвезла поливальная машина. В три ночи на базе я спросил у Генри:

«Ты сожалеешь, что ходил с нами?»

«Нет. Мой жизненный принцип — никогда не сожалеть о том, что уже сделано».

Утром Байбара ехидно спросил:

«Ну как, Генри, понравились тебе публичные дома Самарканда?». На что тот строго ответил:

«You are bad man, not sex man (Ты плохой человек, а не секс-мен)».

Позже все они дали Виктору кличку «Sportsman» за его неуёмную энергию и желание лазить.

Ташкент

20.07.76.

Перелёт в Ала—Арчу. Удачно погрузились в самолёт. Рейс транзитный: Самарканд — Ташкент — Фрунзе. Это хорошо — почти целый день посмотрим Ташкент. Там нас сразу повели в зал интуриста: колоссальный контраст с переполненным душным общим залом аэровокзала — тишина, прохлада, свободные мягкие кресла. Узбекский спорткомитет предоставил маленький автобус, чтобы показать город. Своего багажа мы не видели — его сразу погрузили в самолёт на Фрунзе.

После прекрасного завтрака в ресторане интуриста поехали смотреть центр города, заново отстроенный после землетрясения 66-го года. Бертулиса, как профессионального архитектора, заинтересовали защитные козырьки от солнца на некоторых зданиях. Раньше у них таких не делали, т. к. работало air-condition. Сейчас из-за подорожания энергии начали искать другие пути защиты от лишнего тепла, и ему интересен опыт нашей Средней Азии, когда я сказал, что в Союзе разработано стекло, пропускающее свет в одну сторону и не пропускающее в другую, он ответил, что будь это в США, автор изобретения давно был бы миллионером.

«А у тебя. Алекс, какой доход?»

«Тысяч 60–80 в год. На семью с тремя детьми как раз хватает».

Поговорили немного о семейном бюджете. В свободные два часа сходили с Виктором Байбарой по книжным магазинам; купил штук пять в букинистическом. Много ходили по городу. Рынок не столь яркий, как в Самарканде. Русских в Ташкенте — почти половина, Лоу дал интервью местной газете (польстил нам со Славой, вспомнив Мирали. Кстати, до сего времени, а я пишу в июле 85-го в той же онкологической клинике, этот маршрут не повторён, хотя покушались на него много раз. Слишком необычно это «горло дракона» для наших горвосходителей).

В 19:30 — фирменный ужин в интуристе аэропорта, отдых в прохладе — опять колоссальный контраст с общим залом ожидания. Генри читает Ленина — из брошюр на столиках. Перед уходом с десятков книжечек запихнул к себе сумку.

В 22 сели в ТУ-134 на Фрунзе, дикая духота, вся выпитая жидкость полилась наружу, взлетели только через час. Во Фрунзе встретили: двое дюжих парней перенесли вещи в грузовик; мы — в ЛАЗ и в лагерь; американцы — в РАФ и в отель. В Ала—арче оказались в 2 ночи. Проснулся начуч Виктор Суханов:

«А ну, таскайте ваш кули в КСП».

Перетаскали на 2-ой этаж, получили по спальнику и в 3 залегли на полу до подъёма, до 7-ми.

Часть 3. Тянь—Шань. Альплагерь Ала—Арча

Ала—Арча

21.07.76.

День отдыха, день выбора маршрутов. Как и раньше свобода выбора предоставлена американцам. Барбер предложил идти с ним.

«Ну, что ж, пошли. А куда?»

«Да сам найди новый маршрут».

Нашёл после двух часов работы. Классный. На пятую башню Короны, стена с едва заметным контрфорсом, кто-то уже пытался пройти, но группа сошла с маршрута.

Лагерный завтрак — это уже не пища для интуриста: перловка с бараньим жиром на костях и пшённая каша. (То же самое, кстати, было и в последующие дни). Обученные нами американцы, начали называть перловку — «шрапнель». Сначала любую кашу так называли, а потом — только перловку. Манная каша для них ещё ничего, а от остального воротят нос. Советскую часть экспедиции разместили к концу дня в помещении старой учебной части на полу (ни в палатках, ни в домиках места не было — всё занято участниками и инструкторами), американцев в двухместных комнатах корпуса.

Если есть что хорошего в лагере Ала-арча — то это парная баня, сухая и с влажным паром от раскалённых камней — на любой вкус, с предбанником, с холодным душем, рядом с озерцом снаружи. В предбаннике можно хлебнуть чайку или сухого винца, или «мокрого». Прошёл 6–7 циклов: парилка, озерцо, душ, отдых и снова. Наслаждение невыразимое. Гости тоже довольны. Крейг слинял после одного раза, а Майк и Генри сражались до упора. Угомонились к ночи и разместились: нас 10 в ряд на полу в спальниках; Коньков (к нему прилетела жена) — в противоположном углу, сделали загородку из стульев; Шатаев с женой — в уютной комнатке КСП. Медведев — рядом с американцами. Мы спали, в общем, неважно: вздохи, бздёхи, сопенье и ворчанье.

22.07.76.

День подготовки к выходу. С утра получаем с Байбарой продукты; набор у них превосходный. Есть чёрная икра, спинка севрюги, лосось, хорошие конфеты и другие деликатесы. Складываем всё полученное в комнате у Медведева и догоняем основную группу, ушедшую посмотреть кладбище альпинистов, долину. Здесь похоронена Галя Манжарова, одна из восьмёрки с пика Ленина (родом она из Фрунзе), Шубин, хороший художник-альпинист (на плите написано Афонасий — может так и надо?). Дайнюс дважды позвонил в колокол над двумя литовцами, он знал их. Рядом — пухлая книга записей, но писали в неё все, кому не лень. Есть разные записи, и хорошие, и глупые. Доступность прикосновения неприятна. Не все должны иметь право писать в таких книгах.

Генри снова увлёкся. На этот раз Клавой — совсем другой тип, чем Света из Артуца.

Пытался разговаривать на тропе, но мешает языковой барьер.

Перед обедом собрались у нас на «лежбище» и перекусили бутербродами с чёрной икрой, а в столовой ждала «шрапнель». Потом до 23-х занимались получением продуктов на маршруты, снаряжением, упаковкой рюкзаков; каждая группа — отдельно. Разделили с Генри всё полученное и общественное снаряжение поровну; он дал спальник (такой же как давал Лоу), хороший рюкзак, верёвку.

23.07.76.

После завтрака вышли с Барбером раньше других на полчаса. Вчера я проконсультировался с Сухановым о тропе к ночёвкам Рацека, и шли без приключений, а часть наших (Бершов, Онищенко, Ружевский) заперорились, т. к. пошли по руслу реки Аксай и попрыгали по валунам. Слава, физически сильнейший мужик, догнал нас примерно в часе ходьбы от хижины на ночёвках Рацека, а 10-ю минутами раньше обошёл Дайнюс: оба в мыле; пот капает с носа, бровей, ушей; соревнуются, Дайнюс не хочет уступать. Мы с Генри не торопимся, он рассказывал о странах, где бывал, о людях. Бывают, говорит, и в альпинизме нечестные люди.

В хижине расположились Свердловские сборы, угощают чаем, я жарю яичницу с колбасой, на которую наваливается вся публика. Нам идти ещё далеко, и опять мы с Генри уходим первыми. Некоторое время блуждаем в тумане, консультируемся у двух мелькнувших фигур, выходим по их совету на ледник, потом вверх по тропе мимо ледопада — всё в тумане. Поджидаем ребят снизу — подходят Павличенко и Байбара, движемся дальше четвёркой. Навстречу бегут два отделения разрядников; последний из них, инструктор, отвечает на наши расспросы, сам интересуется, кто здесь американцы, суёт Барберу руку, хлопает его по плечу, по груди, мир — дружба, и бежит дальше. Мы смеёмся.

Ночевки — на морене в цирке Аксайской подковы. Красиво и внушительно, не Фаны, чуть посуровее Кавказа. После прихода Ружевского, Лоу и Мартинсона выясняется, что мы собрались идти на один и тот же маршрут. Вацлав возмущён — опасно. Американцы доказывают, что всё будет в порядке, пойдём параллельно, сыпать друг на друга не будем. Ну что ж, завтра посмотрим.

Готовлю чай с сухими сливками — очень нравится американкам — и едим их суп с нашей тушёнкой.

Серёжа Бершов впервые за всё время знакомства с ним вышел из своего ровного состояния: они идут с Варбуртоном на пик Свободой Кореи по маршруту 6-ой к. т. и взяли с собой газовую плитку с баллончиком. Барбер крикнул ему, чтобы готовили на нашем газе и поэкономили свой, имея в виду наш бензиновый примус. По-американски газ и бензин называются одинаково: Gas — (по-английски бензин — это petrol). Получилась путаница — примус был занят мной, Сергею пришлось ждать с полчаса. Потом мы с Лоу долго объяснялись (с ним у нас очень откровенные отношения) и он согласился здесь в экспедиции по возможности отказаться от американизмов, приводящих к неразберихе — насчитали штук шесть таких терминов. Но всё-таки и Генри, и Джонс, и Крейг опять путали своим «газом» всю утреннюю готовку. Опять Бершов выходил из равновесия: считается, что их маршрут самый сложный из всех предстоящих. Мне кажется, что наш, новый, будет не проще.

Спали с Генри внутри нашей здарки. Ему хорошо — есть отличная пуховка; я — мёрз, т. к. пуховкой своей не обзавёлся.

24.07.76.

Здарки отпотели, мешок стал влажноват. Ночью снились какие-то кошмары. Стройный, длинный и усатый Генри упирался ногами в мешок палатки и стягивал его с моих плеч, приходилось часто лезть глубже, уходя с нагретого места.

Вышли первыми в полной темноте, часа в 3. Налобный фонарь на незнакомом леднике скорее мешает, чем помогает — не различаешь перспективы, и невозможно выбрать правильный путь между трещин. Снег мягкий, заперлись в какое-то снежное болото. Как раз к рассвету вышли к началу маршрута, под кулуар, рассекающий 5-ую и 6-ую Башни Короны. Смотрим на наш маршрут. Барбер: «Плохой маршрут: стена, а не контрфорс». Я — «Да, так я тебе и говорил; это было видно и по фото».

Прошли кулуар, поднявшись метров 250 по жёсткому снегу: я шёл первым и делал неплохие ступеньки для появившейся на леднике под нами тройки во главе с Лоу. Вышли на скалы, там удобная площадка, и стали ждать тройку, чтобы не сыпать на них камни. Очень холодно, сильный ветер. Надел на себя последний резервный свитер — любимый, зелёный, вьетнамский, мягкий и тёплый, служащий уже 15 лет. Барбер с сомнением поглядывает на стену и хмыкает, морщится, что-то бормочет. Минут через 40 подошла тройка; Лоу поблагодарил за отличные ступеньки, и началась дискуссия.

Барбер: «Идти не хочу, уйду вниз. Пусть восхождение делает остальная четвёрка».

Ружевский: «Идти тоже неохота, слишком сурово, пусть лезут трое американцев, а мы с тобой в двойке пойдём завтра на шестую башню Короны по 5Б».

Лоу: «За старый вариант; идти параллельными группами — такая возможность есть».

Я: «Вариант Лоу неприемлем, предпочтительнее идти четвёркой».

Сидим более часа. В итоге Генри Барбер ушёл вниз, передав мне свою долю общественного снаряжения, и рюкзак мой здорово потяжелел.

Лоу предложил связки: он — Вацлав; я — Мартинсон. Начало простое: серая стенка с петлёй из основной верёвки. Кто-то уже спускался отсюда. Выше начался основной маршрут: разрушенный внутренний, угол первым идёт Ружевский, долго и аккуратно, следующие 40 метров первым лезет Лоу — быстрее, я замыкаю, выколачивая крючья.

Проклятые ботинки (но без них на холоде никак не обойтись) совершенно не дают чувства микрорельефа; невозможно использовать мелкие уступы, т. к. щёки спихивают подошвы. Начало покидать чувство и желание показать, что я способен хорошо лезть и работать первым, прошёл зуд желания лазить. С утра было великолепное настроение — акклиматизировался, рвался в бой. Сейчас ботинки выводят из себя. И еще происшествие: соскользнула подошва, вся тяжесть тела пришлась на левую руку, плечевой сустав вышел из сумки (он у меня ослаблен таким же случаем на Корженеве 2 года назад) и с характерным хлопаньем вошёл обратно. Довольно сильная боль, и сразу опасение: нельзя эту руку

грузить.

Ещё две веревки впереди работает Джордж. Вацлав и Крейг просто поднимаются по перилам, я — ишачу сзади. На полке, после четырёх верёвок обнаружили прибитую к крюку ржавую консервную банку, в ней записка: 1968 г, Наумов, Субортович и ещё двое совершают восхождение на 5-ую башню бороны. Их петлю мы видели снизу. Почему они отступили пока неясно.

Лоу пошёл выше. На жюмарах по его верёвке к Джорджу поднялся Вацлав и сразу стал выпускать его на следующую верёвку. С рюкзаком по слегка нависающей стене лезть невозможно, и Джордж снял его, повесив на крюк. Мы с Ружевским вытягиваем снизу остальные рюкзаки: тяжело, много острых камней, рвущих ткань и затрудняющих вытяжку. Крейг снизу оттягивает. На стене нет хороших выступов для ног, и мы с Ружевским стоим на петлях, прикреплённых жюмарами к верёвкам. Страшная путаница с рюкзаками, узлами, петлями, веревками. На один из подвешенных рюкзаков Вацлав уселся верхом и блаженствует, давая отдых ногам. Пока мы тянули рюкзаки, Лоу вышел ещё на 40 метров и крикнул, что верёвка закреплена. Ружевский на жюмарах опять уходит к нему, и они начинают вытягивать на семимиллиметровой верёвке (мы взяли её специально для вытяжки) сначала рюкзак Лоу, а потом три моих. Постепенно привожу в порядок неразбериху рядом с собой и посылаю наверх свободную верёвку (у нас их 4: 9-ти мм — 2 шт, и 7-ми мм — 2 шт). Помогаю Крейгу подняться ко мне (он уступает всем нам троим во всех отношениях — и технически, и физически) и иду на жюмарах к верхней двойке.

По дороге вижу штук 8 старых шлямбурных крючьев — непонятно зачем их били, ведь рядом столько трещин. Зато понятно, почему Джордж так быстро проскочил здесь: просто навешивал лесенки. Лесенки у американцев чисто матерчатые, из лент, без дюралевых ступенек: чуть неудобнее, но легче. Сейчас Лоу стоит на узенькой полочке, где тесно троим, вверху скалы чуть полегче. Он предлагает лезть первым мне, но поглядев на мои ботинки, с сомнением качает головой: обувь для таких скал не подходит.

Едим по несколько долек шоколада (у нас его 8 плиток), запиваем глотком воды из фляги — и снова берёмся каждый за свою работу. Времени 15 часов, но есть не хочется. Джордж снова лидирует, Вацлав выдаёт ему верёвку и уходит к нему на жюмарах, я принимаю Крейга, а его долго-долго нет, где-то внизу застрял. Через полчаса появляется в зоне видимости и сообщает, что заклинило верёвку, которую он тащил за собой несобранную, и он был вынужден спускаться вниз.

Дальше я опять поднимаюсь последним, с рюкзаком. Вацлав не смог пройти последнюю сороковку с рюкзаком и повесил его на середине верёвки. Очередной этап монотонной работы, а уже 7-ой час. Наконец Лоу кричит сверху, что видит полку для двоих, а десятью метрами выше — ещё для двоих. Двое американцев группируются на верхней, и мы не видим их, мы с Ружевским — ниже.

В 19:30 греем одну и другую кастрюльки с чаем. Прекрасно уплетаются бутерброды с чёрной икрой и сладким-сладким чаем. Напротив нас внушительный массив Свободной Кореи, разделённый солнцем на две части: чёрную снизу и рыжую выше.

(Позднее в одном из американских журналов, автор, кажется Бертулис, сравнил Корею с Гран—Жорасом, а нашу Корону — с Пти—дрю. И правда, есть сходство).

Налили на утро полную фляжку воды (топим остатки льда на полке), и тут Вацлав уронил баллон с бензином от американского примуса (его конструкция такова, что горелка свинчивается с баллоном–бачком). Единственный раз металл звякнул о камень, и больше снизу не раздалось ни звука. Материмся, я — про себя, Вацлав — вслух.

Над нами, метрах в 50-ти, можно видеть Лоу: он с последним светом навешивает очередную верёвку. Так же использовал весь световой день и Мальцев. Молодец этот американец.

Долго устраиваемся спать. Размеры полки у меня 40 на 60 см, у Вацлава — 30 на 80 см. Спальный мешок, в который я залезаю, скользкий снаружи, и такое впечатление, что он постоянно намеревается вместе со мной порхнуть вниз. Пропускаю под ногами несколько петель из основной верёвки для опоры. Коротаем в сновидениях и пробуждениях ночь.

25.07.76.

Одна радость — ночью не было ни снега, ни сильного мороза, всё-таки отдохнули. Едим по кусочку колбасы, заставляем выпить себя по полбанки сгущёнки с тёплой водой (фляжка из спальника), собираемся и лезем к американцам. Их ночлег был значительно комфортабельнее, спали вдвоём в здарке на полке 1 на 1,5 м. Группа 68-ого года дошла именно до этого места: видим остатки бинтов, и кажется здесь у них кого-то стукнуло. А выше — сложнейшее место (хотя и ниже почти везде лазание было не ниже 5Б к. т. по нашей классификации). Видны массивные плиты с редкими трещинами, крутизной 85–900, сначала глубокий внутренний угол, потом неявный внешний. Слева — мощный карниз, увешанный сосульками — Лоу обошёл его. Поднимается по навешенной верёвке сначала Джордж, потом Крейг и он же выходит лидировать. Сорвался, пролетел полтора метра и дальше пошёл, только на искусственных точках опоры. Мы с Ружевским ждём своей очереди на площадке. Время от времени далеко от стены падают камни, и неожиданно, один из них, с килограмм весом, плюхается прямо на рюкзак между нами, в клапане которого лежит рация. Кончаем трёп и начинаем чаще поглядывать вверх.

У меня сейчас нет ни энтузиазма, ни особых эмоций, радости от восхождения. Почему? Наверное потому, что нет того коллектива, с которым сжился за годы в горах, нет Валеры Мальцева; потому, что на блестящем фоне работы Лоу выгляжу неважно (и из-за ботинок, и из-за плохой предсезонной подготовки). Делаю вывод — пора кончать с серьёзным альпинизмом. Вывод усугубляется видом кошмарной пропасти и тонкой паутинки верёвки, по которой я поднимаюсь (Ружевский ушёл раньше) — достаточно слабого удара камнем, чтобы эта паутинка лопнула, и я полечу километр вниз, не касаясь скал, до самого ледника. Одна паутинка сменяется другой (обработано 80 метров), такой же хрупкой и уязвимой.

На конце первой сороковки пересаживаюсь с помощью жюмаров на вторую: конструкция этих зажимов позволяет сделать перестёжку почти мгновенно. Нижнюю верёвку сматываю в кольцо и навешиваю на себя дополнительные три килограмма; постепенно обрастаю довесками десятка карабинов и закладок; они из дюрала и не так тяжелы; легче даже наших титановых. Гоню от себя все мысли о паутинках и с трудом перебираюсь через карниз — с грузом это нелегко.

Кажется, главные трудности позади. На очередной полке рядом со всеми сбрасываю с себя груз металла, верёвки, рюкзаки. Небольшой отдых и снова вверх за Крейгом. небольшой снежный склон размером 10 на 10 м завершается вверху разрушенными скалами. Они круты,

но их разрушенность создаёт ложное впечатление простоты.

Не торопясь, иду первым, через 40 м принимаю Мартинсона. Снова выхожу вперёд. Он страшует, как и все американцы, через поясицу, за большой вмороженный камень. Этот приём, наверное, хорош для совершенно гладких стен, т. к. смягчает нагрузку на руки, но сейчас страховка через поясицу просто вредна. Прохожу пятиметровый траверс под стеной по крутому льду и поднимаюсь метра на два на начало скальной стенки, оставив в трещине миниатюрную закладку. Выше надо бы забить крюк, но вроде лезется легко, да и не видно сразу, куда бить.

Упираюсь ногами в плиту, руки — в контр распор, сейчас я вылезу на стенку, — и вдруг, абсолютно неожиданно, обе ноги мои соскальзывают, и я лечу вниз: руки работали только на распор. Первая мысль — сейчас я повисну на закладке. Проходит миг, я чувствую рывок, подбрасывающий меня вверх и переворачивающий вниз головой, падение продолжается, закладка не выдержала. Веревка запутывается, я кувыркаюсь, слетает каска; но странно, нет ни ужаса, ни отчаяния, а лишь ожидание второго рывка: что-то долго нет его.

Наконец, падение прекращается. Я лежу наклонно головой вниз и целиком ощущаю себя: кажется ничего не сломано, немного саднит голова и бедро. С трудом поднимаюсь, трогаю голову — кровь. Смотрю вверх на Крейга: он стоит, не изменив позы, не выбрав во время падения ни сантиметра верёвки.

«Misha! Are you all right?» — кричит Джордж. «Yes!». Вацлав: «Мишка, как ты там?». Я: «Всё цело».

Распутываюсь от веревок. Слава богу, что они сделали несколько оборотов вокруг меня и задержали падение именно сейчас и ни метром позже, потому что я остановился рядом с километровым отвесом, и неясно, выдержал бы жёсткий рывок тот камень, за который держал меня Крейг; протравить верёвку он не смог бы.

Подхожу наверх по снегу (тому самому пятну, высотой 10 метров). Вацлав обильно поливает ссадину на голове йодом и завязывает бинтом.

«Было ли сотрясение мозга?». «Нет, помню все детали падения». Джордж: «Ты пойдешь первым?». Я: «Да».

Больше нечего ответить, хотя, по честному, лезть совсем не хочется. К счастью, вмешивается Вацлав. Говорит, что мне сейчас нельзя идти первым, полезет он.

«Это будет мудрее», — соглашается Лоу. Крейг всё время молчит; он бледен и заметно потрясён.

Ружевский лезет очень осторожно, забивает три крюка и медленно преодолевает ту плиту, откуда я сорвался. Туда же подходим и мы трое. Проходя место срыва внимательно рассматриваю плиту: сыроватая, чёрная и гладкая. Резина моих ботинок, отечественная, спецзаказ «Спортобувь», явно не предназначена для такого камня. Опять Лоу впереди, за ним — Ружевский, уходят, не оставляя веревки. Я пытаюсь идти первым, но не могу доверять ботинкам, чувствую нервную дрожь в руках и, поднявшись метра на два, отказываюсь от попытки. Лезу следом за Крейгом, слегка используя верёвку для опоры, и постоянно пробую ботинки: где же грань, когда на них можно положиться?

Чередуются верёвка за верёвкой. Первым лезут: Вацлав (через широкий, залитый льдом камин, по замороженным камням), Крейг (по простым полкам), Джордж (по сложному участку — здесь пытался лезть Крейг, но заблудился в трёх камнях, попал на непроходимые плиты и спуститься оттуда смог только оставив крюк с петлёй (для тех, кто будет после нас, остался ложный ориентир). Лоу спрашивает меня (он как-то оказался ниже): «Ну, что там дальше?»

Отвечает Ружевский: «Шоссе».

Я перевожу: «Highway», — и все хохочут. Но вот ещё три верёвки, простые — и мы на гребне Короны. Светит солнце, холодно.

В восемь вечера, по нашему с Вацлавом настоянию, становимся ночевать — американцы (американец, Джордж) были настроены двигаться дальше. Лоу сейчас красив, лицо его одухотворено, глаза блестят внутренним светом, чувствуется, что он доволен собой, стеной, жизнью, природой.

Отступление о будущем

В следующие несколько лет Джордж участвовал, по моим сведениям из печати, в трёх экспедициях: на очень сложный каракорумский непокорённой семитысячник, на Эверест, и в Пакистане на Шивлинг по сложнейшей стене. Все три — неудачны для него, до вершины не доходили ни на одной горе, по разным причинам. Но всегда Лоу делал максимум возможного. Когда мы расставались, я сказал ему, что он лучший альпинист из тех, с кем я лазил, и может сравниться только с моим погибшим другом. Он ответил: «Ну, что ты! Вот мой двоюродный брат Джефф — тот классный альпинист; и Барбер лучше меня лазит по скалам и льду, и других много».

«Но ведь альпинизм — это не только лазание. Это — комплекс личностных качеств, и у тебя этот комплекс оптимален».

Он улыбнулся и обнял меня — так непохоже на сдержанных янки.

В 77-ом наша сборная была в Штатах на Мак—Кинли. Кто-то из шестерки передал мне привет от Джорджа и заметил, что он грустен, очень печален и спокоен. Выкладываем на снегу площадку из камней. Кипячу чай на баллоне американцев (они весьма бесстрастно отнеслись к сообщению, что наш баллон улетел). Холодный ветер, быстро темнеет, я вожусь у кастрюль и кормлю.

«Ты хороший повар», — говорит Лоу. «Если не могу лазить, надо быть хотя бы поваром», — отвечаю довольно мрачно.

Американцы, сидя в спальных мешках, степенно и много едят: бутерброды с икрой, колбасой, сыром; пьют много чаю с конфетами и шоколадом — смотреть на них приятно, так и надо делать после хорошего трудового дня. Мне кусок не лезет в глотку. Нравится только солёная спинка севрюги, которую никто больше не ест. Заставляю прожевать кусок колбасы с чаем. Пить хочется ещё, но совершенно темно, сверху холодно, но ногам тепло — ботинки-то высотные, двойные.

Попарно располагаемся в здарках. Долго не могу согреться, дрожу, но постепенно засыпаю. Вацлав дал мне свою шерстяную шапочку (одной моей было явно мало), так что голове тепло, и тонкую шерстяную рубашку. У него — отличная собственная пуховка с капюшоном. Мне в лагере предложили очень старую, грязную и почти без пуха — стыдно носить, и я, конечно, отказался.

26.07.76.

Просыпаемся часов в 8. Сильный мороз (-15⁰), и солнце, почти безветренно. На Кавказе, на высоте 4800, как правило, теплее не торопясь, собираемся и в 10:30 выходим. По связи узнали: с группой Шатаева всё в порядке (он с Онищенко, Коньковым и Виктором Байбарой спустился вчера в лагерь на ночёвки, пройдя маршрут 5А на 5-ую башню Короны. Мы их видели в полукилометре левее нас. Виктор позднее говорил, что мы выглядели от них просто фантастично); Генри Барбер в одиночку поднялся на Корею по сложному, в основном ледовому маршруту, и сейчас спускается на другую сторону пика; четвёрка с Бертулисом и Макаукасасом поднялась по пути Мышляева на Корею и сейчас тоже на спуске. Узнав о Генри, Джордж слегка переменялся в лице, на мгновение застыл и осмысливая услышанное. Крейг только улыбнулся, ясно, что у Лоу с Барбером — конкуренция.

Простой гребень прошли за час (именно здесь Лоу нащелкал фотографий, напечатанных позже в журнале «Америка»). (Моё фото, на двойном развороте, я думаю, поместили с умыслом — уж больно громоздки ботинки, белеют бинты под каской, наша допотопная штормовка. Всё это должно было дать публике представление о нашем снаряжении, отставшем на десятилетия от американского). С гребня спуск по льду с тонким слоем снега. Кошек у нас одна пара, и с ними спускается последний. Как обычно — путаница с американцами на спуске: они хотели зачем-то пользоваться третьей верёвкой, не понимая моих указаний; долго разбирались и приценивались, как лучше действовать. Недоразумение разъяснилось после спуска по перилам; Лоу согласился, что третья верёвка не нужна, убрал её в рюкзак, сказал, что дальше на спуске будет слушаться меня. Дальнейшее однообразное движение по ледовому склону вниз позволило много разговаривать на отвлеченные темы, и почему-то разговор коснулся американской и русской матерщины, ругательств.

«Как перевести на русский слово «Fuck»? — спросил Джордж.

Я ответил.

«The girl wants fuck», — медленно спросил Лоу по-русски.

«Да, да, именно так», — рассмеялись мы с Вацлавом.

«Слушай, а ведь ты тогда на Мирали понял моё выражение о скалах», — сказал Лоу.

«Конечно понял. Я тогда удивился, что в твоём лексиконе есть такие слова».

«Я очень редко их употребляю. У нас готовится к университетскому изданию русско-английский словарь нецензурных выражений».

«Ну, что ж, полезное дело».

«Попробуйте после этого обругать нас — мы всё поймём».

(В 77-ом такой словарь появился, а в 78-ом, в экспедиции на пик Коммунизма, три маленьких книжечки, на 500 слов, уже находились в руках американцев. Как же мы, советские участники экспедиции, хохотали, читая перлы этого произведения, — они обработали период истории лет в 200, от екатерининских времён до современности. Как и любая другая, эта работа была выполнена ими основательно).

Спуск продолжается. Идем по простому гребню и подходим к скалам. С этого места нам еще метров 500 по вертикали по несложному льду — и мы на леднике, недалеко от ночёвок. У Крейга появилась потребность облегчиться. Он устраивается на корточках поудобнее у тёплой нагретой солнцем скалы и достаёт из внутреннего кармана пуховки брошюру. Мы втроём отдыхаем на рюкзаках в сторонке; Лоу достаёт фотоаппарат и собирается фотографировать Мартинсона за его занятием. И тут я замечаю имя автора брошюры «Lenin».

«Вацлав, смотри что он читает», — говорю Ружевскому. Он реагирует мгновенно: закрывает рукой аппарат Лоу и кричит Крейгу:

«Эй, у тебя там нет ничего другого, чтобы позировать. Маркса, например, или Энгельса?»

«Нет», — отвечает Мартинсон, — «я изучаю этого автора».

«Ленина изучать надо, не отвлекаясь на другие занятия, тем более на твоё. Убери. Бумажки я тебе дам. И ты, Джордж, пойми, что такой юмор мы не понимаем».

Лоу послушно убирает аппарат, а Крейг прячет брошюру обратно.

К часу дня мы спустились к ночёвкам, где обнаружили пятерых ребят из Харькова, среди них Лёшу Москальцова (будущего Эверестца) — они собирались идти на Корею. По дороге Вацлав отрезал мне большую часть бинта, оставив только присохшую, невидимую под шапочкой нашлёпку, так что вид у меня вполне здоровый. Ребята напоили чаем, угостили супом, приготовленным из пяти разных наших и американских пакетов.

Мы с Лоу уселись в сторонке позагорать и он спросил, почему мы так серьёзно отнеслись к его попытке сделать юмористический снимок:

«Американские альпинисты изучают классиков марксизма на вершинах Тянь—Шаня. Ведь неплохой ракурс, у нас охотно бы напечатали».

«Ты знаешь, Джордж, у нас есть над чем поюморить, есть, что ругать, есть, что надо менять или даже уничтожать. Но с двумя темами, я тебе советую, в разговоре с нашими людьми быть очень серьёзным. Это — война и Ленин».

«Какая война?»

«Великая отечественная. Ты знаешь, сколько погибло у нас?»

«Нет».

«Двадцать миллионов. И солдат, и мирных жителей. В Америке не знают, что такое война».

«Почему же? И у нас был Вьетнам. Но мы проиграли».

«Эти войны нельзя сравнивать. А сам ты как относился к Вьетнаму?»

«Сначала никак, потом — против».

«Как-нибудь выступал?»

«Нет».

Мы с ним долго ещё разговаривали, но пора возвращаться в лагерь, и мы подошли к остальным. Неожиданно Джордж предложил идти в лагерь завтра, а сегодня вечером кому-то в двойке с ним подняться на Корею по ледовому склону правее пути Барбера. Он долго уговаривал Вацлава или Крейга составить ему компанию, но, т. к. никто не соглашался, то в конце концов, он решил идти в одиночку. Не помогли и мои попытки соблазнить его ужином с шампанским, якобы заказанным к нашему возвращению. Вацлав потребовал с него записку для Шатаева, дал рацию для связи с харьковчанами; я дал ему свои часы (по странности не разбившиеся во время падения), и мы втроём ушли в лагерь, оставив Джорджа точить кошки, готовиться к маршруту.

Дорогой Вацлав рассказывал о себе, старшем сыне, разводе, о репрессированном отце, о своей работе, об инструкторстве в «Уллу-тау». Ему хотелось выговориться, а я люблю слушать. На Кавказе Ружевский пользовался репутацией одного из самых весёлых, сильных и умных инструкторов. Прекрасный гитарист, певец, он и у американцев получил кличку «character» — значит своеобразный человек, личность. Крейг потихоньку шёл сзади. До лагеря дошли за 2 часа. В лагере с 18-ти до 20-ти — парная баня с ледяным озером (после восхождения, как говаривал Боря Левин, это наслаждение — выше полового). В парной отошёл бинт с гноем. Наташа Филиппова, наш врач, залила ссадину синтомициновой эмульсией и заклеила лейкопластырем.

Генри пришёл после спуска с Кореи к 18-ти. Доволен маршрутом, хотя считает, что хотел бы видеть маршрут более сложным: он страховался всего две верёвки перед выходом на гребень.

За ужином, конечно, никакого шампанского: шрапнель с бараньими костями и чай с маслом. Все хотели спать, улеглись рано, удалось выспаться.

27.07.76.

День отдыха. В общем, безделье. Лоу пришёл в 12. Рассказал, что вышел с ночёвок в 23; в 2 был на гребне (на вершину, конечно не пошёл — уже хоженный гребень) и часа два дремал там, ожидая рассвета. Потом за час спустился в ущелье на другую сторону и прибыл в «Ала-арчу».

Из Фрунзе вернулись наши (они ездили посмотреть город), и Макаускас рассказал неприятную историю: на рынке милиционер арестовал Криса Джонса. Молодому, глупому парнишке, видимо хотелось выслужиться и, когда Крис фотографировал горы арбузов,

помидоров и дынь вместе с колоритными продавцами, этот сержант предложил ему пройти в отделение и уничтожить плёнку, на которую Крис, дескать, снимал нищих. Но нищих на базаре нет — доказывал Макаукас. Уговоры не помогли. Им пришлось более часа пробыть в отделении милиции, пока дозвонились в лагерь, а оттуда — начальнику ОВД Фрунзе.

По физиономии Криса и его высказываниям чувствую, что он просто доволен своим маленьким приключением: оправдывается его убежденность, что в СССР царит произвол, тоталитаризм и простой люд не имеет никаких прав. Пересказывает в деталях историю своим соотечественникам.

Генри ухаживает за Клавой. К вечеру пришёл и говорит, что сошёл с ума.

«Я — как бык. Бу-бу-бу», — приложил ладони к голове наподобие рогов и бегал взад-вперед по своей комнате.

«Смотри, арестует она тебя, если будешь хулиганить», — пригрозил Лёва Павличенко.

«Как так?» — удивился Барбер.

«А она работает в милиции, лейтенант; здесь — в отпуске инструкторит.

«Да, ну? Это невозможно».

«Почему невозможно? Нормальный случай».

«Всё равно я, как бык. Женюсь и увезу её с собой».

(Генри действительно сделал ей предложение. Писал письма с Кавказа, куда мы улетели через несколько дней. Писал и из Штатов года полтора — это по рассказам Зои Кирилловой, старой знакомой по «Джайлыку», с которой здесь пересеклись наши альпинистские дороги).

Вечером Наташу Филиппову пригласили посидеть у начальника КСП района «Ала-арчи» — Ляха, а она — меня. Попить чаю и водки, как сказала жена Ляха, Сталина, постоянно гуляющая по лагерю с годовалой дочкой на руках. Кроме хозяев были инструктора супруги Кодачиговы из Иркутска. Роберт Яхин, инструктор КСП, чемпион Союза. Лях хорошо рассказывал о Хан—Тенгри, пике Победы, больше Тянь—Шане. Угощал вяленой говядиной, твёрдой, как гранит, и очень вкусной, а запивали и вином, и водкой, и киргизским бальзамом. Порядком окосел. В 3 пошли к Кодачигову и там пили чай. Говорили, говорили и говорили.

В нашу многоместную спальню, учебную часть, пришёл полшестого и долго с изумлением рассматривал свой спальник: мешок был похож на беременную женщину. В изголовье положена гипсовая голова, а внутрь зашит огромный глобус. Улыбнулся, когда понял; потом засмеялся, а потом неудержимо захохотал. Изю всех углов постепенно стали слышаться ответные смешки, потом что-то вроде хрюканья, а потом и всеми овладел приступ смеха, больше, конечно, никто не заснул.

28.07.76.

День подготовки к выходу в высокогорную зону. Поспал в лесу пару часов. Вечером Лях показывал Тянь-шаньские слайды. Много вопросов американцев, им очень понравилось. Хотели бы через год приехать именно туда, в Центральный Тянь—Шань. Лоу сказал, что видели (хотя только на экране) один из красивейших горных районов мира.

29.07.76.

Все выходят к своим маршрутам. Я хотел посмотреть другое ущелье помимо Аксяя, и мы в двойке с Филипповой собрались сходить на пик Байчечекей, по 3Б. От прежних ночёвок должны перевалить хребет и выйти под наш маршрут.

Как обычно, вышли первыми, и двигались не торопясь: тропа красива, пасутся кони, киргизские летовки, бегают резвые жеребята, идиллия. Около хижины Рацека начался дождь. Один из инструкторов лагеря, незнакомый парень, дал свой плащ — серебрянку, т. к. у них заболел один из членов группы, и они уходят вниз.

На ночёвках спал в американской трёхместной палатке с Генри. Палатка, пожалуй, лучше нашей, т. к. меньше отпотеваает изнутри; внутри тонкая сетка — антиотпотеватель. Но потяжелее. Перед сном поговорили о разных разностях. Он читает то свою фантастику, то брошюры из аэропорта. У меня — «Порт—Артур», книга Лёвы Павличенко. Читал её в последний раз более двадцати лет назад. Генри вышел в 2 часа ночи с Байбарой и супругами Шатаевыми на Корону по 4Б. Кроме них никто не пошёл: идёт снег хлопьями. На минутку выглянет солнце и снова валит снег.

30.07.76.

Группа Шатаева вернулась. Барбер первый повернул обратно. Он любит чистые сухие скалы — это и раньше было заметно. Весь день провели в палатках на ночёвках. Читаем, едим, спим. Часа два трепались у палатки Володи Шатаева. Разговор, в основном, на альпинистские темы. Барбер устроил на леднике демонстрацию ледовой техники. Оказывается у нас в обучении до сих пор применяется австрийская методика работы на льду. Генри показывал более современную, французскую, — есть принципиальные различия. Но, чтобы нам овладеть новинкой, нужно новое ледовое снаряжение, и в первую очередь кошки и ледорубы. Промышленность явно десятилетие не освоит новинок; придётся всё делать самим и распространять среди наших альпинистов.

31.07.76.

Непогода. На маршруты никто не пошёл. Часть людей с утра пошла вниз, т. к. что-либо сложное уже не успеть сделать. Я ходил по леднику — долго ждал, пока откроется Корона, но так и не дождался. Облака закрывают то всю гору, то верхнюю половину. Жаль, хотелось полюбоваться пройденной нами стеной, пережить заново восхождение, сохранить в памяти эту «русскую Пти—Дрю». В 16 в одиночку ушёл в лагерь. Остались две пары: Байбара — Варбуртон собираются сходить на Корону по 4А, и Макаукас — Лоу попробуют пройти новый маршрут на Аксай, выбранный Джорджем.

Вечером — баня.

01.08.76.

Завтра мы должны уезжать. Часов в 12 вернулись обе двойки. Они пытались выйти на маршруты, но из-за непогоды не стали рисковать. Виктор Байбара на леднике провалился в трещину. Лоу испугала лавина, пронесшаяся по кулуару, где они с Дайнюсом собирались подниматься.

Собрали по трёшке на прощальный вечер, накупили вина, водки, банок с едой и после ужина соорудили стол в наших апартаментах. Из американцев в питье не отставали Генри и молодой Майкл, мешали водку и вино и скоро окосели. Тосты: «Мир, дружба, альпинизм!» Вацлав хорошо пел. Хором исполнили «Баксанскую» — эту песню полюбили все американцы, а Генри очень нравится «Аэлита» и он выучил куплет:

«Аэлита страдает,

молит сына земли вернуться.

Горы горе её понимают

и помочь ей в разлуке берутся»

Отлично выступила Зоя Ивановна Кириллова. Когда она поёт, её лицо пышет таким вдохновением, что ей можно скинуть лет 20.

«Сколько ей?» — спросил Генри.

«45. А что?»

«Русские женщины непостижимы и неповторимы».

«У нас, бывает, и в 80 поют так, что заслушаешься».

«Я хочу их слушать. Куда надо идти? Пошли немедленно».

«Сегодня не успеть, а вообще приезжай еще в Союз и сможешь услышать».

Лях с женой вручили американцам прощальные сувениры: по 3 титановых крюка, эмблему КСП. До двух ночи пили чай с вареньем из зелёных абрикосов. Майкл пытался по-русски втолковывать, как ему хорошо и как он любит всех, особенно Серёгу Бершова. Крис попивал умеренно, больше наблюдал.

Фрунзе

02.08.76.

Следующий этап поездки — Кавказ. «ЛАЗ — турист» за 40 минут довёз всех до Фрунзе. Американцы в 14:30 — улетели в Минеральные воды; мы сутки будем жить в гостинице, летим завтра. Какая-то неувязка с финансами — приходится платить из личных средств и за номер, и за питание. Походили по городу: азиатского здесь меньше, чем в Ташкенте, Оше, не говоря уже о Самарканде или Бухаре. В магазинах есть книги, которые можно покупать: купил Мопассана, Горького, Бабеля, Салтыкова—Щедрина, Гамзатова.

Загул теперь у Вацлава. Пришёл в 2 ночи, хмельной, и начал звонить в Ленинград жене, клясться в любви и отсутствии интереса ко всем остальным женщинам. Пришлось нечаянно подслушивать его в течение часа, и никак я не мог понять, где он врёт, а где правду говорит (не моё это дело, но Ружевский мне просто интересен).

03.08.76.

Разозлил ребят тем, что чуть-чуть не опоздал в аэропорт: у меня были жетоны на весь наш багаж, я загулял по городу, денег на такси не было, а автобуса не было больше часа. Но успели вовремя и получить, и взвесить, и погрузить все наши рюкзаки, баулы и сумы. С посадкой в Баку добрались до Минвод к 21-му часу по фрунзенскому времени, или в 18 по московскому. Автобус, ПАЗ, уже ждал. В лагерь «Домбай» добрались в 23:30- по местному. Темень, тишина, не видно ни домбайских людей, ни американцев. Сгрузили багаж и перетаскали к брезентовым стационарным палаткам. Три палатки свободны; в них по четыре железных кровати с рваными матрасами. В одной из соседних палаток обнаружил пустой спальный мешок спящего рядом хозяина, и в 4 (по фрунзенскому) заснул в этом мешке, как убитый.

Часть 4. Кавказ. Домбай, Узункол

Домбай

04.08.76.

Устраиваемся. Пришли из гостиницы, где их поселили в номерах «люкс», Алекс и Майкл. У Варбуртона — большой порез на правой руке. Выяснилось, что прошедшей ночью он пошёл встречать нас с бутылкой шампанского (а до того они выпили 17 штук), по дороге упал, бутылку разбил и поранил руку. Всем нам этот жест доброй воли очень понравился; Майклу жали руку и уверяли, что любой из нас так же пошёл бы встречать друзей в любое время дня и ночи. Он слегка поморщился, но не от боли, а от созерцания наших ржавых кроватей с мокрым прогнившим бельём в дырявых палатках и заметил, что в отеле обстановка несколько другая.

Лагерь должен обеспечить нас недостающим снаряжением (по письму спорткомитета

СССР), но на складе предлагают дерьмо — хуже некуда: старые дырявые палатки — серебрянки, перебитые верёвки, засаленные пуховки без пуха, протёртые ветхие рюкзаки. У участников лагеря, получивших снаряжение неделей раньше, внешность в казённом обмундировании просто подозрительная (девушки зашили дыры, а большинство ребят похожи на побирушек).

Питание в столовой: при самой оптимистической оценке стоимость суточного рациона не больше 80 коп. (По норме положено кормить на 2 рубля), порции крошечные, остальное явно разворовывается. На лужайке в центре лагеря разложен костёр, где начальник Хаджи Магометов принимает на шашлыке личных гостей, карачаевцев. Демонстративно, что ли? В последний раз я был в лагере «Домбай» 7 лет назад. Хаджика поставили здесь за главного лет 5 назад, и за это время он успел превратить лагерь в разваливающиеся сараи. Поговорил со знакомыми инструкторами: стараются ни одного дня не жить в лагере, чтобы кормиться продуктами, набранными на складе. Кое-кто собирается писать — жаловаться, но у Хаджика — сильная рука среди местных властей (национальный кадр!).

Днём долго обсуждаем, кто куда пойдёт. Мы с Виталием Медведевым собрались на Малый Домбай по 2Б — предложил Шатаев. Четыре группы осадил Белалакаю (кавказский Маттергорн — так называют эту гору австрийцы и немцы). Бертулис, Лоу и двое наших двойками попробуют пройти новые маршруты.

05.08.76.

Разошлись под маршруты. Из-за финансовых дел Виталия (переводчика экспедиции) мы вышли только в 14:30. До этого вернулась, не сделав восхождения, группа Липень, Барбер, Филиппова, Байбара. Они не смогли перейти реку, чтобы подойти к пику Инэ (красивой игле недалеко, 2А к. т.). Пошли для обхода к Птышскому леднику и только к 9-ти добрались до склонов Инэ. Здесь Генри сказал, что уже поздно начинать восхождение, пора домой.

День изумительный, сияет солнце, тают ледники. Шум воды отовсюду успокаивает психику. Прокатились с Медведевым на подъёмнике до Русской поляны, а оттуда пешком — до Птышских ночёвок. Там уже отдыхали две наших двойки: Павличенко — Онищенко и Бершов — Мартинсон. Они собрались на Птыш по 3Б. Рядом расположились отделения разрядников из лагеря «Алибек». Два отделения собираются туда же, куда и мы, на Малый Домбай, и это хорошо, поскольку выход на маршрут не совсем ясен, несмотря на вчерашнюю консультацию (много мелких ледничков).

06.08.76.

Наша четвёрка и разрядники вышли в 3, мы с Виталием в 4. Часа через полтора, на мокрых от росы альпийских лугах обогнали разрядников. Иду в своих двойных вибрамах, но привык и тяжесть не ощущается. На первом ледничке наткнулись на группу туров: самец, две самки и двое малышей. Рогач убежал метров за 50, малыши медленно пошли за ним, а турихи остановились недалеко от нас. Мы достали хлеба, печенья, огурцов и протянули им. Жадно раздувая ноздри, обе самки подошли почти вплотную, но всё-таки из рук взять хлеб не решались. А с камня, в трёх метрах от нас, подобрали всё, что мы туда положили.

Куда идти дальше непонятно. Предположили, что перевал, видимый на фоне неба — это и

есть седло Фишера, откуда начинается маршрут. Но, когда вылезли на «перевал», оказалось, что это просто перегиб склона. Пришлось пересечь ещё один ледничок, пока вылезли на гребень. Был бы туман — явно заблудились бы, но погода, к счастью, прекрасная, дышится легко, лёгкая высотная эйфория.

Жандарм «петух» обходили слева, следуя консультации. Меня испугали плиты, скользкие, сырые, неприятные для моего вибрама. Пока смотрели и рассуждали, позади показались разрядники, и обсуждения кончились. Пролез очень аккуратно, забив 3 крюка на 40 метров. Пропустили по нашим перилам две связки отделения. Дальше — всё просто, и на вершине были в 8:30. Мне показалось, что спускаться будет удобно по осыпному кулуару со снежными полями ниже, но этот путь оказался явно не оптимальным. Стандартный путь спуска проходил левее, но из кулуара туда уже не выбраться. Зато набрели на лёжку туров: они поднялись из маленькой ниши под скалой, метрах в 5-ти от нас. Красавец — козёл с метровыми рогами презрительно фыркнул, поднялся лениво и, не торопясь, положил кучку помёта. Упитан, силён; под гладкой шерстью играют на солнце мышцы. Казалось, он размышлял, сбросить этих незваных гостей из своих владений или не стоит связываться. Жёлтые (золотые) глаза внимательно изучали нас. Наконец, он решил за лучшее уйти за перегиб склона.

К ночёвкам пришли в 12. С Птыша наши вернулись в 10, затратив на подъём по троечному гребню всего 2 часа (раза в 3–4 быстрее, чем ходят обычные группы), не забив ни одного крюка.

В 17 мы вернулись с Виталием в лагерь. Двойка Барбер — Коньков вернулась из-под зуба Софруджу. Снова Генри не захотел выходить на маршрут, показавшийся ему слишком сложным для одного дня. Он явно стал рекордсменом по возвратам. К ночи появилась двойка Ружевский — Лоу. Они прошли новый маршрут на Белалакаю, ориентировочно 4Б к. т. Вацлав страшно доволен собой, т. к. много шёл первым.

Вечером с Эдиком Липенем отъелись в шашлычной (лагерного рациона может быть хватило бы для половины дистрофика), с удовольствием попили пивка, 4 бутылки, настоящий курортный кайф.

Узункол

07.08.76.

День переезда в «Узункол». Подняла Наталья в 6 часов, поверившая, что в 7 будет автобус. Я с грузом должен сопровождать грузовик; компанию составил Бершов, только отъехали на шоссе — сломался мотор, и шофёр 2 часа что-то чинил. Двинулись после ремонта — обогнал КРАЗ и швырнул камень в лобовое стекло, разлетевшееся вдребезги. К счастью осколки не задел ни лица шофёра, ни моего. Ещё задержка из-за заправки; с бензином здесь туго. Только к 17-ти приехали в «Узункол». Здесь хозяин Павел Павлович Захаров, старый прохиндей, знакомый и бабник, мастер спорта (хотя ходить по горам, мне кажется, никогда не умел), но отличный методист и хозяйственник. У него всё готово: садись за стол с хорошей едой; в клубе стоят кровати с чистым бельём. Американцы будут жить в домиках, мы — в клубе. «Узункол» — детище Захарова, контрастирует с запущенным «Домбаем». У него стабильный контингент инструкторов, хозяйственных рабочих. С Пашей несколько лет

назад у меня был конфликт на ростовских сборах, организованных на базе «Узункола». У него характер злопамятный, но здороваётся он очень любезно.

08.08.76.

Нас представляют лагерю на утренней линейке: сначала поименно называют американцев, потом нас. Паша Захаров сделал вид, что забыл мою фамилию, тёр лоб, пока Шатаев не напомнил ему. Потом консультации по маршрутам. Метод–кабинет просто отличный. Описания маршрутов составлены на маленьких книжечках; отпечатаны и рисунки, и кроки, и текст. Не зря в управлении лагерей ВЦСПС постоянно ставят в пример постановку учебного процесса в «Узунколе»

В 18:10 выходим группой: Коньков (руководитель), Липень, Байбара и я на западную стену Далара 5Б к т. Днём поменял ботинки у старого знакомого по «Джайлыку» Виктора Кирова, на одинарный чешский вибрам, и на ногах будто выросли крылышки, как у Меркурия. Легко выдерживаю высокий темп, заданный Коньковым. Копров, из Обнинска, перешёл в «Спартак» и уже несколько лет работает в «Узунколе»; хвалит здешний порядок, уговаривает работать здесь. Но для меня «Джайлык» был и до конца будет лучшим лагерем Союза. Ему — не изменю.

На подходах шли вместе с группой Шатаева. Они вырвались вперёд, но запоролось в болото на лугах широкого ущелья Мырды. Я хорошо знал здешние подходы. Мы спокойно догнали их, и потом они шли за нами. Первая проба ботинок на скалах: неплохо держат и проскальзывают на мокрых скалах меньше, чем мои прежние.

09.08.76.

Ночью полоскал дождь. В 4, 5, 6, — одно и то же. Позже закончился, но выходить на маршрут нет смысла, Далар закрыт плотными облаками — сразу заблудимся. В 9 сходили с Липенем под начало маршрута, подождали, не развеются ли клубы тумана, но насчёт улучшения погоды — глухо. Вернулись на ночёвки. Моросит дождь почти весь день. Эдик развлекает рассказами из своей медицинской практики. Чего только он не видел: и женщину с тремя парами грудей, и гермафродитов, и ... (лучше не писать здесь). Угощался жареной бычьей спермой в бытность заведующим сельским участком, потом дома в Минске угостил этим же блюдом своих приятельниц. Узнав, что они кушали, дамы чуть не прикончили его. И так далее рассказ за рассказом. Миша Коньков увлёкся рассказами о восхождениях и победами над восходительницами.

10.08.76.

Ночью дождь, гроза, дождь. Лежали до 8-ми и начали собираться уходить вниз: ждать не имеет смысла, кончаются продукты. В 8:30 - в палатку заглянул Володя Шатаев. Они вчера попытались выйти на Двойняшку по 5А. Но вернулись из-за непогоды. Сказал, что все остальные группы также возвращаются в лагерь, не выйдя на маршруты.

К обеду вернулись в лагерь. К вечеру облака разошлись, чуть–чуть подсушились, ночью показались звёзды. Шатаев сообщил, что завтра он в двойке с Байбарой пойдёт на Далар с

запада (по нашему предполагаемому маршруту). Виктору для выполнения норм К. М. С. нужны ещё две 5Б. Сборы кончаются 16-ого, и Володя хочет выполнить своё обещание, данное Байбаре. Этой же ночью они ушли наверх по тропе, которой утром спустились. Оба в отличной форме.

11.08.76.

Погода отличная. Но опять начались переговоры кто с кем и куда идёт. В лагере пересменка, столовая не работает, и мы варим мясо, выписанное со склада. Вацлав мается от безделья и начал хохмить. Завернул группу проходящих туристов по причине вымышленной эпидемии ящура. Сказал, что прививки им будут сделаны ниже, а пока надо пройти обработку. Развёл большую кастрюлю творога, заставил попить, потом вылил на землю и обязал долго топтаться на белом пятне.

Когда мясо сготовилось, он тем же приказным тоном велел трём девушкам из Прибалтики (новым участникам смены) обгрызать мясо с костей. Те с увлечением принялись заниматься таким приятным делом, и вся наша компания тоже.

К обеду определились все группы: Липень, Филиппова, Мартинсон и Барбер идут на Доломиты по 4Б. Эдик руками и ногами отпихивался от Натальи, но Коньков (зам. Шатаева) заявил: работа есть работа. Тебе сохраняют зарплату и кормят за то, чтобы ты пошёл на ту вершину, какую тебе покажут, и повёл того, кого укажут. Эдик увял. Вторая четвёрка: Коньков, Павличенко, Медведев и я идём на северо-восточную стену Далара, по хорошей 5Б. Выходим завтра с утра. Две двойки: Лоу — Онищенко и Макаускас — Джонс идут на Далар по Степановскому маршруту и выходят сразу после обеда. Бершов — Бертулис выходят на Степановский завтра.

В 16:30 проводили вверх до моста Лоу и Джонса. Вацлав окончательно решил завтра уезжать в Ленинград (уже должен быть на работе). Поднесли с ним рюкзаки американцам, пожали руки и хотели расставаться. Но оба янки вытащили из рюкзаков по паре бутылок польского пива и мы вчетвером с удовольствием провели ещё полчаса.

Вечером Ружевский устроил прощальный ужин для всех оставшихся: троих американцев и семерых наших; ещё Шура Зарх (её муж погиб 6 лет назад), жена Кавуненко, молодая жена Захарова. Много пили. Я — только «Твиши», напомнившие студенческие вечеринки в погребке на Павелецкой. Много говорили хорошего в адрес Вацлава, вечно жизнерадостного и неутомимого. Бертулис сравнил его с лучом солнца, оживляющим всё, к чему прикасается. Сравнивали альпинизм в США и у нас. Свободы у них больше, но больше и смертей, и поэтому они считают необходимым настаивать на введении некоторых ограничений, принятых у нас. Система лагерей им импонирует; у них намереваются вводить платные двух и четырёхнедельные курсы, разумеется на частной основе. Анекдоты — у нас сыплют ими как из рога изобилия. У американцев подобного фольклора нет. И Майкл и Бертулис говорили, что подобные формы общения почему-то невозможны в Штатах. Варбуртон, студент, говорил об их студенческом быте; но такой атмосферой, как здесь, ему дышать ещё не приходилось, и он запомнит наше турне на всю жизнь. Думает, что понял русских, и постарается донести свои мысли до тех, с кем придётся общаться на родине.

12.08.76.

Ночью Вацлав уехал. Потом шумно собиралась четвёрка Липеня (они пошли под Доломиты на озёра в 3 ночи). Потом к 11-ти прибежала обратно Наташа Филиппова (одна из этой четвёрки), возмущенная и злая: вместо того, чтобы идти на гору, американцы начали развлекаться у озера (там, кстати, великолепные террасы с чистыми водоёмами, могут очаровать любого), разводить костёр, отдыхать, фотографироваться. Она не могла выдержать разочарования, очень хотелось сходить хотя бы на одну гору, и сбежала обратно.

Мы, не торопясь, за 2:30 подошли к ночёвкам у ледника Кичкинекол, куда обрывается северная стена Далара. Перекусили, поспали и в 16 я заставил сходить со мной Медведева на разведку прохода к началу маршрута. На леднике, разорванном к середине августа, была пара моментов, неприятных из-за отсутствия кошек, — проходили по верху ледовой стены между двумя трещинами и можно было метров 5 пролететь. Всё обошлось. Нашли проход через бергшруд. Вернулись к 19-ти и сэкономили на завтра часа полтора.

Четвёрка, вышедшая на маршрут Виктора Степанова (одного из моих учителей в «Джайлыке» в 62-ом), к вечеру была уже под вершиной. Двойка Бертулис — Бершов пришла на свои ночёвки в километре левее наших.

Единственное, что беспокоит, что нет чётких данных о двойке Гракович — Варбуртон, поднимающейся по сложному бастиону Далара, новому маршруту, который раньше никто не пытался покорить.

Вспомнил и отругал себя за то, что не послал телеграмму Славе; сыну исполнилось сегодня 11 лет. Из дома не было ни одного письма.

13.08.76.

Поднялись в 3:00 вышли в 4:00. Видим двойку Бершова, быстродвигающуюся в начале маршрута. Мы по изведанному вчера проходу быстро поднялись к скалам. Там начал лидировать Лев. Первые три верёвки просты, дальше сложнее, но он бьёт всего 1–2 крюка на 40 метров (я бы забил 3–4 штуки). Лезет он прекрасно, быстро и уверенно (связки Лёва — я и Коньков — Медведев). Для Виталия — это первая 5Б, и ему явно не по себе. У Лёвы — маленький рюкзачок, у остальных — побольше. Мне повезло, что я обменял свой абалаковский рюкзак на американский, Бертулиса, оставленный для меня Граковичем (у него свой самодельный авизентовый, ещё более лёгкий, чем американские).

Там, где по описанию надо вытягивать рюкзаки, всегда проходим за Львом, не снимая рюкзаков, не замедляя движения. И только в одном узком камине Павличенко снял свой мешочек, который легко вытянули. К 12-ти вышли к месту первой ночёвки (по описанию), а к 14-ти подошли к верхней части 100-метрового откола (там тоже можно сделать удобную площадку). Вскипятили чай (у нас только одна заправка Лёвиного «Фебуса»). Пока готовили чай и по бутерброду, я навесил 40 метров выше. Но после срыва на Короне до сих пор не могу обрести уверенности в лазании, сомневаюсь в ботинках. Проходил эту веревку вдвое медленнее Павличенко, с постоянным нервным напряжением.

Опять приходят мысли о необходимости заканчивать серьёзный альпинизм: надо заниматься по-настоящему работой, нянчить детей, ездить на курорты. До 69-го года я всегда лазил

первым. Потом начался наш дуэт с Мальцевым, и он, как более сильный скалолаз, захватил лидерство. Абалаковский камин на Уллу–тау, который Виталий Михайлович описывал как ужасающий, не произвёл на меня в 68-ом сильного впечатления, я пролез его в плохую погоду с большими резервами. После этого на Ушбе, на пике Корженевской проходил по 3–4 верёвки подряд со вкусом и не торопясь. Лёвин темп лидирования для меня сейчас не под силу.

После перекуса снова вперёд вышел Лев. В одном месте надо пересекать крутой кулуар, покрытый кислым снегом, и здесь Лев удивил меня. Он не достал из рюкзака ледоруба, и одного соскальзывания было бы достаточно, чтобы лететь далеко вниз. Сейчас мы разделены 40 метрами снега; находимся на высоте на одном уровне без всякой страховки, и он торопит меня, чтобы я поторопился идти к нему, также без ледоруба. Если под моей тяжестью соскользнёт снежная ступенька, мы оба окажемся далеко внизу. По моему настоянию он забил крюк, и тогда я быстро траверсирую снежный склон, переходя к нему на противоположный край кулуара. Следующие 40 метров крутых скал он лезет без единого крюка или закладки. Я чертыхаюсь, проходя те же участки (хотя я не использую нашей верёвки для опоры, но всё же промежуточные точки страховки здесь необходимы). Миша и Виталий всегда идут по нашим перилам. Выше — труднее. Лев забивает один, другой крюк и застрекает выше крюка метрах в трёх. Дважды пытается подняться метром выше, устаёт и предупреждает:

«Внимание, срываюсь».

Я наготове и успеваю во время падения настолько продёрнуть его верёвку, что он мягко останавливается чуть ниже верхнего забитого им крюка. Чист, ни одной царапины нет. Минут 10 он приходит в себя и обходит участок долгим траверсом.

Часом позднее, где–то в 17:30, мы стоим на основном гребне Далара. Вершина, сотнях в двух метров выше нас, скрыта туманом. Внизу видно долину, медленно ползут облака, заволакивая ущелье. Хорошо виден контрфорс на Малую Трапещию. Откуда мы отступили в мае 72-го с разрядниками Ростовских сборов из–за непогоды и обилия натёчного льда на скалах. И правильно сделали, как хорошо видно сейчас.

Коньков предлагает ставить здесь палатку, срубив снежный карниз, а мне обработать нависающий над нами жандарм, одно из ключевых мест. Всё правильно. Скалы гладкие, сырые, с ледком. Лев напомнил и вручил две метровые верёвочные лесенки — очень кстати. Пока лез, как будто бы пришёл в себя и работал уверенно, дрожь в коленках прошла окончательно. В один из неприятных моментов перехода с лесенки на лесенку заставил вздрогнуть шум внизу: это Лёва, укладывая камнями площадку, потерял равновесие и упал вниз. Он, конечно был застрахован и повис, пролетев пару метров и получив несколько царапин. За час прошёл ключевые 30 метров, а когда вернулся, палатка уже стояла. Тепло, уютно, хотя и неудобно, т. к. выпрямиться невозможно — ноги упираются в снежный отвес. Если повернуться на правый бок, то под коленями чувствуется дыра глубокая (больше километра до дна). Едим американский сублимированный суп: залили кружку кипятку в упаковку и через 10 минут имели вполне съедобную пищу. Кружка чаю дополняет удовольствие, тем более, что добавляем туда олимпийской смеси (витаминная каша из натуральных продуктов — глюкозы, клюквы, чёрной смородины и т. п.). Спал прекрасно, хотя постоянно приходилось следить подсознанием, чтобы не сползти в пресловутую дыру.

14.08.76.

6 часов сна прекрасно освежили. Лев, как обычно, моментально разжѐг примус. Быстрый завтрак, и Коньков пошѐл по перилам на жандарм. У Павличенко — понос; у меня — запор, и оба мы уселись на месте снятой палатки. У обоих всё кончилось прекрасно, он принял таблетку энтеросептола, а я доволен выполнением стандартной утренней программы: умыться, облегчиться и позавтракать. Умывание — это протирка физиономии спиртом.

Выше оставленных перил — простое лазание, но вскоре мы вошли в зону плотного тумана. Пока движение по гребню было без вариантов, но вот Миша упѐрся в очередной жандарм и, пока мы с Львом подходили, он заставил Медведева лезть на этот жандарм: утверждает, что так надо по описанию. Я засомневался, и не смотря на возражения Конькова, обошѐл жандарм по простым скалам, вышел прямо к дюльферной петле, ведущей в провал на гребне. Крикнул, чтобы все шли ко мне. Спустились быстро и через полчаса вышли на место, где гребень раздваивается; куда идти — неясно. Сунулись по одному гребню — упѐрлись в обрыв; пошли по второму траверсировать, оставляя вершинную башню слева. Быстро и хорошо лидирует Коньков. На голом натѐчном льду поскользнулся и полетел вниз. К счастью, клин, забитый им, выдержал его трехметровый полѐт. Ещѐ через час вылезли на вершинный гребень, каким-то образом обойдя всю вершинную башню. До этого весьма сложные 10 метров пролез Коньков, а Павличенко, не захотев пользоваться перилами, процарапался минут 15 и был вынужден всё-таки нагружать верѐвку. Я полез здесь на абалазах; один из них лопнул и улетел вместе с репшнуром.

На гребне к туману прибавился холодный ветер с дождѐм. Видимость — метров 30. Двинулись в сторону, обратную нашему траверсированию почти бегом и через 40 минут были на вершине. Не нашли ни петель для дюльфера по 3Б, ни подходящего места для спуска лазанием. Вспомнил рассказ Валеры Мальцева, как они в такую же непогоду долго искали пути возвращения: «Надо вернуться живыми». Он не вернулся живым с Корженевы, а сейчас на вершине Далара стоит живой рядом.

Искали в тумане дороги 3 часа, и неизвестно, чем кончились бы наши поиски, если бы внезапно не послышался голос Шатаева. Объятия. Они, выйдя сегодня в 3 ночи из лагеря, поднялись по маршруту Степанова. Поздравляем Байбару с выполнением норм кандидата в мастера спорта. Шатаев уверенно повѐл нас к дюльферным петлям, которые невозможно было увидеть с расстояния, большего 2–3 метра, настолько они закрыты скалами со всех сторон. Никто из нас не понимает, как в случае спуска здесь, мы не пересечѐм наш траверс при обходе башни. Я, кажется, сконфужен этим больше всех — ведь всегда прекрасно ориентировался, даже при ограниченной видимости.

К 19-ти все спустились на 2 сороковки на полки и по ним бегом бросились за Шатаевым, который стремился до темноты спуститься с горы. Полки закончились скальным десятиметровым уступом, а после него — снежный кулуар метров 300 длиной. Скорость спуска по снегу велика (хотя были ступеньки, оставленные предыдущими группами), Медведев не выдержал темпа (он шѐл метрах в 20-ти за мной), поскользнулся и понѐсся без крика и попыток самозадержания вниз, к скальному отвесу. Коньков мгновенно среагировал, вонзив ледоруб в снег и навалившись на него грудью, задержал Виталия в двух метрах от обрыва, дав ему проскользнуть метров 15. После этого они резко замедлили темп, а две двойки, Шатаева и наша, лихо сглизсировали метров 150. Убедился, насколько приятно работать на снегу в хороших одинарных ботинках нормальной конструкции (а не в нашем дерьме): полная управляемость на любой скорости. В полной темноте вышли с ледника на

перевал. Шатаев с Байбарой с фонариками побежали дальше, а мы с Лёвой начали ставить палатку, поджидая нашу вторую двойку. Моросит дождь, ветер. Подъели остатки продуктов, нагрели воды на остатках бензина. Одной заправки хватило на 9 кастрюль чая для четверых.

Коньков — Павличенко использовали свой двойной французский мешок — одеяло и с комфортом спали в середине. Мы с Виталием — валетов по бокам палатки.

15.08.76.

Всю ночь полоскал дождь с ветром. Палатку залило, ноги мои промокли, и в 4:30, как только рассвело, поднял всех. Без завтрака в 5:15 вышли и в 7:45 были в лагере. Пошёл за коньяком, который проспорил во время блужданий на вершине Далара — у Паши Захарова на складе всё есть.

Шатаев с Байбарой пришли в лагерь в час ночи. Ипоставили рекорд, который наверняка очень долго никто не побьёт: прошли сильный маршрут Степанова из лагеря в лагерь за 24 часа. Обычно хорошие спортивные группы дважды ночуют на маршруте. Первым всё время шёл Виктор.

Коньяк распили в лесочке, поговорили. Беспокоит отсутствие новостей от Граковича — Варбуртона. Их контрольный срок истёк сегодня в 14:00. Организуются поисковые работы. В 16:00 на перевал Далар вышла двойка Бершов — Онищенко; в 16:30 с радиостанциями двинулись Коньков — Павличенко в Кичкинекольское ущелье, я — в Мырды и выше. В 17:10 у болот Мырды встретил на тропе бегущую двойку из ялтинских сборов, базирующихся в «Узунколе», и они сообщили, что Варбуртон сорвался в районе вершины Далара и сейчас лежит там же без сознания; деталей они не знают. Сказал об этом в лагерь и получил от Шатаева указание немедленно возвращаться.

В лагере готов к выходу передовой спасательный отряд: сборы проведены организованно и быстро. Получили информацию от ялтинцев, находящихся сейчас рядом с пострадавшим: Майкл шёл первым по легкому гребню Далара (бастион уже пройден), пренебрёг страховкой на одном из жандармов, упал и летел около 30-ти метров. Сейчас он лежит в палатке, на короткое время приходит в себя и снова теряет сознание, тошнота. Его поят чаем. Подозрения на переломы бедра и основания черепа.

После ухода головной спасательной шестёрки, вверх по 2–4 человека двинулись остальные; несут с собой тросовое хозяйство, акью, рации, питание. Долгие переговоры с американцами о их и нашем участии в спасательных работах. Им необходимо уезжать в Домбай за вещами для доставки в аэропорт (билеты взяты на 12:1417-го августа). Решено, что трое американцев вместе с Медведевым и Коньковым уедут, а завтра в 5:00 на спасательные работы выйдут четверо наших: Макаускас, Павличенко, Байбара и я. Наташа Филиппова, наш врач, уже ушла с лагерным спасотрядом. Липеня нет — второй день путешествует по приэльбрусью (отпросился). Спать удалось лечь к часу ночи: паковали вещи для отправки в аэропорт.

Виктор Копров категорически забрал свои ботинки. Говорит, что в моих двойных не только лазить, но и ходить пешком невозможно, а он уходит на восхождение.

Небольшая дискуссия у нашей четвёрки — брать ли с собой ледорубы? Я — за, остальные трое — против. Убеждают, что наверняка встретим спасательный отряд завтра в районе

перевала Далар, а ниже снега практически нет. Я долго спорил, исходя из своего опыта: идёшь на спасработы на сутки — запасайся на три дня, но не убедил и из солидарности (по своей глупости) тоже решил не брать самого необходимого альпинистского инструмента.

16.08.76.

Разбудили нас в 4:30. Перекусили яйцами и соком и понеслись. Дайнюс и Виктор взвинтили темп до невозможного при моей обуви (я прикинул их и мои ботинки на вес: мои вдвое тяжелее). На перевал поднялся часом позже их и в получасе от Льва. Уже на перевале пожалел, что не взял ледоруб: впереди снег, лёд, есть, куда падать. Никого из спасателей пока не видно.

Спасательную группу с акьей встретил только в верхней части того кулуара, где вчера срывался Медведев (или позавчера? Темп действий позволяет путаться. Чтобы писать дневник приходится отрывать часы ото сна и голова не очень свежая). Акью спускают на тресе человек 8, то оттягивая её скалам, то позволяя спускаться до камней нижнего борта наклонного кулуара. Сразу включился в работу; здесь же и тройка наших. Гракович медленно идёт в стороне. После нескольких верёвок по 80 метров довели акью до снежно-ледового склона, где вчера мы так лихо глиссировали. Народа здесь набралось много, и я решил отойти в сторону и сглиссировать пониже, забыв, что я в другой обуви и без ледоруба.

Поехал и сразу понял, что сделал страшную глупость: не могу управлять и контролировать скорость, которая через 40 метров возросла до 60 км/час. Скалы внизу приближаются с пугающей быстротой. Прилагаю все усилия, чтобы затормозить, но бесполезно: при рантовании подмётки срываются и пухлые «щёки» скользят лучше, чем поршень по смазке. Невероятными усилиями изменил немного направление движения и оставил первый пояс скал несколькими дециметрами левее. Второй пояс перегораживает снег полностью, и за ним следует стометровый обрыв. Несколько раз пятками, вбиваемыми в снег, с риском сломать ноги, притормаживаю движение. Но каждый раз из-за этого теряю равновесие и приходится делать удар реже, чем хотелось бы. Успел ещё раз обmaterить себя за то, что не взял ледоруб. Метров за 10 до второго скального пояса удалось остановиться.

Отдышался, пришёл в себя и посмотрел вверх: сотни три метров склона сбросил за 20 секунд. Идиот! Если убеждён в чём-то, то делай это! (это я насчёт ледоруба).

Подождал, пока акью спустят на мой уровень, и снова включился в работу. тяжело дался подъём на перевал: тянула наша четвёрка и четверо из «Узункола». Ниже перевала ждал третий отряд спасателей для транспортировки по тропе — почти все разрядники и значкисты лагеря, человек 40. Среди них неторопливо прохаживались и двое американцев. Майкл несколько раз приходил в себя, пока мы несли его к перевалу; съел апельсин,пил несколько ложек чаю, но с натугой кричал «No», когда пытались поить его больше. Вид — тяжёлый: бледно-синее лицо, чёрные зубы (то ли от крови, то ли от скальной пыли; долгие стоны). Оба врача, узункольский и Наташа, боятся перелома позвоночника. Но ноги шевелятся, так что с позвоночником, по-моему, всё в порядке.

В 16 ушел вперёд (пришёл тащить весь лагерь); в 18 был в лагере. Горячий душ и бритьё немного освежили. В 19 Шатаев сказал, что я буду сопровождать Майкла в Карачаевск в больницу, чтобы переводить его ответы врачам. Основная задача — обеспечить его транспортировку утром к самолёту в Москву. Паша Захаров уже провернул большую работу:

вызвал из Нальчика вертолёт (но из-за непогоды он не может прилететь), в Карачаевске через начальника КГБ Фёдорова поднял на ноги всех врачей, и они ждут в любое время.

В 20:30 принесли Майкла. Я зашёл к американцам:

«Не может ли кто-либо из вас ехать с Майклом? Ему будет легче, если рядом будет соотечественник».

«Да знаешь, Миша, нужно ли это? Ведь ты едешь. А нам надо собираться».

«Вы — друзья ему?»

«Да, конечно, но мы не видим никакой целесообразности сопровождать его. Это — совсем лишнее».

«Ну, что же, как знаете, до свидания».

Бертулис и Барбер — рационалисты. Прагматизм, типичнейшая черта американцев, у них явно превалирует над душевными качествами.

Чтобы осмотреть Майкла, разрезал ножом верёвки, спальник, пояс, брюки. Переложили его в носилки скорой помощи (санитарный УАЗ приехал в 19:00). У него проблема: мочевой пузырь переполнен, а мочеточник и выводной канал зажаты мышечными спазмами, мочиться не может и мучается этим сильнее, чем всем остальным. Катетера у врача скорой нет; хирург из участников предложил даже сделать прокол мочевого пузыря, но Дайнюс, по специальности фармацевт, имеющий общие понятия о последствиях прокола, отшил его. Сделали инъекцию расслабляющего, и Майкл налил грамм 100. Пьяный Паша Захаров долго переливал воду из кружки в кружку, чтобы бульканьем стимулировать мочеиспускание, но без толку. Ехать со мной согласилась Филиппова и в 22:30 мы покинули «Узункол».

Двигались медленно, т. к. при толчках Майкл мучительно стонет. Через каждые полчаса, когда он приходил в себя, делали попытки заставить его помочиться. Он выдавливал несколько капель и снова забывался. Время от времени спрашивает: куда мы едем; что со мной; скоро ли приедем; что с ним будут делать в больнице; почему нет никого из американцев. Стонет и стонет. Иногда по-русски протяжно спрашивает:

«Паачему?»

Объясняю, что это нервные спазмы; приедем и всё будет в порядке. Врач скорой несколько раз предлагает заночевать в его родном посёлке Хурзуке, но я, конечно, все его указания шофёру свернуть к его дому пресекаю.

В Карачаевск прибыли в 2 ночи. Через полчаса прибыли главврач и рентгенолог. Коротко побеседовали, положили, раздев, на стол и до 5-ти снимали в разных положениях; повторяли и повторяли снимки. Перед рентгеном ввели катетер, и вылилось больше литра мочи. Когда бедному Майклу стали делать обезболивающие уколы, он вообразил, что попал в руки мучителей, сопротивлялся, пытался даже кусаться. Дважды укусил меня, но не сильно, за руки. Пришлось потратить минут 10 и объяснить ему, что и зачем делается. Кажется понял и перестал брыкаться. Его поведение убедило меня, что ничего страшного с ним не произошло. Перестал ворочаться под рентгеновским аппаратом. Когда по результатам

снимков я сообщил ему, что переломов нет, на лице его отразилось удовлетворение, но в глазах заметен страх: как бы эти злодеи не ввели ему шприцом что-нибудь «этакое».

Рассматривая Варбуртона, я не мог не поразиться влиянию альпинизма на его тело: мощные мозолистые ступни с колоссальным подъёмом (при скалолазании основная нагрузка приходится на ступни), сильно развитые пальцы с мозолями, мускулистые лодыжки и широкие запястья. При таком весе ему нужна мощь в конечностях.

К пяти прибыл невропатолог и нейрофизиолог; проверили нервные узлы, реакцию, и все пришли к единодушному мнению: ничего серьёзного, вполне транспортабелен до Москвы. Видимые травмы: только большая ссадина на левом бедре. Как только Майкла оставили в покое, он крепко заснул, а я пошёл встречать машины из Домбая и Узункола.

Домбайцы прибыли в 7:15 без Конькова. У американцев весьма помятые физиономии: Крейг сообщил, что отмечали день рождения Джорджа. Они поинтересовались здоровьем Майкла; порадовалась, что всё обошлось.

17.08.76.

Сходили в больницу, но в силу вступили дневные правила, и в палату нас не пустили. В 8:00 появился Шатаев, чуть позже Коньков, не проспавшийся. Выяснилось, что он потерял где-то или забыл портфель с документами и билетами, и сейчас возвращается в Домбай на поиски. В 9:00 перегрузились в автобус и двинулись в аэропорт. Майкл — в санитарной машине с Липенем.

В Минводах выяснилось, что наш рейс откладывается до 18:00, и это помогло Конькову избежать неприятностей. Майкла положили на диван в помещении интуриста. Мочиться он не может, и Филиппова делает ему инъекции.

«Миша, зачем его сейчас колют?» — интересуется Лоу.

«У него трудности с мочеиспусканием, а инъекции снижают спазмы».

«А, тогда всё в порядке».

Американцы неожиданно сделали каждому из нас подарки: Виктор Байбара получил маленький рюкзак; я — каску, карабины и налобный фонарь. Не желая остаться в долгу, тут же подарил каждому по титановому карабину. Когда обменивались адресами, я помнил напутствие у себя в институте и отошёл в сторону. Кажется, американцы поняли, что я не хотел оставлять им своего адреса, и не обращались с вопросами. Связь будет через спорткомитет. (Крис Джонс переслал через год свою прекрасно изданную книгу «Альпинизм в Северной Америке» об истории и современном состоянии этого вида спорта в штатах и Канаде, с лестной дарственной надписью).

Майкл улетел в 17 с Бертулисом и Липенем, как врачом (с помощью службы интуриста). Наш рейс отложили до 24-х. Пятеро американцев, Медведев и Шатаев улетели около 21. Генри на прощанье очень настоятельно просил всех нас в любое время придти к нему в «Метрополь» пожать руки. Перед их отлётом успели посидеть в ресторане и нормально поесть и выпить. Выпили хорошо и разговор шёл обо всём. Лёва рассказывал, как служил в

армии десантником и, по его мнению, альпинизм опаснее, чем это занятие. Спросил Генри, богатый ли он человек? Нет — ответ. Машина есть? Две штуки. Но богатым, ему кажется, может считаться человек, у которого не менее 250 тысяч годового дохода. Кто из них самый богатый? Алекс, наверное. Сами они, практически, ничего не спрашивали о нашем благосостоянии, больше интересовались большим Тянь—Шанем и центральным Памиром. Своих авторов, переводимых у нас, они не читали. Фильмов, которые были в прокате у нас — не смотрели (американских). Из русских писателей Алекс, Крис и Джордж читали Толстого и Достоевского, из советских — только Пастернака («Доктор Живаго») и Солженицына. Не интересовались, читали ли мы этих авторов. Вообще, казалось, наша жизнь не интересовала их в деталях. После их отлёта скинулись, чтобы оплатить ужин, и добавили ещё. Сами улетели в 0:30.

18.08.76.

В Москве в 3 ночи едва уехали на «калымной» машине: на такси очередь человек 500. Онищенко и Павличенко уехали спать домой к Славе, а Дайнюс, Байбара и я решили заглянуть к Генри. Шатаев был с Медведевым там, обсуждали финансы. Из американцев только Генри бодрствовал. Удивил его номер: прекрасный вид из окна на Кремль контрастировал с облезшей штукатуркой стен. Выпили на прощанье. Генри вручил каждому по журналу «North American Climber» со статьёй о наших альпинистах в США. Он долго пытался запихнуть в рюкзак свои вещи и среди них более килограмма брошюр, набранных им в отделениях интуриста Аэрофлота: труды Брежнева, Косыгина, классиков марксизма, статьи о современном капитализме, мире и войне.

«Ты будешь читать всё это?»

«Да. Изучать. Меня всё это интересует».

«Что тебе понравилось у нас?»

«Ваш дух коллективизма. Я не понял, естественен он у вас или приказной. Хорошо работает система альплагерей. Хороши горы».

«Что не понравилось?»

«Об этом лучше не буду говорить».

В 5:30 его посадили его в «Волгу», в Шереметьево. В 6:00 я простился с ребятами, в 10 был в Протвино, а в 11 пришёл на работу.

Дней через 10 заехал домой к Володе Шатаеву. Майкл 27-го улетел в Амстердам (там его должен ждать приятель). У него не оказалось ни переломов, ни серьёзных внутренних повреждений, ни смещений — только сотрясение мозга с последующими нервными расстройствами. Ходил ещё с плохой координацией, придерживаясь за стены, а потом и координация восстановилась. Сутки жил в «Метрополе». Международный отдел устроил так, что и за билет ему не пришлось платить.

Майкл потом много лет писал в спорткомитет о своей жизни и поздравления. В 82-ом он специально приехал в Непал, чтобы встретиться с нашими, знакомыми ему альпинистами.

«Улыбку Бершова я никогда не забуду», — писал он в одной из своих открыток.

В американских альпинистских журналах появилось несколько статей о турне 76-го года (были и красочные страницы в одном из номеров журнала «Америка»). В них написано, главным образом, о спортивных делах, немного о быте, без философии, с желанием продолжать поездки. И только в одном популярном журнале «Mariah» (Мэрайя — имя собственное) Крис Джонс написал более объёмную статью о своих впечатлениях. Наверное, есть смысл привести полностью здесь эту статью — интересно, насколько отличается описание и восприятие одних и тех же событий разными людьми, участниками событий. Крис, конечно, не мог быть объективным. Скептик по характеру, писатель по профессии, альпинист по увлечению, он был обижен случаем на рынке во Фрунзе, и чувствуется, что многие его умозаключения определены этим происшествием.

Володя Шатаев попросил меня перевести эту статью для спорткомитета. Я сделал это и одновременно передал ему своё письмо Джонсу, ответ на статью, где благодарил за присланную книгу, вспомнил совместные вечера и сутки на восхождении, передавал самые лучшие пожелания на будущее и высказывал свою точку зрения на отдельные утверждения статьи, с которыми был не согласен. Часть таких возражений я позволю себе вставить в текст статьи.

Опасение срыва

Текст и фото Криса Джонса. «Mariah " № 3, сентябрь 1977 г.

Сперва один голос, затем другой подхватили припев. Советские альпинисты очень любили эту песню, и берущая за сердце мелодия уносилась в прохладный ночной воздух. Хотя мы не понимали слов, мы чувствовали её печаль; на меня лично песня редко оказывала такое сильное воздействие. За спиной сидящих у костра был базовый лагерь, а за ним возвышались Алайские горы Советской Азии. Мы были в самом начале нашего мероприятия, но какой характер примут наши восхождения, никто не знал точно.

В мерцающем огне костра я различал лица своих американских коллег и тех советских альпинистов, которые должны были сопровождать нас во время поездки. Я задумался о том, каковы были наши общие надежды и ожидания. Как относился каждый из нас к экспериментам в альпинизме, трудным восхождениям, всей идее советско-американского сотрудничества? Совершать любое восхождение в этих горах было бы нелегко даже с испытанными друзьями, а ведь мы надеялись пройти серьёзные восхождения с людьми, зная всего лишь с десяток общих слов, техника нам в основном была незнакома, и чья мотивировка, мы могли только надеяться, была подобна нашей.

Песня смолкла. Миша Овчинников рассказал её содержание: в ней говорится о жестоких боях между немецкими и советскими альпинистами во время второй мировой войны. Их объединяла любовь к горам и разъединяла политическая идеология и борьба, чтобы выжить, поэтому в те дни альпинисты оказались в окопах по разные стороны.

(Речь идёт о «Баксанской»:

«Где снега тропинки замечают,

и лавины горные шумят,

эту песнь сложил и распевает

альпинистов боевой отряд».

Текст песни я перевёл Крису довольно точно, и откуда он взял написанную им интерпретацию содержания, можно только догадываться. Скорее всего он в лагере расспрашивал других ребят, говорящих по-английски, и те добавляли ему куплеты Высоцкого:

«А до войны вот этот склон

немецкий парень брал с тобою.

Он падал вниз, но был спасён.

А вот теперь быть может,

он свой автомат готовит к бою».

О. М.).

Бывшие друзья встретились в бою друг против друга. Я мысленно сопоставил это положение с нашим собственным. Наши две страны нацелили ракеты друг на друга, и всё же мы уже чувствовали, что нас связывает что-то общее с советскими альпинистами, сидящими у костра. Все мы без колебаний пришли бы на выручку друг другу. Но эти люди, сидящие у костра, — что они ожидали от нас?

В письменном приглашении, которое мы получили, говорилось, что мы посетим самые интересные горные районы. А когда мы прилетели и начали составлять планы, руководитель советских альпинистов Вл. Шатаев попросил нас принять во внимание тот факт, что его команда «в отличие от нас» была не в форме.

В действительности, половина американцев прибыла в СССР прямо с места своей работы, а позже нам стало известно, что большая часть советских альпинистов, которые нас сопровождали, провела в горах целую неделю. Поэтому с самого начала мы почувствовали, что необходимо установить своё реноме (так сказать, показать, что мы представляем). Я уверен, что советские парни испытывали то же самое.

В 1974 году 19 американских альпинистов посетили международный лагерь в СССР — «Памир». Это был первый официальный визит со стороны американцев. Он явился завершением переписки между Американским Альпклубом и Федерацией альпинизма СССР. Одним из результатов этой встречи между советскими и американскими альпинистами была ответная поездка 6 советских альпинистов в США в 1975 г.

Если в лагере «Памир», как почти всегда на таких мероприятиях, альпинисты разных стран совершали восхождение в составе только национальных команд, то в США уже часто совершались совместные восхождения. Из-за ограничений, связанных со свободой передвижения и обменом валюты, поездка в США явилась одним из первых выходов

советских альпинистов в страны запада.

С помощью такого обмена альпинистами можно избежать трудностей с обменом валюты, если принимающая сторона берёт на себя все расходы гостей с момента их прибытия. Это была одна из возможностей для выхода советского альпинизма на мировую арену. Наша поездка в СССР и явилась частью этой программы обмена визитами. В качестве первого восхождения, короткого и ознакомительного, архитектор Алекс Бертулис и я объединились с Шатаевым и Дайнюсом Макаукасасом. И хорошо, что мы так поступили. Хотя советские альпинисты являются хорошими скалолазами, мы увидели, что принятая ими система работы с верёвкой и страховкой, значительно отличается от нашей.

Как мы, так и они, придерживаемся, в принципе, одинаковой концепции, если двойка находится на сложном скальном рельефе, то движение попеременное, т. е. один движется, другой — страхует. Но на этом единство взглядов кончается, и начинаются различия.

В США страхующий пытается создать две или больше точки закрепления верёвки. Ими могут быть крючья, забиваемые в трещины, веревочные петли вокруг скальных выступов, или специальные клеммы, заклиниваемые в трещинах. Убедившись, что точки закрепления надёжны, альпинист пристёгивается к ним (т. е. становится на само страховку). Затем он выбирает лишнюю верёвку и, пропуская верёвку сзади (по талии—пояснице), завершает налаживание страховочной системы. При положении верёвки, проходящей по пояснице, он выдаёт или выбирает верёвку по необходимости. В случае срыва, его руки и поясница играют роль тормозного устройства, использующего трение.

Советские альпинисты, как правило, удовлетворяются одним крючком и редко к нему привязываются. Не будучи на само страховке, нецелесообразно страховать с использованием трения тела. Вместо этого, верёвка идёт прямо через точку закрепления (например, карабин). При использовании американской системы и, учитывая эластичность нейлоновой верёвки, страхующий часто принимает на себя (смягчает) основную нагрузку от падения, почти не нагружая точки страховки.

При советской системе на точку закрепления неминуемо приходится вся нагрузка от срыва.

(Элементарное рассмотрение сил, действующих на точки страховки, верёвку и страхующего, показывают, что нагрузка на точку страховки не изменяется в зависимости от того, как держит верёвку страхующий: в руках или дополнительно пропускает через поясницу. При одинаковых условиях срыва верхний крюк принимает на себя большую часть нагрузки. Если пропускать верёвку через поясницу, уменьшается лишь нагрузка на руки страхующего. Но в этом нет никакой необходимости, если организованы 3–4 промежуточные точки страховки через крючья или закладки с карабинами, из-за значительного трения верёвки в этих точках. Пропускать верёвку через поясницу целесообразно только на очень гладких скалах с малым количеством промежуточных точек страховки. При этом страхующий лишён мобильности, быстрой реакции на просьбу лидера подтянуть или выдать верёвку. Так что в этой части Джонс совершенно не прав. Что касается количества крючьев, забиваемых советскими альпинистами на 40 метров подъёма, Джонс делает неправомерное обобщение. Но некоторые наши асы действительно имели такой грех, во имя скорости жертвовали надёжностью. О. М.)

Но если увидеть всё это было просто, то что-нибудь изменить было очень сложно. Наши спутники были квалифицированными альпинистами, которые пользовались своими

методами в течение долгих лет. Вероятно, у них были сомнения в отношении нашей системы. Было бы очень нетактично и даже грубо обучать их нашему, предположительно «правильному» методу.

Как бы вы сами отнеслись к тому, что вы пригласили своего советского гостя покататься на машине, а он бы начал исправлять ваши методы вождения автомобиля? Мы надеемся, что может быть они примут нашу систему, посмотрев её в работе.

На всякий случай, на следующий день физик Джордж Лоу и я предложили совершить восхождение двумя связками: одна — советская, другая — американская. В качестве объекта мы наметили крутой ледовый маршрут на пик Мирали, высотой 5, 2 км. Советскую связку составили М. Овчинников и спортивный врач Слава Онищенко.

Это было серьёзное и очень трудное восхождение. Мой налобный фонарик осветил ледовый склон вниз. Овчинников находился в 10 метрах ниже места страховки. Рядом со мной Онищенко закрепил верёвку. Невероятно, но Овчинников лез по верёвке, перехватывая её руками (как по канату!) Это было не только физически трудно, но и очень опасно. До тех пор, пока он не мог надёжно встать и ослабить нагрузку на руки, каждый метр продвижения вверх давал слабину верёвки между ним страхующим. Когда Овчинников наконец добрался до нас, я пытался заставить его пристегнуться к нашей страховке, но он неожиданно поскользнулся и пролетел вниз метров 7 прежде, чем его верёвка остановила его падение.

Меня и Онищенко сильно дёрнуло, даже Лоу, который был впереди, почувствовал короткий рывок. Это было сумасшествием — крутизна ледового склона составляла 75° , а некоторые были на таком склоне впервые. К счастью склон начал выполаживаться, а Овчинников, казалось, был поразительно спокоен.

(Крис мог не заметить схватывающего узла, который я передвигал перед собой по основной верёвке, чтобы не было слабину в случае срыва, но относительно моего семиметрового полёта он допустил сознательное преувеличение для лучшего эффекта, нагнетания драматичности. Полёт мог бы быть гораздо более длинным, если бы не счастливая случайность: клюв ледового молотка зацепился за проталину между замороженным камнем и льдом, и полуметровая петля, привязанная к рукоятке молотка и закреплённая на пояс, прекратила падение. Причина срыва — оплошность Славы Онищенко. О. М.).

На самом крутом участке Лоу и я, по очереди шли первыми, но когда крутизна склона уменьшилась, мы разделились на две связки для быстроты передвижения.

(Здесь Джонс льстит себе: ключевые 3 верёвки, 120 м ледового склона средней крутизны 80° с двумя, нависающими участками там, где днём лились водопады, первым шёл Лоу, остальные три сотни метров движение связок было отдельным, там по очереди первыми шли все. О. М.).

Мы надеялись быстро проскочить верхнюю часть маршрута, но по мере приближения к вершине сказывалась недостаточная акклиматизация. Онищенко предложил опять двигаться одной связкой, и мы передали им свободную верёвку. Мы ожидали, что советская двойка выберет слабину, но вместо этого они начали двигаться одновременно. Слабина между нами и ими составляла метров 25. Если бы идущий первым сорвался, то он бы упал прямо на то место, где мы страховали. Мы махали руками и кричали, но бесполезно. Связка из четырёх человек двигалась к вершинному гребню, а слабина волочилась по льду. Когда я преодолел

карниз и выбрался к Лоу наверх, я был зол, как дьявол. Совершить столько восхождений и после этого так нелепо рисковать жизнью!

(В данном случае Крис имел право быть злым: Славе Онищенко хотелось (как и всем) выйти с надоевшего льда на перевал, и он не стал ждать, пока верёвка будет натянута; позднее на перевале мы обсудили эту ситуацию, и Слава согласился, что был не прав. О. М.).

О чём мы забывали в тот момент, были однако чувства, которые вероятно испытывала советская двойка, находясь на этом маршруте. Когда мы его предложили, они сказали, что на этот маршрут «смотрят уже много лет» и тут же добавили, что скалы рядом будут ещё лучшим маршрутом. Они, вероятно, имели в виду то, что до этого не ходили по такому крутому льду. Но может быть для того, чтобы не разочаровывать нас или в силу неизвестных нам соображений, они согласились совершить восхождение по предложенному нами маршруту.

(Я действительно предупредил Лоу, что по льду такой крутизны не ходил. Он ответил, что это не имеет значения, поскольку сам преодолевал замёрзшие водопады и будет идти первым. О. М.).

Если с альпинистской точки зрения восхождение временами было пугающим, то советская связка оказалась замечательными спутниками. Отрывочные фразы, которыми мы обменивались, носили по-настоящему шуточный характер, так например, когда Лоу наклеил пластырь, чтобы защитить глаза от солнца (он забыл очки), то Овчинников вызвал хохот своим шуточным замечанием: Ку–клукс–клан. Онищенко, один из самых известных в СССР альпинистов, который совершил, например, такое сложное восхождение, как Мраморное ребро Хан—Тенгри, очень обаятельный человек. Когда мы возвращались в лагерь после восхождения, а дорога была дальняя, он великодушно взял верёвку из моего набитого рюкзака и принёс её в лагерь, хотя у самого рюкзак тоже был набит.

Я испытывал двойственное чувство. С одной стороны, мне действительно хотелось совершать восхождения с этими советскими альпинистами и познакомиться поближе с теми, кто тоже любит горы. С другой стороны, это было опасение, что в критической ситуации будет невозможно объяснить и понять друг друга (без знания языка). Конечно, мы выучили с десятков ключевых альпинистских терминов и фраз, типа «закрепи верёвку» или «камень», этого будет явно недостаточно, если кто-то заболит, или резко ухудшится погода, или, если что-нибудь случится, когда необходимо более полное понимание.

Вернувшись в базовый лагерь мы увидели, что все альпинисты были в восторге от достигнутых успехов. Генри Барбер и чемпион СССР по скалолазанию, Сергей Бершов, очень быстро завершили серьёзное восхождение. Крейг Мартинсон и Майк Уорбертон хорошо проявили себя, совершая восхождение с намного более опытным Львом Павличенко и Вацлавом Ружевским; Бертудис в составе советской группы добился успеха на классическом маршруте пика Чапдара (5.4 км). После всех этих успехов мои опасения и озабоченность, могли показаться неуместными и несправедливыми. Тем более, что после восхождения с Бершовым, руководитель нашей группы, Барбер, считал, что всё это не является проблемами. Но меня это не убедило. Бершов совершил восхождение на Эль—Капитан, и он широко пользовался нашей техникой. Из всех советских альпинистов он, по технике альпинизма, был ближе всего к нам.

По счастливой случайности, наш отъезд из Алая совпал с днём рождения Бертудиса. На

праздновании этого события звучали тосты, длинные и идущие от всего сердца. Вместе с советскими альпинистами мы совершили 15 восхождений, включая 4 первопрохождения.

Всё шло хорошо, и мы с нетерпением ожидали встречи с горами Тянь—Шаня, которые по протяжённости соперничают с Гималаями и в которых почти не было западных альпинистов. Мы очень надеялись посетить там два района, но скоро стало ясно, что это нереально: нам оставалось только гадать, заключалась ли причина в отсутствии удобств и условий, как нам говорили, или виной была близость китайской границы.

Мы узнали, что почти вся альпдеятельность базируется на системе постоянно действующих альплагерей, число которых около 25 в разных горных районах. Обычно в лагере размещается 100–200 человек, большинство из них проходит курс обучения и тренировок в течение 20 дней. Участники размещаются в различных лагерях по-разному: от палаток до очень привлекательных домиков, от 2 до 6 человек на комнату или палатку. Обычно в лагере есть общая столовая, линейка, учебная часть (с картами) и комнаты для занятий. В одном лагере даже был бассейн, а в большинстве — сауны (советские альпинисты просто помешаны на банном ритуале). И хоть жизнь в альплагере прерывается сигналами гонга на принятие пищи и утренние построения, это очень приятное местопровождение. До того, как мы приехали в СССР, мы надеялись посетить очень отдалённые районы, но очень скоро убедились в непрактичности своих взглядов. А лагеря явились очень неплохой заменой. За нами стоит поисково-спасательная служба: в лагере всегда известно, кто и когда находится на любом маршруте, и все группы обязаны поддерживать с лагерем радиосвязь. Для восхождения за пределами действия лагерей требуется серьёзное планирование и значительное число вспомогателей. Для такой (различной по составу) группы, как наша, представляется нелогичным совершать восхождение в районах, где нет лагерей. Мы вернулись в Самарканд, чтобы оттуда лететь к Тянь—Шаню. Как и до поездки в горы (и на обратном пути) этот город произвёл на нас сильное впечатление. Мы почувствовали, что время здесь не властно (в азиатском образе жизни). В ближайшей чайхане старцы проводили время, разговаривая друг с другом, как и тысячу лет до этого. Здесь, в Азии, по крайней мере, казалось что люди «поглотили» коммунизм, а не наоборот. Для Лоу, например, советская Азия является разительным контрастом по отношению к Пакистану, где он побывал до этого. Хотя эта часть СССР находилась всего в 400 км и климатические условия почти совпадали, различия были очень значительными. Здесь не было нищих. Мы ели овощи и фрукты, не опасаясь желудочных заболеваний и не принимая необходимых в таких случаях лекарств. Мы видели, что значительные успехи были достигнуты в области сельского хозяйства, гигиены и электрификации сельской местности.

(Как Джонс удивился бы, узнав, что многие из тех старцев, которых он видел в чайханах, — коммунисты, участники войны. А ещё 50 лет назад картина, написанная Лоу относительно Пакистана, соответствовала нашей Средней Азии. Изменения принесла именно Советская власть, социализм. О. М.).

В районе Тянь—Шаня, который мы посетили, было две выдающиеся вершины, и каждый связывал с ними свои надежды: пик Свободная Корея (4.85 км) и Корона (4.9 км). Бертулис и я надеялись пройти знаменитый маршрут Мышляева. Мы объединились с Львом Павличенко и Макаукасасом, который, как и Бертулис, литовского происхождения. Пользуясь тем, что они могли объясняться на своём родном языке, нам стало известно, что альпинисты в СССР, также как и в США, прибегают к самым различным приёмам чтобы получить побольше отпуск для восхождений. Макаукасас, например, предпочёл карьере фармацевта более тяжёлую работу, которая позволяет ему получить 6-ти недельный отпуск.

Любому восхождению предшествует ритуал со снаряжением: раскладывание его, отбор того, что ты считаешь необходимым и, наконец, необходимость примириться с реальностью — взять то, что можно фактически нести. До того, как отправиться на восхождение наши советские друзья и мы разложили снаряжение не только в комнате, где не хватило места, но и в прихожей, и начали ходить туда–сюда, сначала выбирая одни предметы, затем возвращая их на место. Подобно нескольким другим советским альпинистам у Макаукаса почти не было ничего из современного снаряжения. И так как у нас в запасе было большинство вещей, мы были рады дать ему всё, что могли.

У Павличенко, который является очень хорошо известным альпинистом, была хорошая советская пуховка и кое–какое западное снаряжение. Обычно советские альпинисты одеты в сочетание формы солдата и строительного рабочего, почти единственной вещью специального назначения, которую мы видели, были палатки. Пока Павличенко примерял блестящую американскую каску жёлтого цвета, Макаукас и я занимались подбором продуктов. Зная, что в лагере «Памир», например, отсутствовали продукты лёгкого веса, мы привезли несколько ящиков сублимированной пищи. Так как мы не ожидали, что будем в лагере около 5 дней, которые нам потребуются на подходы и восхождение, мы дипломатично согласились, чтобы питание состояло наполовину из американских и наполовину из советских продуктов. Я мысленно застонал, когда запикивал в рюкзак консервированной горошек и свежесваренное мясо, но любой кто знаком с лёгкими продуктами не удивится, что очень скоро мы отказались от цыплёнка по–киевски в пользу консервированной макрели.

(Конечно, их сублимированные продукты легки, но, к сожалению, безвкусны. Кроме того Крис забыл о нашем сублимированном твороге, так сильно ему понравившемся. О. М.).

Как и с продуктами, мы пытались подобрать наше снаряжение на 50%-ной основе с каждой стороны. Поскольку в СССР почти нет предприятий, занимающихся производством снаряжения, большую часть его изготавливают сами альпинисты. Крючья, например, почти полностью сделаны из титановых сплавов. Они лёгкие, но прочные и весят в два раза меньше американских. Поэтому мы отдали предпочтение советским ледовым крючьям. Советские альпинисты считали, что наши крючья слишком тяжелы, и обычно старались брать, большей частью, только свои. Однако после работы с титановым снаряжением мы увидели, что они слишком легко деформируются, и начали отдавать предпочтение своим крючьям. В результате участники с обеих сторон всегда старались тайком захватить несколько запасных, которые в случае необходимости появлялись самым чудесным образом со дна рюкзаков.

Сперва мы двигались по не очень крутому льду, затем повернули к верхней части стены. К концу дня мы разместились на нескольких крошечных площадках, которые и стали местом ночлега. После того, как мы застраховались на скалах, никому не хотелось готовить, и мы погрузились в прерывистый сон. На рассвете мы начали осторожно маневрировать, чтобы растопить лёд и приготовить еду, которая была нам очень нужна. Пока я пытался пристроить примус на коленях, Павличенко колот лёд, Макаукас с помощью верёвки передавал еду Бертулису, который полувисел над нами. Ну и обстановка и тем не менее, каждый всё делал лучшим образом и выполнял всю работу с хорошим настроением. Я продолжал думать, что как было бы здорово, если бы мы могли понимать друг друга в разговорах, ведь было так много общих тем и так много оставалось невысказанным.

Как только утреннее солнце немного нас обогрело, Павличенко начал движение первым, и наша ночёвка скоро осталась внизу. Через несколько часов маршрут стал полегче, и во

второй половине дня мы увидели Бершова и Уорбертона, которые двигались параллельным маршрутом в нескольких сотнях метров от нас. Пытаясь успеть за заходящим солнцем, мы выбрались на вершину и втиснулись вшестером на ночёвку. Пока мы обменивались впечатлениями, нестигаемый Бершов соорудил защитную стенку от ветра и всё время делал горячее питьё. Очень здорово, когда совершаешь восхождение с такими людьми.

На следующее утро мы соскребли иней со снаряжения, сидели в спальниках и поёживались от холода раннего утра в горах. Во время завтрака мы с изумлением увидели какую-то одинокую фигуру далеко внизу под нами. Он закричал, и кому-то из нас показалось, что он спрашивал по-английски, который час. Это было в высшей степени невероятно, т. к. мы знали обо всех запланированных восхождениях, а одиночные восхождения в СССР официально не разрешено. Только после того, как мы промаршировали изнурительную длинную дорогу через «Долину ужасов», нам стало известно, что Барбер отказался от маршрута на Корону и совершил вместо этого трудное восхождение «соло» по льду на Корею. Это было, с одной стороны, выдающееся достижение и одновременно дружеский жест со стороны советских альпинистов, которые должно быть испытывали серьёзные опасения в отношении этого «соло» и его возможных последствий.

К этому времени часть из нас считала, что мы заслужили день отдыха, и вот газик (джип), в который битком набились альпинисты, направился во Фрунзе, где мы рассчитывали неплохо провести время. Продутовый рынок представлял красочное зрелище, но после того, как я сфотографировал торговца фруктами и его гору арбузов, кто-то крепко взял меня за локоть. Человек с суровым взглядом в форменной фуражке приказал мне пройти с ним в участок. Макаускас пытался возражать, сказав, что мы всего лишь безвредные альпинисты. Но милиционер был непоколебим. Меня обвинили в фотографировании советского военного объекта — милиционера.

В участке мы сначала попали к одному дежурному, затем — к другому. Свидетель утверждал, что я не только снимал милиционера, но и нищих, что было явным преувеличением. Ведь нищих-то не было.

Пока начальник внушительно поигрывал связкой ключей, мы все ждали звонка сверху. Я думал, не разыграть ли мне невинного туриста, предложив официальному лицу взятку — пачку жевательной резинки. Но пока я обдумывал этот вопрос, раздался звонок: последовали многочисленные извинения, и мы были свободны. Нам сказали, что мы можем фотографировать на рынке, что угодно, но мне уже этого не хотелось — пропало настроение. Мы уехали так быстро, как позволяли приличия. Советских альпинистов этот инцидент очень сильно позабавил, и после этого я был предметом шуток, когда имитировалось надевание наручников. Но за исключением запрета фотографировать в районах аэропортов, это был единственный «политический» инцидент за всё время нашего пребывания в СССР. Меня поражало, насколько безразличными казались наши советские друзья при обсуждении любой политической проблемы включая даже владеющих английским альпинистов, которые не входили в официальную группу обмена. За очень редким исключением наши разговоры ограничивались общими вещами.

(Специальных политических диспутов у нас, безусловно, не проводилось. На общих вечеринках, где каждый мог говорить о чём угодно, почему-то эти темы нас не волновали, поэтому и не затрагивали. Если говорить о частных беседах, то из шестерых американцев только Джонс и Бертулис не разговаривали со мной о политике, остальная четвёрка обсуждала как классиков марксизма-ленинизма, так и современную политическую жизнь.

Мне кажется, что у Криса уже было сформулировано своё политическое мировоззрение, и он не собирался ни обсуждать, ни менять его. Очень быстро определились «больные» для американцев темы: 1) безработица; 2) Куба; 3) межрасовые отношения.

- 1. Безработица лично коснулась Лоу. Он вынужден был сменить профессию физика на электрика. Мартинсона беспокоило возможное банкротство его фотозаведения. Барбер признался, что считает своё теперешнее занятие не слишком надёжным, и подумывал о подстраховке на будущее чем-то более основательным, но пока не решил — чем же именно, и хотел для начала поднакопить денег. Варбуртона безработица не волновала: богатые родители обеспечат окончание университета, а дальше будет видно. Бертулис имел надёжную клиентуру и широкую практику архитектора; будущее не беспокоило его.*
- 2. Если разговор случайно касался Кубы, то у всех, наверное, американцев каменело лицо, и они замолкали, очевидно показывая, что дальнейший разговор на эту тему им неприятен. Поняв это, я вскоре перестал затрагивать эту их «болеву точку», которую сами они никогда не беспокоили.*
- 3. У ограды лагеря «Ала-арча» на травке стояли пять или шесть серебрянок. В первый день мы не обратили на них никакого внимания, думая, что какой-то группе туристов разрешили воспользоваться территорией лагеря для отдыха. Утром следующего дня, стоя неподалёку и о чём-то разговаривая с Варбуртоном, мы оказались наблюдателями того, как из этих палаток, грациозно потягиваясь, начали вылезать темнокожие молодые люди (то ли цейлонцы, то ли индусы или бирманцы) неясно, какого пола. Разговор наш прекратился, и когда через несколько минут я взглянул в лицо Майкла, то поразился происшедшей переменой: его искажала презрительная гримаса; какая-то смесь отвращения, недоверия и удивления. Потом он резко повернулся и ушёл. Позднее кто-то из американцев спросил, что это за публика и чем она здесь занимается. Я толком ничего не мог объяснить. Через несколько дней, вернувшись с восхождения, мы уже не увидели ни этих палаток, ни тёмнокожих возле них.*

«Занимаются ли в США альпинизмом негры?» — спросил я как-то, сидя у Барбера в комнате.

«Практически нет», — был ответ.

«Почему?»

«Наверное таков их склад характера», — и снова я увидел презрительные гримасы на лицах собеседников. Развивать эту тему они не захотели, и я не стал настаивать. О. М.).

Несколько дней спустя после происшествия на рынке, мы были вынуждены вернуться в лагерь опять, нас заставил сделать это обильный снегопад. Зато мы смогли увидеть церемонию встречи новичков. После 20-ти дневной смены их должны были принять братство альпинистов. Сопровождаемые приветственными возгласами и смехом, они вошли в лагерь колонной по одному и направились к поспешно сооружённой арке. Лагерь был охвачен весельем, повсюду были развешены карикатуры и шарады. В дальнем углу арки три человека в тельняшках ставили на новичков печати и помогали им «целовать» — присягать на ледорубе. После этого начальник лагеря произнес речь и выдал значки, и новичков «окропили» водой. Всё это мероприятие было очень добродушным розыгрышем, очень

похожим на церемонии, разыгрываемые при переходе экватора.

Альплагеря представляют собой одно из принципиальных различий в подходе к альпинизму в наших странах. Таких различий было много. Трудно представить себе что-нибудь более сильно различающееся, чем советский и американский подход к альпинизму. Американцы — индивидуалисты, им не по душе контроль в любой форме, они будут нарушать правила если считают их несправедливыми. Кроме того, в США восхождения совершаются небольшими группами.

Советский альпинизм функционирует в рамках системы, которая контролирует их восхождения. В советском альпинизме существует система разрядов, в соответствии с которыми можно совершать те или иные восхождения. Эта же система определяет, где могут совершаться восхождения. Обучение идёт по схеме, включающей утреннюю зарядку и восхождения в количестве до 50 человек.

Вся организация лагерей, бюрократы и бюрократизм являют собой советское общество в миниатюре. Мы сильно сомневались, что смогли бы достигнуть успехов в альпинизме, находясь в таких условиях. Несмотря на то, что альплагеря получают щедрую финансовую помощь от государства, а получить отпуск и попасть в лагерь не представляет сложности, нас не удивил тот факт, что 80% не продолжают заниматься альпинизмом после обучения в лагерях. То, что многие очень хорошие альпинисты смогли кажется добиться замечательных результатов, несмотря на такую систему, не говорит особенно в её пользу.

Я, например, беседовал с группой студентов в базовом лагере. Они чувствовали себя обманутыми, т. к. смогли совершить только 2 восхождения в течение 20 дней. Им явно не хватало каких-то документов, и при наличии только одного инструктора, их положение было безвыходным. Требовалось какое-то подтверждение из Москвы, но об этом не могло быть и речи. Один из студентов заметил:

«Много бумаг, мало восхождений».

(Джонс затронул очень сложную проблему. С одной стороны, количество требуемых бумаг растёт из года в год, но это отнюдь не способствует уменьшению несчастных случаев. С другой стороны, в самих США увеличивается число сторонников введения различных ограничений для лиц, намеревающихся совершить серьёзное восхождение.

Прежде, чем подняться на вершину Мак—Кинли или на любую из вершин национального парка Денали, необходимо пройти жёсткий контроль, касающийся снаряжения, состава группы, питания, обеспечения средствами связи и медикаментами. Эта тенденция распространяется и на другие национальные парки. Так что и американцам теперь приходится поступиться в альпинизме частью своей «свободы». О. М.)

После посещения гор Тянь—Шаня мы вернулись в Европу — на Кавказ. Сначала мы остановились в курортном районе Домбай, сильно напоминающий район Аспен в США. Плотские радости свели почти на нет нашу решимость совершать восхождения. Затем мы переехали в Узункол. Нас встретили очень торжественно. Начальник лагеря представил альпинистам лагеря нашу советско—американскую группу. Нам подарили цветы и сувениры. И вновь, как это было часто во время нашего пребывания, нас приятно поразила их искренность и огромное внимание и забота, которые нам оказывали.

Вскоре после этого мы уже лежали в палатке (под маршрутом) и слушали шум дождя. В нескольких метрах от нас Бершов и Бертулис перетаскивали палатку повыше, чертыхаясь и подшучивая друг над другом, говоря, что им совсем не мокро. Дождь не утихал, и где-то через час нам было слышно, как они шумно собирали вещи и отказавшись от восхождения, пошли вниз, в лагерь. На рассвете и мы последовали их примеру,

оставив горы на милость дождя и облаков. В лагерь вернулись все, и мы собрались в наших комнатах, чтобы покалякать и позаниматься составлением планов, пошутить и попеть. Всё это сопровождалось возлияниями. Пили водку и коньяк, которых было вдоволь. Пока мы тесно набились в маленькую комнатку, принимавший нас инструктор всё время варил крепкий кофе по-турецки. А когда кончался алкоголь, то кто-то обязательно вспоминал, что у него где-то припрятана бутылочка.

Наконец-то погода утихомирилась, и вечером Онищенко и я, Лоу и Макаукас опять направились к нашей вершине. Время визита подходило к концу и было похоже, что это наше последнее восхождение. Но зато какое! Пик ДАЛАР — красивейшая вершина района, а маршрут Степанова идёт прямо вверх. Подходя к началу маршрута, мы увидели Уорбертона и Валентина Граковича, которые прошли уже часть маршрута по крутой стене бастиона Далара. Мы начали быстро двигаться вверх и оставили их позади, кажется они стали на бивуак. Я шёл в связке с Онищенко и опять мне было не по себе от советской техники альпинизма. После прохождения крутого участка я с ужасом увидел, что он страховал меня через скальный выступ. К закату мы достигли вершинного гребня и вырыли нишу для бивуака, чтобы укрыться от непрекращающегося ветра.

Печальным было возвращение в лагерь, время нашего визита почти истекло. Но вместе с тем и Лоу, и я чувствовали облегчение, что международные связки ни разу не попадали в переделку. Казалось, что поездка прошла безаварийно. Однако, по возвращении в лагерь мы узнали, что растёт тревога в отношении Граковича и Уорбертона. Они были шестой день на маршруте, а на следующий день истекал контрольный срок.

Уже готовились к выходу поисково-спасательные группы, чтобы выяснить, в чём дело, когда в лагере поднялась тревога: ЧП. Советский альпинист прибежал в лагерь и сообщил, что Уорбертон сорвался и пролетел вниз 30 метров, получив серьёзные травмы. Начались спасработы, и в невероятно короткий срок Уорбертон был спущен со стены в долину и доставлен в московскую больницу. Диагноз: сотрясение мозга и потеря памяти (временная). В больнице он пробыл больше недели, а выздоровел полностью спустя три месяца. Ему повезло: немногие остаются в живых после падения на 30 с лишним метров.

Когда мы только узнали об этом несчастном случае, нас привела в отчаяние нелепость случившегося, имея в виду некоторые детали. Смертельно уставшие и находившиеся на грани нарушения контрольного срока, после пребывания на маршруте в течение 5 дней, альпинисты вышли на плечо, откуда легко спуститься вниз. Они практически прошли новый маршрут, и подъём на вершину был скорее формальностью. Но вместо спуска они продолжали подъём. Гракович спустился по верёвке, чтобы обойти трудный участок. Он сказал Уорбертону, чтобы он тоже спускался. Уступ, который выдержал Граковича, вырвался, когда Уорбертон начал спускаться.

И только по возвращении Уорбертона в США мы узнали, что Гракович сам серьёзно срывался на третий день подъёма. Хотя срывы на маршруте и не такое редкое явление, это падение повредило их основную верёвку. Позже на ногу Граковича был наложен гипс.

После этого происшествия, когда они вышли на плечо, им следовало бы обсудить создавшееся положение и принять решение о целесообразности продолжать восхождение. Но обладая самым поверхностным знанием языка, не зная, какие чувства они испытывают на этот счёт, они продолжали придерживаться первоначального плана — «нужна вершина, и пошли дальше». Стремясь оправдать надежды друг друга или то, что они понимали под этими надеждами, и обеспокоенные тем, что о них могли подумать, как об альпинистах, которые выбрали маршрут, с которым они не могут справиться, они продолжали восхождение. Так разворачивались эти трагические события.

Необходимо подчеркнуть, что в происшествии на Даларе подобно и тому, что произошло раньше на Мирали, не был виной кто-то конкретно. Скорее альпинисты были жертвами обстоятельств, когда люди с различающейся техникой, без знания языка, и чувствуя бремя обязательств, действительных и вымышленных, совершали трудные восхождения. Как американцы, так и советские альпинисты почему-то наивно верили в наши совместные мероприятия, не отдавая себе отчёта, что может случиться, если что-нибудь произойдёт. Я твёрдый сторонник международных обменов альпинистами и мне очень бы хотелось вновь совершать восхождения с советскими друзьями. Только теперь мы будем намного умнее.

А наши надежды? Те, кто приехал, чтобы совершать трудные восхождения были вполне удовлетворены, хотя я лично считаю, что проводить такие мероприятия можно только тогда, когда участники хорошо владеют языком друг друга. Что касается наших надежд посетить по-настоящему отдалённые горные районы, то в условиях советской системы альпинизма эти мероприятия явно несбыточны.

(Два года спустя, очередная шестёрка американцев почти месяц провела в районе ледника Бивачный у подножья пика Коммунизма, т. е. в достаточно отдалённом горном районе. О. М.).

Никто из американцев не считал, что совершая восхождение, они защищают спортивную честь своей страны, и всё же, находясь в СССР, мы очень хорошо понимали, что нельзя ударить лицом в грязь. Однако, я никогда не испытывал ощущения, что нужно соперничать, и для меня прелесть поездки заключалась именно в содружестве. Пожалуй лучше всего эту мысль выразил Ружевский:

«Вы знаете, я никогда не думал, что американцы так похожи на нас. Я привык думать шаблонно. Сейчас я считаю вас своими друзьями, своими хорошими друзьями!»

День отъезда. В течение шести недель мы жили как одна семья. А теперь начали появляться политические реальности. Московский аэропорт, и мы поняли, что надежды на встречи в будущем почти нет.

В отличие от альпинистов других стран представители СССР фактически не имеют возможности поехать туда, куда захотят. Хотя шесть альпинистов из СССР и посетили США в 1977 году, вероятно, кроме них никто больше не выезжал в этом году. Что же касается наших спутников, то они получили такую возможность. Я испытывал глубокое чувство утраты, отвернулся и зашагал к самолёту.

Перевод текстов к фото и т. д.

Стр.82.

1. Советско–американский обмен альпинистами — проверку проходит не только разрядка политическая.
2. Генри Барбер опирается босыми ногами на крошечный выступ во время тренировки на скалах около альплагеря на Тянь—Шане (слева). В СССР обычно не разрешаются восхождения «соло», но Барбер получил такое разрешение.
3. Объединяемые верёвкой, жестами и несколькими общими словами, Майк Уорбертон и советский чемпион по скалолазанию Сергей Бершов преодолевают участок ледовой стены на пике Свободная Корея (фото напротив). Автор статьи считает, что незнание языка едва ли не стоило Уорбертону жизни на одном из последних восхождений.

Стр.86.

1. Озадаченные новички улыбаются, проходя по дорожке с пылающими и коптящими факелами–банками во время церемонии посвящения в альпинистское братство.
2. Бивуак на Короне. Ружевский терпеливо пытается приготовить пищу на видавшем виды примусе. Во имя дипломатии обе стороны брали наверх равные доли американских сублиматов и советских консервов. (вверху).
3. Дайнюса Макауускаса и Алекса Бертулиса объединяет большее, чем любовь горам: оба они происхождением из Литвы. Дайнюс рассказал Бертулису, архитектору из США, что он сменил работу фармацевта и устроился на более тяжёлую работу, чтобы иметь шестинедельный отпуск для восхождений в горах. (внизу).

Стр.87.

1. Кажущийся безразличным к панораме гор Тянь—Шаня, расстилающейся перед ним, Крейг Мартинсон просматривает брошюру по марксизму–ленинизму, во время отдыха на Короне (4.9 км) (вверху).
2. Мартинсон заклинивает руку в щель, пытаясь одновременно найти уступы для ног на отвесной скальной стене Короны (фото напротив) (внизу).

Надпись на обложке журнала вверху:

«**Опасение срыва**»: на страховке советско–американская разрядка.

Итоги поездки.

Конечно итоги этого турне по горам Памира, Тянь—Шаня, Кавказа не ограничиваются большим числом восхождений, первопрохождений и прочими спортивными достижениями, хотя баллы за восхождения были отнюдь не помехой для некоторых наших ребят. Во–первых сама по себе возможность тесного общения с людьми из другого мира позволила немного понять их психологию, характер, отличия и сходство с нами.

Всё ли американцы измеряют в долларах — задавал я себе вопрос перед поездкой. Вопрос возникал после знакомства с современной американской литературой, не переводимой у нас. Могу теперь сказать себе: нет, как и для наших альпинистов, для американских совсем не деньги являются мерилем успеха в жизни. Что общего между нами и ими. Очень многое, но, опять таки характерное для небольшой социальной группы людей с ненормальной (с общепринятой точки зрения) психикой горовосходителя. Что отличительного. Кое в чём разобраться помог несчастный случай с Майклом. Я не могу представить ситуации, когда наши ребята отказались бы поехать со своим травмированным товарищем ночью в американскую больницу, если бы несчастный случай произошёл, например, на восхождении в США. Американцам же само приглашение сопровождать Майкла в машине скорой помощи показалось неестественным. А зачем? Что мы будем делать? Какие-то человеческие качества (душевность, милосердие) утеряны или очень глубоко упрятаны в них. Для меня осталась неясной причина такого оскудения человеческой натуры: то ли в этом виновата американская цивилизация, то ли этот случай — лишь частность, из которой нельзя делать широких выводов.

Вторым итогом поездки для меня было приобщение к новинкам скальной и ледовой техники альпинизма. Впервые я увидел, как используются закладки для страховки на скалах. Впервые попробовал подъём по крутому льду в двенадцатизубых кошках с ледовым молотком. Спустя несколько месяцев, мы уже использовали самодельные закладки на тренировках на развалинах старой мельницы близ Протвы, изготовили кошки по образцу данному мне на время Макаускасом, по своим эскизам сделали несколько ледовых молотков и зимой испытали их: по всем качествам молотки не уступали американским. Летом закладки, молотки, якорёк «небесный крюк» и другие новинки отправились в «Джайлык», использовались там и получили дальнейшее, более широкое распространение надо сказать, что и американцы почерпнули кое-что новое для себя: приспособления для спуска на верёвке, шлямбуры и специальные крючья. Что ещё характерно для поездки, так это отличная организация всего мероприятия. Казалось, что все трудности разрешаются сами собой, проблем практически не возникает, всё логически обосновано. Если бы не было двух досадных инцидентов, ареста Джонса и срыва Варбуртона, то всю поездку можно было бы оценить на отлично. То, что может быть и по-другому, я понял два года спустя, когда руководителем аналогичной экспедиции обмена стал другой человек, не Шатаев с его колоссальным опытом организатора.

Следующий, 1977 год, стал годом работы в международном лагере «Памир». Устроиться туда тренером-спасателем-консультантом (так там называются наши инструктора) помогла протекция Володи Шатаева. Он предложил наши кандидатуры (мою и по моей просьбе Алмазова) старшему тренеру лагеря Анатолию Георгиевичу Овчинникову. Мы успешно выдержали напряжённые тренировки подготовительного периода в Царицыно, познакомились с коллективом и, кажется нас приняли в свою среду, в общем, доброжелательные люди. Мы оказались, разумеется, не сильнейшими среди них, но и далеко не слабыми, где-то ближе к лидирующей группе тренеров.

Работа в лагере «Памир-77» оказалась очень интересной. Пришлось заниматься с немцами из ГДР, японцами. Близко сошёлся я с Роджером Киркпатриком из группы США, со словацкими альпинистами. Удалось подняться на пик Ленина и пришлось по службе идти на пик Корженевской во второй (или четвёртый, как считать) раз. Пик Коммунизма опять остался недостижимым. Жизнь и работа наших тренеров в лагере заслуживает подробного описания. А лето 77-го года вообще оказалось напряжённым: в эпопее со спасением в горах Рэма Викторовича Хохлова, ректора МГУ. Основными действующими лицами были наши

спасатели. И он был спасён.

Погубила Хохлова в Москве врачебная ошибка. Августовской ночью сделал свою уникальную операцию по ликвидации перитонита в брезентовой палатке лагерный врач Свет Орловский, будущий врач нашей экспедиции на Эверест. Скончался в те дни мой старый знакомый по «Джайлыку» Юрий Арутюнов: у него во время восхождения в составе злополучной экспедиции МГУ прободилась застарелая язва желудка. Тогда же сорвался с верхней части южной стены пика Коммунизма Женя Пелехов, секретарь международного лагеря. От него не нашли ничего. Поднимавшийся с ним Виктор Масюков (собрат по учёбе в школе инструкторов) рассказал немного деталей: на ночёвке Женя, наверное, отстегнулся от перильной верёвки, поскользнулся. Никто не видел момента падения, услышали только крик. В лагере в знак траура приспустили флаг СССР. Произнесли прощальную речь. Обо всем этом написано в записной книжке 77-го года.

Но, наверное, стоит описать вторую советско–американскую экспедицию на территории СССР. По просьбе американцев она была организована в «отдаленном» от цивилизации районе. И хотя на леднике «Бивачный », притоке ледника Федченко, наша экспедиция не была изолированной (рядом были экспедиции Эльчибекова из Узбекистана, украинцы и команда «Труд» со старыми ростовскими знакомыми) от цивилизации мы были далеко, и смогли вернуться в Душанбе после восхождения не столь быстро, сколь хотели.

Старые знакомые (Лев Павличенко, Виктор Байбара) обрадовались встрече; познакомились с новыми: Славой Лаврухиным из Душанбе, Иваном Душариным с ВАЗа. Старшим тренером был Сергей Ефимов, покоритель Мак—Кинли и будущий победитель Эвереста, а начальником — Толя Бычков штатный сотрудник спорткомитета. Вместе с Дайнюсом Макаукасасом втроем они составили тренерский совет (Дайнюс был, кажется, неофициальным, но обязательным членом всех совещаний начальства). По моей просьбе в состав экспедиции был включен Валерий Алмазов, а ему без особых трудностей удалось устроить свою жену Татьяну помощником повара.

Итак, новая записная книжка: 1978 год.

Часть 5. Памир, Бивачный, пик Коммунизма

Экспедиция с альпинистами США

04.07.78.

Уехал из дома в 7.30. Все спали. В Москве оставил вещи и съездил в Бронницы к маме, сестре, племяннику. Вечером взял билет у Шатаева и выехал в аэропорт. Летим четвером: Анатолий Бычков, шеф–повар ресторана «Берлин» Адольф Иванович Титюник, повар нашей экспедиции, Лев Павличенко и я.

05.07.78.

Прилетели в Душанбе. Жара азиатская. Устроились в гостинице «Спорт» под трибунами

стадиона. Радостная встреча с друзьями из «Джайлыка» Лёшей Давыдовым, Генами — Поляковым и Яковлевым, Карабашем. Среди них пара новых для меня незнакомых ребят. Одного из них, Форостяна, назвали восходящей звездой. Хацкевич занят делами. Все направляются на Юго—Западный Памир для участия в первых очных соревнованиях по альпинизму. Коротко поговорили с ними и расстались. Начались дела. Мне достались бараны: в республиканской конторе «Таджикмясомолторг» надо получить наряд на приобретение 150 кг. Живого веса баранины. Как выяснилось, контора эта ворочает десятками миллионов рублей и снабжает продуктами весь Таджикистан. Часа через 2 подписал свою бумажку. Пока ждал, поговорил с русской женщиной, приехавшей сюда из Москвы вместе с мужем 7 лет назад за наследством и оставшейся, наверное, навсегда. Жить нравится; питание лучше, чем в Москве. Жалуются лишь на пыль да на ветер афганец летом. Солнце светит тускло и жара. Зато с октября по май — хорошо, ясно и свежо. Вечером в «Спорте» Бычков сообщил, что он договорился о номерах в гостинице «Таджикистан». Переехали и заняли номера люкс. Алмазов начал индивидуальничать: остался в «Спорте» мотивируя это близостью стадиона и удобством тренировок.

06.07.78.

Живем в двухместных комнатах с душем. Солнцезащитные козырьки сохраняют прохладу до полудня. Вообще, непривычно жить в таком комфорте. С моим нарядом надо ехать в отделение совхоза «Ленинский» и уже там брать очередную бумажку (указание на расходование фондов). Чтобы по ней получить баранов в Джигиртале. Вчера договорились с утра дать мне «Волгу» для поездки в совхоз, но Бычков укатил на ней в спорткомитет. Ждать не стал и поехал на автобусе, это около 50 минут езды. К двум часам получил все бумажки и вернулся обратно.

Вечером у гостиницы русские девчонки поют частушки рядом с женихом и невестой «я в Россию не поеду, за таджика выйду...»

07.07.78.

Поручено наполнить газом три больших баллона для будущей экспедиционной кухни. Если делать по закону, то возникает проблема: сначала надо получить удостоверение, а для этого предварительно сдать экзамен специальной комиссии, заседающей раз в неделю. Славе Лаврухину удалось договориться с заместителем начальника обменного пункта газовых баллонов, о том, что в порядке исключения нам заполнят баллоны по письму (Слава — местный и знает здешние порядки лучше всех остальных). Напечатали такую бумагу:

«Начальнику Октябрьского районного отделения горгаза г. Душанбе тов. Рахимову К. Р. Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров Таджикской ССР просит Вас обеспечить газом совместную Американско—Советскую экспедицию в отдаленные горные районы Памира. Ответственным за эксплуатацию газового хозяйства экспедиции является мастер спорта СССР т. Овчинников М. Ф.».

Бумага на бланке таджикского спорткомитета с размашистой закорючкой вместо подписи понравилась строгой заведующей пункта и все три баллона нам за 9 руб. наполнили до отказа. Но к баллонам у нас нет редукторов их нет и в магазинах. Опять обаятельному Славе удалось договориться: на сей раз с зав. складом и без письма. Нам продали два редуктора,

прокладки и соединительный шланг чуть–чуть подороже, чем стоило бы это в магазине.

После завершения газового дела с удовольствием посидели в чайхане напротив гостиницы: в современном корпусе стоят традиционные лежаки с коврами, есть и одна новинка: прямо на лежаке–топчане установлены маленькие столики. Для приезжих стало удобнее, а таджики ими не пользуются. Пара чайников зеленого хорошо заваренного чая прогнало жажду до конца. Следующее мое дело — обеспечить экспедицию бензином. Байбара, Павличенко и Адольф занимаются покупкой хозинвентаря, и одна машина занята ими. На другой машине Бычков и Душарин поехали с письмом в воинскую часть доставать две большие шатровые палатки. Купить бензин у шоферов на рынке не удалось, т. к. во первых, им самим не хватает, а во вторых, у них у всех бензин этилированный, а нам для примусов годится только чистый. Отдал водителю нашей «Волги» 10 рублей, он обещал купить бензин на АЗС. Ефимов и Макаукас вместе с Татьяной паковали на складе спортивное снаряжение; Алмазов купил билеты в Джиргиталь на послезавтра. Поздно вечером шофер привез 50 литров бензина, которого нам хватит на месяц для всех примусов на выходах. Вечером же на аэродром встречать американцев уехали Бычков и Ефимов. Заранее для встречи заказали ужин в ресторане при гостинице, но позвонил Бычков и сказал, что самолет задерживается на несколько часов. Пришлось поужинать одним, а то что положено американцам отнесли в комнату Бычкову.

Ночью прилетели пятеро; один почему–то задержался в Москве (позднее выяснилось, что он прилетел в СССР без визы); у одного из прилетевших в Шереметьеве потерялся сундук со снаряжением.

08.07.78.

С утра — совместный, отнюдь не шикарный, завтрак в ресторане: яичница, творог, хлеб с маслом, чай, всего на 1 рубль. В холле начали знакомиться (почему–то наше руководство решило обойтись без обычной церемонии взаимного представления). Первым подошел Карлос Бухлер, молодой, немного нескладный парень с длинными волосами. Пытается говорить по русски (с малым успехом); говорит, что изучал русский язык по интенсивней методике в течение недели по шесть часов в день. Краткие, но внушительные сведения прислал в Федерацию альпинизма СССР Алекс Бертулис, один из участников поездки 76-го года, и Бычков накануне дал нам почитать этот лист бумаги. Вот что там было написано:

1. **Чак Крогер, руководитель, 35 лет.** Лесоруб. Имеет многолетний опыт восхождений в Йосемитах; прошел несколько маршрутов на Эль—Капитан, причем один из них — первопрохождение (в 1970г). Руководил восхождением на Мак—Кинли (по гребню первовосходителей). Совершил много восхождений в Канаде, Мексике, США.
2. Чак Крогер: медлителен, со спокойной милой улыбкой, чуть выше среднего роста, лицо заросло бородой, никак не реальный руководитель, голубые глаза с морщинками вокруг
2. **Рик Сильвестр, заместитель, 35 лет.** Каскадер. Прошел несколько маршрутов на Эль—Капитан, одно первопрохождение. Дважды поднимался на Мак—Кинли; один спуск совершил на лыжах. Много серьезных восхождений в Альпах совершил вместе с известными альпинистами. В одиночку поднялся на Пти—Дрю, с севера. Трижды прыгал на лыжах с парашютом с Эль—Капитана (это километровая стена) для съёмок

- голливудских фильмов. Принимал участие в экспедициях на Черро—Торре (Патагония) и на Асгор (Баффинова Земля). Личное впечатление: невысокий, быстрый, мускулистый и жилистый, волосы в мелких кудряшках, как у молодого барашка. Соотечественники говорят, что он силен умом и телом.
3. **Стив Хэкет, геолог, 32 года.** Один из лучших американских альпинистов высотников. Покорил много вершин на Аляске (зимой и летом), участвовал в разведке на Аннапурне и Дхаулагири в Гималаях. Совершил много технически сложных восхождений в горах Колорадо и Вайоминга.
 4. **Карлос Бухлер, студент, 23 года.** Имеет на своем счету много трудных зимних и летних восхождений в США, Канаде, Перу, Уганде, (гора Рувензори), Кении и в Альпах. Считается одним из лучших альпинистов — универсалов США.
 5. **Бен Рид, инженер, 25 лет.** Совершил много сложных восхождений в США, прошел несколько маршрутов на Эль—Капитане. В Альпах лазил зимой и летом. В одиночку впервые прошел восточное ребро г. Блэттер в Альпах.
 6. **Рейли Мосс, 28 лет.** Имеет много серьезных летних и зимних восхождений в горах США и Канады. Знает русский язык.

Его характеристика обращает на себя внимание краткостью. Именно Рейли Мосс потерял в аэропорту свой сундук со снаряжением (и в горах как будто совсем не горел желанием совершать восхождения).

Бен Рид сейчас сидит в Москве и ждёт, что с ним будет дальше. Стив Хэкет похож на русского мужика: плотный, широкий и грузный, слегка курносый. Охотно (в отличие от Рейли Мосса) рассказывает о себе. Год назад у них с приятелем по их вине сорвалось восхождение на Форакер (Аляска). С грузом по 40 кг они по тяжелому снегу за день поднялись на 700 метров по вертикали, и его напарник почти потерял сознание из-за столь сильной нагрузки заболел горной болезнью в тяжелой форме. Пришлось спуститься вниз.

Понемногу поговорил со всеми. Вечером пробежался по стадиону: сначала километра полтора, потом после разминки еще 4 километра. Несмотря на жару приятно. Хоть и в боку закололо, но общее состояние неплохое. Ужинали в ресторане вместе. Потом вкусил перед долгим перерывом благ цивилизации: душа, горячей и холодной воды.

Татьяна Алмазова немного огорчила своим рассказом: днём Валерий, её муж пытался наладить отношения с Макаускасом и говорил ему, что я много и хорошо отзывался о нём по летней поездке 76-го года. Дайнюс резко оборвал его: а о своем срыве я рассказывал?

09.07.78.

Воскресенье. Наш рейс в 8ч.15 мин. Вылетели на двух АН-2. У контроля Стив угощал всех арбузом. Час полета — и мы в Джиргитале. Масса воспоминаний об экспедиции 74 года. Стоит Карагатэ со снежком у вершины, а моя записка там наверное уже сгнила без хорошей упаковки.

Машина с грузом отправленная накануне с сопровождающими Титюнником, Павличенко и Душариным уже ждала рядом с посадочной полосой. Стоит и МИ-8. Правда пилот прикинулся, что про нас ему ничего неизвестно, и поэтому Бычков обматерил Алмазова (а тому это не понравилось) за то, что тот якобы не выполнил своих вертолетных дел: на руках не оказалось письма, разрешающего вылет. Однако, пока мы ездили за свежим хлебом в

пекарню, все оказалось улаженным и началась погрузка: сняли заднюю дверцу, навесили грузовую сетку, поставили недалеко от центра тяжести вертолета наши ящики и баулы. Однако жаль; по словам Бычкова денег на баранов не хватило и летим без свежего мяса на будущее. Вся моя работа по оформлению документов сказалась напрасной.

Первым рейсом вылетели 9 человек. До Алтын—Мазара (там расположена метеостанция в красивом зеленом урочище) летели минут 40. Оттуда пятеро с половиной груза полетело на Бивачный, а оставшаяся четверка, в том числе и я, полетим через час — другой. Пока ждали угощались чаем в большой палатке Эльчибекова. Его экспедиция заявила на первенство СССР восточную стену пика Коммунизма и будет базироваться на Бивачном. За чаем один из ребят в ответ на мой вопрос с ними ли Рая Билялетдинова, (угощавшая нас чаем с пирогами в 74 году под пиком Корженевской) ответил, что она погибла год назад при спуске с Ягноба в лавине вместе с тремя парнями. Тяжёлое молчание. Эльчибеков постарел, лицо еще более погрубело и стало еще более привлекательным.

МИ-8 вернулся через 40 минут. За пять минут мы втащили внутрь его брюха все оставшееся снаряжение и через 20 минут, пролетев над гигантским устьем ледника Федченко, воссоединились с передовой пятеркой. Сразу выяснилось, что до места, где предполагалось разместить базовый лагерь ещё 1, 5 километра. Неясно, почему не сели сразу на место. Всем обществом бодро решили начать таскать грузы. Самый активный — Дайнос Макаускас. В своем станке от рюкзака он отнес по очереди два баллона с газом, весом не менее 60–70 кг, а всего сделал 4 ходки. Я прошел 3 рейса, каждый раз перенося около 50 кг. В 16 прилетели все остальные и американцы сразу же включились в работу Чак встретился мне с рюкзаком и кулем поверх — пытит, но тащит даже с какой-то удалью. Атмосфера всеобщего энтузиазма показалась мне подозрительной. Высотная эйфория может наделать беды с человеческим организмом. Попытался поговорить с Бычковым, чтобы организованно умерить общий пыл, но бесполезно. Ясно, что это таскание тяжестей может выйти кому-то «бокком».

Вечером быстро разбили палатки: и большие военные, и высотные, и памирки. Мне Бычков выделил персональную высотную, но пришел Слава Лаврухин и предложил себя в качестве соседа — вместе гораздо приятнее. Перед ужином пошел дождь, и еду закончили в большой палатке-кухне. В 22 — спать по своим апартаментам. Сон после такой нагрузки плохой, беспокоит желудок, внутри постоянное бурчание. Впервые в экспедиционной практике за 1 день из Душанбе перебрались в базовый лагерь у края ледника. Это, конечно, хорошо: время сэкономили. Но и плохо, т. к. набрали за один день 3 километра по высоте, да ещё с такой нагрузкой. Так и сломаться недолго.

10.07.78.

Голова тяжелая, нос заложен, глаза надутые и слегка гноятся. Но дождь ночью кончился, сияет солнце, блестит роса на тощей травке и после умывания голове полегчало. Вижу — ребята уже таскают снизу оставшиеся грузы. Опять этот ненужный энтузиазм вперемежку с «выпендрёжем». Поговорил на сей раз с Ефимовым. Тот сказал, что таскать с утра начал Чак Крогер, а нам отставать не к лицу. Спросил у Чака, выдержит ли его команда такие большие и ненужные нагрузки. Тот ответил:

«У каждого есть голова на плечах, чтобы думать». И о нагрузке тоже: «Ну что ж, посмотрим».

До завтрака перетасили все. Я успел принести лишь около 40 кг — одна ходка. Позвоночник, нывший с утра, как будто перестал болеть. После завтрака начал делать холодильник для скоропортящихся продуктов, пещерку. Если натаскать туда льда, то в течение недели, пока лед будет таять, сохранится нулевая температура. Копать тяжело, т. к. больше камней, чем земли. Остальные заняты хозяйственными делами: ставят вторую шатровую палатку, устанавливают и подключают вторую газовую плиту, устраивают склад, сооружают стол и т. д. На помощь мне пришел Виталий Медведев, наш переводчик, потыкался, потыкался с полчаса и скрылся. Он, уладив все дела с визой Бэна Рида, вовремя прилетел вчера в Джиргиталь вместе со своим легкомысленным подопечным, чтобы успеть на вертолёт. До обеда выкопать свою пещеру я не успел, а сразу после обеда, без отдыха все пошли по склону вверх для акклиматизации.

Часа за 2 поднялись метров на 800, т. е. где-то до уровня 4700 м. Шёл и говорил с Бэном Ридом, тем кто из-за визы опоздал в Душанбе. Он объяснил эту историю своим голотяпством, но сказал, что был уверен в хорошем конце. И он и Чак идут в туфлях, быстро и легко. Карлос отстал и повернул обратно. На гребне дует сильный ветер, холодно, но расстилается красивый пейзаж, видны многие маршруты на пик Коммунизма, и я рассказал Бэну о них. Он считает, что пик отсюда смотрится не слишком внушительно, хочет посмотреть на южную стену, о которой много слышал. Много фотографируем. Вниз я быстро сглизировал по снегу: в триконях и без рюкзака это одно удовольствие. Внизу голова разболелась сильнее. А у американцев ещё хуже: Рейли жалуется на боль в голове; у Стива болят и голова и желудок; Рик просто отлеживается.

Немного конфликтнул с начальством: я начал подниматься по снегу кулуара во время акклиматизационного выхода, и Сергей Ефимов крикнул, чтобы я повернул обратно, т. к. дескать, Дайнюс сказал, что там где я иду опасно из-за льда под снегом. Я не согласился с Сергеем, пошел по своему и конечно, выиграл, (а со мной и Бэн, шедший по пятам) — шел по хорошему снегу, а остальные корячились по крутой моренной осыпи. Спускались уже все там, где я поднимался.

Толе Бычкову стукнуло сегодня 40 лет. Адольф изготовил торт из привезённых с собой бисквитов. Выпили по 30 граммов посольской водки и плотно поели на ночь. Из-за этого у всех, по-моему, побаливал живот. Говорили за ужином о животных. Американцев удивило, что под Москвой живут кабаны, лоси, зайцы, белки. У них, по словам Стива, работающего на Аляске, даже в его отдалённом штате, диких животных почти не осталось. Он, кстати, сообщил, что женился две недели назад и договорился с женой в сентябре в Дели встретиться, куда поедет, чтобы участвовать в разведке Дхаулагири. Заодно сообщил, что разводы в Штатах составляют 50% от числа браков, и максимум приходится на трехлетний срок.

11.07.78.

Поражает ледник. По сравнению с ним и Фортамбек и ледник Москвина просто зеркало. Такого разорванного (если учесть что его ложе имеет очень малый уклон) как Бивачный, видеть мне не приходилось. Утром пытался спуститься на лед и на протяжении километра нашел только одно место, где можно это можно сделать безопасно. Почти везде морена вспорота отвесным пяти-семиметровым барьером. Внизу в ложбине между льдом, вздыбившим морену и основным телом ледника лежит лишь около метра ровной грязи с лужицами. Сразу дальше начинаются сераки, грязные, черные; слышится непрерывный

шёпот падающих, скользящих камней и подвижек льда.

К завтраку двое американцев не поднялись: Стив и Рейли. Карлос жалуется на повышенную температуру, но все-таки ест. До часу дня мы с Лаврухиным занимались холодильником: он теперь копал, а я клал стенку из камней. Душарин, Павличенко, Макаукас и Ефимов притащили в рюкзаках льда и устлали пол. По просьбе Адольфа поставили там помидоры, баклажаны, яблоки, перец, огурцы а сверху добавили колбасы, окорока и т. д. Получилось неплохо: на улице жара выше 25 °С, а внутри холод. С удовольствием поели заслуженный обед из четырех блюд (расстарались Адольф с Татьяной).

Двойка наших гостей из команды Эльчибекова, Слобцов и Калинин, прилетевших вчера на вертолете и высадившихся у нас (вертолетчики отказались садиться у Эльчибекова), знатоки Бивачного, бывшие здесь уже не раз, пытались после завтрака пробраться к своим. Их лагерь разбит на противоположной стороне ледника и парой километров выше (ближе к пику Ахмади Дониша, бывшему пику Ворошилова). Но они не пробились. По их словам вернуться заставила широкая трещина, тянувшаяся вдоль середины ледника на несколько километров. После обеда вышли снова, попытались пройти в другом месте и опять вернулись. Завтра планируют попытку перейти ледник по т. н. «ригелю», небольшому отрогу, разделяющему ледник на два потока, соединяющихся ниже «ригеля» вместе. Лагерь Эльчибекова расположен как раз напротив конца «ригеля», где ледник сливается в единую широченную вздыбленную реку.

У Стива — пневмония. Наш врач, Вадим Зайцев, доктор наук из Москвы, настаивает на немедленной эвакуации больного в Джиргиталь. Надо вызывать вертолёт. Наше начальство велит мне быть сопровождающим Стива. Логика никакой. Руководствуются только рассказом Макаукаса о том, что в 76-м я вез Варбуртона после срыва в больницу. Но там неясен был диагноз, надо было переводить ответы Майкла. Здесь — с заболеванием и лечением все ясно. Сопровождать может любой из нас, независимо от знания языка. А я больше пользы принесу здесь, работая с остальными.

Время после обеда полностью потеряно. Все лежат, спят, отдыхают. Эйфория кончилась, началось похмелье. А надо было сходить на ледник, самим пощупать лед и просмотреть дорогу, которой нам предстоит идти к пику Коммунизма. Доктор вводит Стиву пенициллин.

12.07.78.

Калинин и Слобцов ушли рано утром, чтобы попытаться добраться до своих через «ригель». Стив ночью кашлял и сейчас совсем плох. Зайцев поочередно колет его пенициллином, стрептомицином, апициллином. Бычков пытался вызвать санитарный вертолет через Эльчибекова, имеющего постоянную связь с Ташкентом, но у того испортилась рация и связь не получилась. В 9 утра Байбара и Макаукас побежали на метеостанцию ледника Федченко (это около 35 км от нашего лагеря), чтобы с помощью метеорологов (у них устойчивая постоянная связь с Душанбе) вызвать вертолет. С утра я зашел к Стиву узнать о его самочувствии, подбодрить и оказался свидетелем беседы его с Чаком. Крогер вполне определенно заявил, что сопровождать Стива и Карлоса будет Медведев. Это меня обрадовало: слово американцев — это закон для нашего руководства; Бычкову и Ефимову не остается ничего другого, как послать Виталия (хотя раньше в беседе со мной они категорически отвергали такой вариант).

После завтрака Толя Бычков объявил, что в 11 часов все оставшиеся в лагере пойдут на ледник пробовать ледовое снаряжение. Неожиданно, в 10:50, Ефимов предложил мне и Алмазову разведать проход к Эльчибекову через ледник, т. е. сделать то, что не смогли Калинин и Слобцов. Я не мог сдержать радости, хочется в бой. Разведка дороги через хаос льда и камня — вообще мое любимое дело.

В 11 мы вышли. Спустились на лед по просмотренному и отработанному мной спуску. Пришлось сразу надеть кошки, долезли несколько рискованным путем: под хилыми сераками по узкому ледовому гребню с провалами в обе стороны. Дальше пошла катавасия. Хитросплетения ледовых холмов, трещин, сераков, обходов ледниковых озер и каменных завалов, но чем дальше к середине ледника, тем проще. Метров через 500 от нашей береговой морены ледник стал полностью заваленными каменными обломками. Мы все время ждали, когда же появится пресловутая продольная трещина не пустившая эльчибековцев к своим, но так и не дождалось, а подошли к полосе мощных поперечных трещин ближе к противоположному краю ледника. Обрадовались, т. к. казалось, что пройти между этими трещинами не составит сложностей, но не тут-то, было. Смело полезли по гребням ледяных валов, но все поперечные гребни оказались разбитыми на отдельные глыбы глубокими продольными провалами. Их лабиринт, опасный сам по себе, оказался непроходимым. Мы разделились и начали искать проход по одному, раздельно. Перелезая через серак, я неосторожно прыгнул на казавшуюся очень прочной ледяную глыбу, которая развалилась под ногами и провалилась в трещину. Я удержался, извернувшись, но боковая резкая нагрузка на позвоночник оставила резкую боль. Эта боль сразу отрезвила меня: кончились прыжки, акробатика. Я крикнул Алмазову, мы вернулись из лабиринта и после короткого обсуждения решили идти вверх по леднику по центральной поверхностной морене с ложбиной (По строению Бивачного этот центральный участок должен быть самым ровным). Справа от нас остался лабиринт поперечных трещин, а слева — полоса чистых белых островерхих сераков, высотой метров 10, классических красавцев, сияющих на солнце, контрастирующих с грязными соседями.

Пару километров мы шли по ложбине, уперлись в широкие поперечные трещины, и нам стало ясно, что пора поворачивать к берегу направо, т. к. там поперечные трещины кончились. Оправдались все наши рассуждения и расчеты. Без кошек мы спокойно выбрались к морене и поднялись выше по руслу высохшего ручья, мимо склада сена (запаса пищи: для семи баранов) к вертолетной площадке. Оттуда связались с нашей базой по радию. Бычков сообщил, что Слобцов и Калинин снова вернулись не найдя пути через «ригель». У Эльчибекова все спали; встретил дежурный Саша Путинцев, напоил отличным компотом, соорудил яичницу с помидорами. Вадим Эльчибеков рассказал, что у них продуктов 4 тонны. После эвакуации экспедиции остается килограммов 500–1000. Сухарей у них более 200 кг и могут дать сколько угодно. Бараны устроены в каменном загоне; есть баня. Рядом перегородили ручей и соорудили озерцо; правда, вода грязноватая. Но травы у них нет, только серые, желтые, коричневые камни и песок, ветрено. У нас намного живописнее и удобнее. В 17:10 вышли обратно. Поясница здорово болит и время от времени охаю от боли. Без приключений дошли до места, где надо поворачивать к нашему берегу. Дальше стали смотреть поставленные нами туры из камней, нашли парочку, а остальные потеряли. Пришлось идти по новому пути. Снова лазали вверх–вниз, но добрались благополучно. Перед спуском к морене пришлось прыгнуть на сомнительную ледяную глыбу: потом снизу посмотрели и удивились, почему она не свалилась вместе с нами. Стоит ледяной грибок на двух тощих ножках. В лагерь пришли в 20:20, как раз к ужину. Дали консультацию всем интересующимся (особенно хотели знать нашу дорогу Калинин и Слобцов).

13.07.78.

Ночь — отвратительная. При малейшей попытке повернуться ощущаю сильную боль в спине и сразу просыпаюсь. Слышен кашель Стива и Карлоса. Утром едва выполз из палатки и с трудом мог сидеть на корточках при утреннем умывании. Стив вышел завтракать к общему столу. Ест колбасу, яйца, чай. Но вид у него бледный; температура держится на уровне 38–39 °С. Рейли отлеживается в палатке; несколько раз его тошнило. Доктор матерится: Чак дал Рейли раствор кодеина, что снимает кашель, но вызывает рвоту. Другие пациенты предпочитают лечиться сами, не доверяя врачу. Пьют свои патентованные таблетки, оставляя нетронутыми лекарства Зайцева. Только Бэн и Чак чувствуют себя великолепно.

В 10:30 прилетел вертолет санитарной авиации. Врач и сестра, таджики, и носа не высунули наружу. Погрузили Стива; Карлос и Рейли поднялись по ступенькам сами. Пока ждали, беседовал с Карлосом об альпинизме. Он согласен, что это — жестокий спорт, но в нашем мире как и во все времена везде просматривается жестокость. О вере вообще и вере в себя. Карлос католик, и обе веры для него неотделимы друг от друга. Для него странно, как это можно быть атеистом и не верить во всевышнего. А как он представляет себе всевышнего? Его не надо себе представлять. Верит ли он, что был Христос? Безусловно. Христос и всевышний это одно и то же? Карлос задумался и не ответил. Вместе с Чаком довели Стива до вертолета, одели потеплее, усадили, сердечно попрощались и обнялись. Все улетающие уверены, что через неделю они вернуться. Вертолет улетел и нас осталось совсем мало, 14 человек.

Группа из двоих наших (Ефимов, Лаврухин) троих оставшихся американцев готовится после обеда выйти на тренировочное восхождение. На мой взгляд, гора под 6000 метров сейчас высоковата для акклиматизационного выхода, но указывать начальству я не стал. Возможно наши американские коллеги и не дойдут до вершины. Завтра и мы, остальные должны выйти туда же, но другим, более легким путем. Как называется эта вершина? Хорошей карты у нас нет и точного ответа никто не знает. То ли пик «Революционеров» то ли пик «40 лет Октябрьской революции».

После обеда, к 16:00 вернулись Байбара и Макаускас. Оба устали, но вида не подают. Перед выходом пятерки Адольф Титоник устроил в честь дня рождения Лаврухина очередную демонстрацию своего поварского искусства: подал на десерт запеченные в тесте яблоки (цельные) в сахаре. Вкусно, но мало. Лев и Ваня Душарин ходили по нашему берегу на разведку ближе к верховьям ледника с целью посмотреть подходы к маршруту Евгения Тамма на пик Коммунизма. Вернулись со словами: «глухо, как в танке, ледник практически непроходим». Вечером готовились к завтрашнему выходу, набирали продукты, бензин, снаряжение. Павличенко назначен руководителем. Выходим вшестером; в лагере остается поварская группа и двойка, пришедшая с метеостанции.

14.07.78.

Поднялись в 6, после хорошего завтрака в 8:00 вышли. Доктор, Вадим Зайцев, сразу начал отставать, и на расположенный по ходу подъема на гребень пупырь, мы вылезли в 11 и более часа ждали его. На гребне, связывающим основной маршрут с пупырем, он совсем остановился и до высоты 4900 м его рюкзак по очереди несли Душарин и я. На отличных площадках»4900», куда мы добрались лишь к 15-ти часам нас поджидали трое американцев. Один из них, Бэн, с кровавым пятном на виске, рассказал, что вчера в самом начале подъема

его стукнуло по голове случайно упавшим камнем. Говорит, что чувствует себя неплохо, только побаливает нижняя челюсть. Рик лежит пластом со страдальческим лицом: болит голова, живот. Только Чак в хорошей форме, бодр, свеж и приготовил для нас чай. Решили здесь заночевать, т. к. доктор не может идти дальше: добрался до нас и упал, около снежной полосы (где прохладнее). Лежал часа полтора, потом отдохнул и оживился. В хозяйственной деятельности он участия не принимал, зато много разговаривал с Риком об искусстве. Вадим три месяца стажировался в Англии, смотрел там много фильмов и теперь убеждает Рика, что «Иисус Христос — суперзвезда» — это шедевр современного киноискусства. Рик в знак согласия меланхолично покачивает головой и руками потирает живот, прихлебывая крепкий сладкий чай (мне, кажется, удалось убедить его, что кроме пользы от чёрного густого чая не будет ничего, и для головы и для живота). Бычков связался по радиации с двойкой Ефимов — Лаврухин, поднимающихся на пик 5970 с другой стороны, диаметрально противоположно нашему пути. У них всё в порядке, если не считать ухода американцев.

15.07.78.

Спалось плохо, хотя голова практически не болела. Вадим, занимающий середину палатки, постоянно вскрикивал, ворочался и наваливался на меня. Алмазов бухал своим привычным табачным кашлем. В 5 все поднялись и попив чайку, вскипяченного Душариным и одев кошки, двинулись вверх. Надел свой самодельный маленький рюкзак из «болоньи», в нём пуховка, крючья немного еды, запасная одежда — сидит исключительно удобно и греет спину. Связки: я — Алмазов, Павличенко — Душарин, Бычков, Крогер — Рид. Зайцев и Сильвестр должны часов в 10 уйти вниз в базовый лагерь.

Сначала поднимаемся по простому снежному прекрасно. Много склону; кошки держат кальгаспоров, обеспечивающих надёжную одновременную страховку. Американцы за мной не пошли: Бэн выбрал неверное начало, пошел без кошек по смёрзшейся осыпи и теперь отстал метров на триста. Часа за три мы набрали метров 500 высоты и начали слева обходить предвершину по льду. Подошли к первому, сравнительно сложному месту, двум гладким ледовым желобкам, крутизной около 50° и шириной метров по 5. Сверху постоянно сыплются камешки разной величины. У меня сомнения: стоит ли пересекать эти желобки, может быть лучше лезть вверх по скалам на предвершину? Но Чак уже сделал хорошую страховку за выступ, явно предлагая мне двигаться, а не размышлять. Начала подходить наша тройка. Поэтому оставив сомнения, я быстро (как мне показалось) пересёк желобки и ушел из опасной зоны дальше. По моим перилам быстро подошёл Бэн со своей верёвкой, но к моему изумлению, не доходя до меня метра три, отстегнулся и бросил свой конец веревки вниз, оказавшись совершенно без страховки.

«Что же ты делаешь, дорогой Бен? 0 дин удар камня и ты будешь далеко внизу», — это я ему.

«Да ты прав. Я даже без каски» — он мне в ответ. Дал ему кусок репшура, который он использовал как страховку, пристегнувшись к моему ледовому крюку. С красной веревкой переправился Алмазов; мы оставили её как перильную, а сами с нашей белой пошли дальше. Вылезли, увы, не к перемычке между основной и главной вершиной, а на гнилое, рассыпающееся ребро из разваливающихся камней. Пока обсуждали куда лезть дальше, пришли все. Оба американца снова развязались и без долгих разговоров полезли вверх по ребру над нами. (Потом на бивуаке Бэн извинялся за то, что создал опасность для нас. Но он не уронил ни одного камня, от наших веревок летело гораздо больше). На перемычку

поднялись с разницей метров 10 по вертикали; они пониже, мы повыше. Минут сорок отдыхали и перекусывали.

Я обнаружил, что потерял левую шерстяную рукавицу, которую снял при работе с веревкой на льду; она выпала из неглубокого брючного кармана (плохо то, что раньше, когда мы шли по кальгаспорам, рукавица уже выпадала из кармана: я поднял её и сунул в тот же карман. Это называется разгильдяйством).

После отдыха все двинулись к вершине поднимавшейся выше метров на 300. Оба американца проигнорировали правый осыпной склон и начали по одиночке подниматься по левому крутому снежно-ледовому скату гребня. Мы пошли по осыпи и через два часа оказались на гребне в 50-ти метрах ниже вершины. Чуть раньше с другой стороны на это место вылезли Чак и Бэн. В 14:00 Алмазов и я поднялись на вершину. Через 5 мин. подошли американцы. Лев и Ваня остались ниже подождать уставшего Бычкова.

Панорама сверху потрясающая: на востоке поражают извивы гигантского ледника Федченко; километрах в 50-ти видны пики Революции, 26-ти Комиссаров, Фиккера; видно множество незнакомых вершин, грандиозных нехоженных стен. С запада более внушительным предстал пик Коммунизма

Полюбовались мы пейзажем и взаимно пожаловались на головную боль: голова, в самом деле, разламывается. Чак и Бен из-за этого поспешили вниз. На восточном гребне видны идущие сюда Лаврухин и Ефимов. Они вышли на вершину часом позже нас и остались для лучшей акклиматизации на ночь на перемычке. Высота горы по альтиметру оказалась всего 5750 м (к нашему разочарованию), но она может быть занижена из-за высокого атмосферного давления, характерного для антициклона. Вслед за американцами ушли вниз и мы с Алмазовым: нам хотелось попробовать обойти предвершину с южного склона, избежав этим неприятного ледового северного. Об этом же попросил и Лев. Правда, он попросил только посмотреть, но отнюдь не обходить. Мы же, уверенные в возможности обхода, без размышлений двинулись вниз на юг по широкому осыпному кулуару, а затем попробовали траверсировать склон, чтобы выйти в конце концов к нашему бивуаку. Но это оказалось невозможным: один за другим путь преграждали скальные гребни. Простой путь вел только далеко вниз, не давая обойти предвершину. Время шло очень быстро, во рту пересохло. Через два часа мы подошли к очередному гребню и взобравшись на него увидели колоссальную стену длиной несколько сот метров, перегородившую весь склон. Приуныли и совсем было решили свалиться до самого ледника, чтобы идти в базовый лагерь. Посидели минут пять, почесали затылки и все-таки надумали сделать последнюю попытку обхода. По осыпи вдоль стены поднялись метров 200 к едва видимому перевальчику, с которого, к нашему облегчению увидели снежный склон западной стороны горы, пересекли его и вылезли на гребень откуда увидели наш бивуак на высоте 4900 м.

Пришли туда в 18:00. Лев очень нервничал, не зная куда мы делись, но ругаться не стал, все обошлось спокойно. Конечно, мы сделали глупость с этим обходом. Американцам понравилась наша гречневая каша с тушенкой. Кушали её и не торопясь разговаривали. Бэн, оказывается, не инженер. Называет себя лесорубом и занимается рубкой деревьев, угрожающих своим падением жилью, домам. Создал компанию из 4-х человек и стал её главой. Обычный его заработок — 120 долларов в день, двум рабочим платит по 10 долларов в день (как видно эксплуатирует), но сам делает самую опасную работу. Чак по профессии геофизик, но последние два года работал плотником, т. к. на этой работе он сам себе хозяин и полегче с отпуском. Все расходы на поездку сюда они оплатили полностью и к тому же

каждый из них внес по 800 долларов в фонд американского альпийского клуба, для оплаты пребывания нашей шестёрки в Штатах в будущем 79-м году. Общее число членов клуба около 1300. На поездку в СССР было подано с полсотни заявлений и они удивлены, почему выбрали именно их.

Спрашивали о наших профессиях, удивлялись возможности получения дополнительного отпуска, оплате всех расходов по экспедиции. Да, дескать есть разница между капитализмом и социализмом. Но им, в капитализме, пока не плохо. Бэн после экспедиции едет по транссибирской магистрали в Японию (хочет совершить кругосветное путешествие и, кстати, посмотреть Байкал, о котором много слышал).

Спалось опять плохо, пересохла глотка, нос заложен, прослушиваются хрипы в бронхах. Проблема со здоровьем: то спина болит, то бронхи хрипят, то ещё что-то.

16.07.78.

Воскресенье. Поднялись в 7:00. Бычков вскипятил чай. Попили и в 8:00 тронулись в путь к базовому лагерю. В 10 подошли. По дороге встретили Константина Клецко. В 69-м он был начальником учебной части «Джайлыка» и выпускал мою группу на пик Щуровского — наше первое совместное восхождение с Мальцевым. Тепло поздоровались, поговорили, Костя постарел внешне, но внутренне не изменился.

В лагере — скука. Особых дел нет. Планы не обсуждаются, царит некоторая неопределенность.

После обеда часок поспал, а после сна разболелась голова, озноб. Едва смог дотянуть до ужина, почти не принимая участия в разборе прошедшего восхождения, и сразу улегся спать. Ночью спал как убитый и утром от недомогания не осталось и следов.

17.07.78.

После завтрака начали готовить с Алмазовым продукты для вертолетной заброски на площадку «4600» в верховьях Бивачного. На этой площадке располагалась экспедиция Абалакова в 33-м. Оттуда же и мы, наверное, пойдём на пик Коммунизма по пути первовосходителя. Быть может вертолет появится сегодня, а может через несколько дней. Опять неопределенность.

Взял у Бэна почитать книгу Азимова, популяризированную науку и, когда понес отдавать её, получил неожиданное приглашение Чака идти вместе с ними на пик Орджоникидзе (трое их + я). Я согласился в принципе, но сказал, что предпочел бы идти в связке со своими напарником Алмазовым. «Конечно, выбирай кого угодно» — это сказал Чак мне. Пошли вместе с ним к Ефимову и объявили, что завтра выходим пятеркой на восточный нехоженный гребень пика Орджоникидзе. Его согласие было сразу дано.

Нахлынула куча забот: снаряжение, продукты, бензин, тактика, а вместе с заботами пришла, как в молодости, радость ожидания новой горы, напряженной работы, приключения; вновь пришло ощущение полной жизни.

Начали с пищи. После долгих переговоров с Чаком пришли к соглашению: завтрак и ужин у нас будет общий, ленч — отдельный. Соответственно, продукты на ленч каждая связка набирает какие хочет, а на общую еду берём манку, сгущенку, изюм, их сублимированную яичницу с беконом, пакеты сублимированных бефстроганов с лапшей и грибами, куриный суп. (Бефстроганов попробовали сегодня же и оказалось очень вкусно: чувствуются настоящие грибы, сметана. Способ приготовления очень прост: пакет с содержимым заливается кипятком и через 5 минут можно есть). Мы с Алмазовым, конечно, берем как н. з. тушёнку, курицу, рыбу. Поговорили о палатках: они берут свою двухместную мы — серебрянку. Ефимов пытался уговорить взять высотную — но я против, остальные поддержали меня. Согласовали количество верёвок, крючьев, примусов, бензина. В общем, достигли соглашения по всем обсуждавшимся вопросам к обоюдному удовольствию.

«Как самочувствие Рика?»

«Он обрел свою нормальную форму и спокойно выдержит восхождение. Сейчас только ест и спит» — ответил Чак. Аптечку они берут свою, мы — свою. Вертолет не прилетел.

18.07.78.

В 8 позавтракали и до 10 не спеша собирались. В 10 начали спуск с морены на ледник. Костя Клецко усевшись на камешек внимательно наблюдал за нами, запоминал проход и подтрунивал над Алмазовым, пошедшим «своим» путём и запоровшимся.

Чак при спуске с одного из сераков навернулся спиной о лёд, но все обошлось благополучно. Мы не заблудились и без блужданий и разногласий за три часа дошли до лагеря Эльчибекова. Там — только двое: Вадим и Гера Чуканов. Они сразу же начали нас кормить, выставили на стол шпроты, мясо, помидоры, яичницу, вскипятили чай. Потом Вадим притащил бутылку коньяка, и все выпили по 50 грамм за горы. Через час сверху с площадки «4600» пришла двойка Гоша Петров — Анатолий Лябин. Ещё выпили в память о 18 июля 1960 года на «Победе» и слегка расслабились. Чак подарил Вадиму значок Американского Альпийского Клуба; в ответ получил наш юбилейный спасательный значок «40 лет спасательной службе». Такие же значки Петров подарил остальным из нас, а Чак пообещал и им принести в следующий раз значки А. А. К. (сейчас с собой нет). В общем — атмосфера всеобщего мира и дружбы.

После коньяка американцам захотелось вздремнуть и их отправили в отдельную палатку. (Только на полчаса, а потом надоидти дальше) — говорили они между собой), а нас с Алмазовым стали соблазнять, чтобы мы уговорили всех остаться ночевать. «3 аржем барашка для гостей» — и гости дрогнули.

«Не будет ли невежливым, если мы сейчас уйдем?» — спросил Чак после сна.

«Нисколько. Вадим вполне понимает вас. Пошли».

«А может быть рациональнее выйти завтра пораньше, а нетащиться в эту жару?».

«И это верно. Ты главный среди своих, ты и решай».

«Я не решаю, у нас демократия». Единогласно решили остаться ночевать. Вадим и Чуканов к

шести освеживали барана, сварили вкуснейший суп. За едой снова заговорили о профессиях.

Эльчибеков — гидрогеолог, крупный администратор. Рик, оказывается, совсем не каскадер, а социолог, окончил в свое время университет, но на жизнь зарабатывает чтением лекций со слайдами, преподаванием в горнолыжных школах и на курсах по скалолазанию. С Эль—Капитана в первый раз прыгнул просто так, для собственного удовольствия. Потом получил 3000 за второй прыжок на съемках фильма о Джеймсе Бонде, организовал ещё несколько трюков для кино. Мечтает снять собственный фильм, комедию о горнолыжниках, современный вариант «Серенады Солнечной долины» и продать его за хорошую цену богатому продюсеру. Уже начал снимать, но предстоит долгая работа.

К 19 подошла наша четверка: Ефимов, Лаврухин, Павличенко, Душарин. Собираются подняться на пик Орджоникидзе по классическому маршруту (то ли 3А, то ли 3Б). Стали для них жарить картошку и много говорили о всякой всячине.

19.07.78.

Проснулся в 5:40, разбудил американцев. Зажарили себе яичницу попили чаю и в 7:10 не торопясь двинулись в путь. Гена Чуканов показал выход на леднике и вторично пересечь правую его ветвь к «ригелю», под склонами которого проходит тропа, оказалось нетрудно. К 10 подошли по тропе до места напротив которого через ледник начинается наше ребро на пик Орджоникидзе. Если идти по тропе дальше к площадке «4600», пересечь там маркированный уже ледник, а потом возвращаться по морене противоположного берега к началу маршрута, на это уйдет часов 5. Напротив нас ледник вздыблен в хаосе белых и черных сераков и трещин. Тем не менее, посоветовавшись, решили пересечь ледник именно здесь, чтобы не тратить ни времени, ни своих физических ресурсов на долгий обход. Мы с Алмазовым оставили за большим камнем рядом с тропой нашу заброску, которую должны были донести до «4600»: килограммов пять продуктов. На тропе положили Ефимову записку с просьбой не ругаться и самим донести груз до места назначения.

На леднике с высокой морены спустились сначала Чак и Бэн, потом мы с Алмазовым (когда Чак уже шуровал метрах в ста от берега), потом Рик, делавший записи в дневнике. Передовая двойка уперлась в белую полосу высоких сераков и там застряла. Мы чуть ниже по течению нашли часть прохода, но тоже запоролось. Потом Рик продвинулся немного вперед выйдя от нашего конечного пункта. И так по очереди сменяя друг друга мы вылезли, наконец, на срединную морену. В этом месте Алмазов стал настойчиво предлагать вернуться и пересекать ледник выше (ему показалось что дальше здесь нам никак не пройти), но общими усилиями его уговорили довести дело с проходом ледника именно здесь до конца. В результате, часа за два с половиной мы выбрались на осыпь у подножия восточного ребра пика Орджоникидзе.

Устроили среди моренных глыб ленч, отдельно, по американски. Мы, метрах в 40 выше их, вскипятили чай и с большим удовольствием поели ветчины с луком и хлебом. Они вкушали сублиматы.

Минут через 40, когда мы собирались позвать наших друзей подниматься выше и глянули вниз, то увидели, что американцы занимаются веселым занятием: пытаются свалить вниз огромный, тонны на 2, камень. Чак и Бэн то по очереди упирались в камень, то, опять же поочередно, бросали в этот камень моренными обломками весом килограммов по 20. Рик,

пытаясь внести свою лепту, издали бросался камешками граммов по 200.

«Вместе, давайте вместе» — заорал я им, и мы направились было к ним на помощь. Но, сообразив, что вместе действительно лучше, они свалили камень, и он с огромным шумом рухнул вниз, долетев до ледника.

Перед выходом через час (т. е. около 15 ти), мы устроили совещание как идти: гребень развален, пересечен в множестве башнями; с гребня спускаются осыпные и закрытые стенками кулуары; вариантов подъема очень много. Наметили на гребне точку общего сбора и двинулись так, как каждому захотелось. Бэн тотчас же вылез на скалы потруднее и полез не стесняясь сбрасывать под себя мешавшие ему камни. Алмазов пошел понизу далеко вперед, пытаясь найти осыпной кулуар, который сразу вывел бы его к месту сбора высоко на гребне. За мной по среднему варианту подъема пошли Чак и Рик. Чак скоро откололся и только Рик в своей пиратской красной шапочке — колпаке неотступно держался метрах в 5-ти сзади меня.

По дороге на леднике я сказал, что он своим видом и фамилией ассоциируется у меня с пиратом коком Сильвером из «Острова сокровищ». Он читал Стивенсона и охотно подхватил тему:

«Но Сильвер был одноногий».

«Ладно, выше пояса ты Сильвер, а ниже пояса — Сильвестр». Он расхохотался.

Вообще, Рик оказался самым начитанным из всех иностранцев, с кем мне приходилось встречаться. В лучшем случае типичным ответом на вопрос кого из русских писателей вы читали, был: Толстой, Достоевский, Солженицын. Мы с Риком как-то вечером заговорили о Пушкине. Вмешался Бэн —

«Я знаю Пушкина. Читал».

«Что же именно ты читал?».

«Я читал, что он знаменит большим количеством любовниц. У него их было штук 113 или 115. Этим он и прославился».

«А его стихи или прозу ты читал?».

«Нет, не пришлось».

Рик объяснил, что в Штатах читают очень мало. Большинство предпочитают другие виды отдыха: муви, тиви, нейче (пикники на природе). Сам он очень любит читать. Знает Гоголя, Лермонтова, Пушкина. На восхождение взял с собой «Рудин» Тургенева. Любимая книга — «Воскресенье» Толстого. В восторг его привели рассказы Айтматова (я специально привез с собой изданные у нас на английском эти рассказы и «Тихий Дон»).

«Это я буду долго читать и перечитывать. Айтматов большой писатель» — говорил он мне на следующее утро.

«Долго читал?».

«До двух ночи».

Так не торопясь мы и поднимались. Рик, видно, не оправился от своей слабости, и лицо его казалось измученным. Часам к шести в сотне метров над собой я увидел Бэна. Он кричал, что находится на гребне, нашел удобное место для ночевки. Когда собрались все пятеро, он уже выложил неплохие площадки для палаток. Поужинали «бефстроганов» с грибами и чаем с бутербродами. Бэн и Чак легли спать в своей двухместной палатке из гортекса (полотно, которое по уверениям фирмы, пропускает пар и задерживает жидкость), а к нам присоединился Рик; мы его положили в середину. У него отличный спальник: сверху водоотталкивающая ткань, внутри — хлопковая ткань; наполнитель — натуральный гагачий пух.

20.07.78.

Вылез в 6:30. Погода — изумительная, все вокруг сияет. Зажег оба примуса: их керосиновый и наш бензиновый «Шмель». К 7:30 приготовил манную кашу на сгущенке с изюмом, все с аппетитом поели. Вышли в 8:45. Чак и Бэн сразу же унеслись вперед без веревки, каждый лезет в одиночку. Мне же, как только мы прошли метров 100, захотелось связаться: есть куда падать и очень далеко, и есть из-за чего падать, разрушенные скалы могут в любой момент подвести. Связались вдвоем, подцепился третьим Рик. Скоро уперлись в башню, и я не смог вылезть на нее с рюкзаком. Снял, залез, вытянул к себе свой рюкзак, принял Рика, тот — Алмазова. Дальше — проще и Рик отвязался. Мы поговорили и тоже пошли отдельно; веревка замедляет движение, а сильно отставать от Чака и Бэна не хочется.

Метров через 200 встала новая башня. Мне показалось, что пройти её в лоб будет просто и я полез, а Алмазов пошел искать обход. Наверху у меня оказался сомнительный участок и я не стал рисковать спустился и пошел следом за Валерием. Пройдя по осыпи метров 50 увидел пугающую картину: разделенные расстоянием в несколько десятков метров Валерий и Рик лезли каждый своим маршрутом, оба под скальными карнизами и на грани срыва. Рик через несколько минут отказался от своих попыток, слез пониже и сидя стал смотреть на Алмазова: напряженное дыхание того заглушало шум ветра и дальние звуки горных потоков. Выдержать такое зрелище я не мог, помочь тоже, пошел дальше и через 10 минут нашел путь вверх, легкий и безопасный. Крикнув Рику, чтобы он шел сюда, я быстро поднялся на башню и оказался выше и впереди Валерия. Он все-таки преодолел свой карниз и медленно, отдыхая двинулся за нами следом. Так до часа дня мы развлекались, то идя по простой осыпи, то залезая на сравнительно трудные башни. Ещё один раз воспользовались верёвкой.

Психологически идти в одиночку здесь было не трудно, т. е. в случае срыва падение завершилось бы на недалекой осыпи, достаточно пологой, чтобы задержаться там. Другое дело, когда в конце дня я был вынужден лезть в одиночку по скалам средней трудности, состоящим из отдельных камней, и когда срыв привел к двухкилометровому полёту по снегу. Сначала (вернее, первые сто метров рёбра перещупывали бы крутые скалы, торчащие из снега), а потом по ледопаду, обрывающемуся на ледник. Мы лезли по острому гребню, поднимающемуся круто вверх. Не раз у меня замирало сердце, когда камень или плита, которые я пытался нагружать, начинали двигаться на меня. Один раз пришлось с большим усилием плавно опустить плиту на старое место, чтобы не обрушить этот снаряд на головы идущих следом Валерия и Рика. Чувство нереальности, дурного сна, ночного кошмара пронизывало весь этот подъём. Только разбавляя эти ощущения нарочитой замедленностью движений спокойствием и постоянным мысленным напряжением удавалось заставить забыть

себя, что движешься без страховки, без верёвки.

Рик не выдержал первый, попросил веревку, и дальше метров 150 до снега мы шли одной с ним связкой. Он попросил, наверное, не потому, что привык к веревке больше, чем Чак и Бэн, а просто потому, что был не в форме. Те лезли спокойно — они всю жизнь лазили так у себя в Штатах.

С часу до двух у нас был ленч. Мы вскипятили себе чай, они запивали пищу водой из своих water-bottles с витаминами и стимулирующими таблетками.

На ночевку остановились, выйдя по скалам на верхнюю, снежную часть пика. Алмазов снова заставил поволноваться (я помимо прочего обязан волноваться как руководитель восхождения, так записано в нашем журнале выходов). Пока мы с Риком поднимались в связке по скалам, он ушел в одиночку на стену слева. Очень плохо смотрелось его индивидуальное лазание. Я выматерился вслух, а Рик по-английски поддержал меня:

«Очень глупо лезть по самому опасному из имеющихся путей». Но все кончилось благополучно. Вылезли и часа полтора вырубали площадки для палаток. Опять поспорил с Валерием: он против того, чтобы выложить ледяное ложе каменными плитками, хотя черепицы кругом полно. Пришлось поработать одному, и минут за 15 каменная изоляция была готова (у нас мало теплоизолирующих вещей внутри палатки).

На ужин американцы сделали свой сублимированный гуляш из множества овощей с говядиной — вполне вкусно. Одного пакета весом 250 гр. хватает на ужин для двоих. Наша обязанность — чай и бутерброды.

Вновь отдыхали с Риком в разговорах о литературе, о жизни. Из современных американских писателей ему нравится Курт Воннегут. Неодобрительно отозвался о Гарольде Роббинсе — коммерческий писатель (я читал пару книг Роббинса, полу-порнографических, полу-жесточких, полу-деловых с оттенком психологичности). Артур Хейли — неглубок, по его мнению. В университете он изучал шведскую литературу. По его словам в Штатах сейчас упадок в гуманитарных науках. Очень часто хороший инженер практически неграмотен. Учителя не пользуются уважением; в школах нередко драки учителей и учеников.

21.07.78.

Утром Бэн ухитрился разжигая свою керосиновую плиту (так они называют примус), опрокинуть нашу кастрюлю с натопленной водой, улетевшую на ледник. Хотя полет кастрюли мы видели и слышали, Бэн спустился метров на 50, почти до скал ребра и вернулся с крышкой от неё. Пригодится. На завтрак американцы сделали яичницу с беконом. Не понравилось, т. к. вкус специфически синтетический, и мы с Алмазовым развели пару банок тушёнки водой до уровня пюре, подогрели и все с аппетитом поели, выбросив остатки яичницы. У Рика, несмотря на головную боль, хороший аппетит.

В 8:30 пошли по снежно-ледовому склону вверх. В кошках, стянутые ремнями ноги сразу стали стынуть. Через пару часов на высоте 6000 м остановились перекусить. Хочется пить, но фляжек с водой у нас нет, американцы своих запасов не предлагают, примус кочегарить — долго, приходится терпеть. Рик сделал несколько снимков Чака и Бэна для рекламы каких-то укрепляющих пилюль. По вкусу гораздо неприятнее нашего декаме Вита, но

действует быстрее и дольше. Некоторое увеличение бодрости, продержавшееся весь день, ощутил через час. А может быть эффект чисто психологический.

Ещё спустя два часа подошли к последним предвершинным скалам. Чак и Бэн быстро пролезли в одиночку, спустив мимо несколько камней. Посмотрев на весьма крутой лед под нами, я достал верёвку и попросил Алмазова пристегнуться. Рик пошел на скользящем репшнуре. На последних двадцати метрах скал Валерий неожиданно, не говоря ни слова, отвязался и бросил свой конец. Рик удивленно посмотрел на нервного и усталого Валерия и тоже снял свой репшнур. Мне ничего не оставалось, как смотать веревку (не очень приятная процедура на крутых и разваленных скалах). Обошли первую двойку; отдохавшую на удобном месте, вышли на острый снежный гребень и сразу связались основной веревкой с Риком. Валерий ведет себя непонятно: то пристегнётся карабином к середине, то отстегнётся.

«Ты, что нервничаешь?».

«Сам не знаю. Надоело».

«Успокойся. Скоро вершина. И гребень стал шире».

Дальше ситуация слегка осложнилась, т. к. нас накрыло густым облаком, видимость — метров 50. Все предлагают свои решения: Бэн хочет лезть вверх на мощный гребень с карнизами, Рик — идти вниз, Чак — траверсировать склон. Его предложение показалось мне самым разумным: мы должны где-то пересечь следы нескольких эльчибековских групп, совершающих восхождение по обычному маршруту. По их следам мы и поднимемся на вершину. А лезть сейчас в тумане на карнизы — безумие. Незачем и вниз уходить не побывав на вершине, кроме того — под нами ледопад. Я быстро ушел вперед, потеряв остальных в тумане и минут через 20 наткнулся на свежую цепочку следов, ведущих к вершине, и россыпь следов спуска. Через несколько минут я оказался на вершине, а ещё несколько погодя поодиночке подошли все остальные. Сфотографировались, посидели и пошли вниз.

Рик отстает, сначала слегка, потом сильнее и сильнее. Бэн бежит впереди, я — рядом, пытаюсь придержать его. Ждем, остановившись, Рика сначала полчаса, потом ещё больше.

«Бэн, нет ли у американских восходителей правила разгружать слабейшего?»

«Такого правила нет, а идея хорошая».

Пока ждали поговорили. По его словам, альпинизм в США гораздо более индивидуален, чем у нас, и это имеет свои плюсы и минусы.

«Но жаль, что у нас нет такого чувства дружбы, взаимопомощи даже между давними партнерами, как у вас».

Рика разгрузили (по паре килограммов взяли мы с Алмазовым, около килограмма получил Бэн) и он пошел резвее. Снег кончился и мы пошли по некрутому скальному гребню. Мы сверху видели как шли здесь эльчибековцы и какое-то время спускались уверенно. Но вот путь стал неоднозначным и неприятным (мы шли поодиночке). Рик поскользнулся и чуть не загремел. Я предложил свалиться налево, в каньон, по дну которого протекал ручей.

Сверху было видно, что русло спокойное, спускаться вдоль ручья легко. Опасен только нависающий сверху ледник (но он далеко, успеем укрыться, если что-нибудь сверху свалится) и неясен выход из каньона.

«Вдруг там трехсотметровый водопад?» — пошутил Чак. Однако, все обошлось хорошо. Спустились за два часа до одной из ветвей Бивачного. Здесь Бэн предложил ставить палатки и ночевать, но зная, что лагерь «4600» где-то рядом я предложил подождать. На связи в 20:00 уточнили место лагеря и за 20 мин. добрались до него. Теплая встреча с эльчибековцами: кормят гречкой с мясом, луком, чесноком, поят чаем. Из нашей экспедиции здесь Лаврухин и Душарин. Американцам отдали нашу памирку для сна, сами разместились вчетвером в высотной палатке. Разговаривали до 24х, долго не спали. Нас оставляют ждать вертолет, который завтра должен сбросить сюда часть грузов.

22.07.78.

Суббота Лаврухин и Душарин ушли в 6, разбудили и уснуть уже не удалось. В 8:30 прилетел вертолет и со второго захода сбросил ящик и бочку; с третьего — ещё три предмета, горючее для экспедиций Черевко и нашей, ящик с продовольствием. Ребята эльчибековцы быстро все подобрали, принесли, рассортировали помогли складировать. В 11:30 пошли вниз. Рик устал, идёт тяжело, но на вопрос не трудно ли ему, на соболезнования «потерпи ещё часа 4–5 и мы будем на базе» ответил широко раскинув руки:

«Вот мой дом — это синее небо, сияющее солнце, белые горы, ледники, моренные тропы. В этом доме мне не страшны ни боль, ни усталость! Я готов терпеть сколько угодно, лишь бы продлить обитание в этом доме».

Такую длинную и вдохновляющую тираду произнес. При переходе ледника к лагерю Эльчибекова встретили группу Чуновкина (команда «Труда» из разных городов планирует восхождение на восточную стену пика Коммунизма, как и эльчибековцы). Радостная встреча с моими воспитанниками: Володя Пиценко был новичком в «Джайлыке» у меня в отделении, Жору Джиеова я не раз водил на восхождения на Ростовских сборах в Узунколе, Алибеке, Домбае — теперь он стал чемпионом СССР. Иван Слесов так и остался хохмачом, балагуром, весельчаком. С американцами он начал изъясняться на невообразимом англо-русско-немецком языке, и те прекрасно поняли его анекдоты (что неясно — я помогал разобраться). За 20 мин трёпа все взбодрились, отдохнули и расстались (навсегда, потому что Джиеов и Слесов погибли год спустя на пике Революции).

У Эльчибекова ждал обычный хороший прием: суп, компот, чай. Ниже — на пути в наш базовый лагерь произошла ещё одна встреча, с Клецко и Олегом Борисёнком, идущими на акклиматизационное восхождение в составе экспедиции Черевко. Вместе с Олегом мы поднимались на Эльбрус в мае 77, работали в лагере «Памир 77». Спокойным и доброжелательным он оставался в любых ситуациях.

«Не ледник, а Бродвей» — пошутил Чак. На морену у лагеря мы вылезли в 19, пройдя путь от Вадима за 2 часа. Алмазова осенила идея. Он вспомнил развлечение американцев и предложил столкнуть на ледник с морены камень. Двухтонного не нашлось, а вот глыбу килограммов на 500 мы со смехом впятером столкнули прямо в грязь, где мы только, что прыгали. Хохот, возгласы: детант, разрядка. Настроение бодрое и веселое. Такими мы и явились в лагерь, шеренгой в 5 чел. Улыбающиеся, руки на плечах друг у друга. Хороший

ужин и крепкий сон завершили день.

23.07.78.

Воскресенье. Спал, как убитый. Проснулся, сходил за морену и опять захотелось спать — на завтрак не пошел, со сновидениями спал до 11. В 11 разбудил Ефимов — оказывается мы с ним дежурные: все у нас получается неожиданно. Ефимов предложил: до обеда дежурит он, после обеда — я. Так и сделали, отдежурил нормально, т. к. спасибо, помогла Татьяна перемыть ворох грязной посуды. Потом ужин, чтение, сон. Спать хочется постоянно — признак хорошей формы, организму нужен полноценный отдых. Бэн между прочим сказал, что ходил на лекции Солженицына, когда тот был в США.

«Ну и как?»

«Он производит впечатление ненормального человека. Слушать его очень тяжело. Критиковал Америку за то, что у нас нет жесткой власти».

«Как же так? Нас он постоянно ругает за грехи и преступления жесткой власти, а у вас хочет именно такой власти?»

«Он непоследователен. Сначала говорил одно, потом сам себе противоречит. Ты читал его произведения?»

«Да, то что у нас издавалось».

«Думаешь всё это было на самом деле?»

«Наверное. Не знаю. Мне не приходилось разговаривать ни с кем, кто был реабилитирован и освобожден из лагерей. Но я хочу заметить, что и у вас была кампания маккартизма в свое время. Как ты к ней относился?»

«Не знаю, меня она не коснулась».

«А знакомых?»

«Не припоминаю».

На этом разговор перешел на другую тему.

24.07.78.

За завтраком Рик пожаловался, что ему было холодно спать, т. к. он оставил спальник и почти все снаряжение на «4600». Я пообещал дать ему свой свитер. В 12, неожиданно, Сергей объявил, что надо идти на скальные занятия. Нет, чтобы сказать об этом хотя бы за завтраком. Все планы по стирке, писанию писем, мытью полетели насмарку. На скалах Сильвестр продемонстрировал свои способности; лазает прекрасно, лучше любого из наших и своих ребят.

После обеда устроили развлечение, микроолимпиаду по 6-ти видам программ для 14 участников:

1. Бег задом вдоль круга, чертя рядом палкой по земле (мое третье место, американцы поплюхались в пыль).
2. Задержка дыхания под водой (рассмешили и в итоге получил только пятое место).
3. Броски камня с катящегося баллона (2-е место).
4. Сбивание банки камнями.
5. Прыжки разными способами.

Завоевал общее пятое место. А первое место захватил Миша Азаренко из числа эльчибековцев, пришедших к нам захлебом. Второе место — у Ефимова. Призов было шесть и мне достался карабин «Ирбис».

Поздно вечером вспомнил, что надо занести свитер Рику. У него в палатке холодно, как-то сыро и одиноко.

«Почему вы все расположились поодиночке? Даже вдвоем было бы значительно теплее».

«Наверное по привычке».

«А спальником кого-то из улетевших ты не можешь воспользоваться?»

«Это не этично».

«Ну ладно, держи свитер, хоть чуть согреешься. А то, иди к нам в палатку».

«Нет не пойду, спасибо».

Я собрался уходить, но Рик, оказывается, подготовил мне подарок, хорошую книгу Ивона Чунара «Лазание по льду» с дарственной надписью, от которой у меня челюсть отвалилась («тигру скал», «снежному леопарду», всегда готовому придти на помощь... и т. д.) долго читал, пока не сгорела свеча.

25.07.78.

День выхода на пик Коммунизма. Обычная суматоха, но и споры по принципиальным вещам, которые могут затруднить или облегчить восхождение. Наше с Алмазовым решение взять с собой памирку (а не высотную палатку) и ночевать так, как мы ночевали при подъёме на пик Орджоникидзе, почему — то вызвало сильное неодобрение Макаукаса и руководства. В итоге наши оппоненты остались при своём мнении, а мы взяли всё-таки памирку.

Второй вопрос более важен, т. к. касается всех. Как готовить пищу? Макаукас и руководство настаивают на общей кухне для 8-ми человек. (Под руководством Бычкова мы

собираемся подниматься на пик Коммунизма по пути Евгения Абалакова: Лаврухин, Павличенко, Макаукас, Алмазов, Овчинников, Крогер, Сильвестр. Вторая группа под руководством Ефимова пойдет по контрфорсу Воронина: Байбара, Душарин, Рид).

Я возражаю, т. к. у нас нет ёмкой посуды, самая объемистая на 2 литра, т. к. не будет времени на восхождении готовить на всех, т. к. появятся ненужные сложности. По моему мнению надо готовить для палаток отдельно, не более, чем для 4-х человек и отдельно набирать продукты с учетом вкусов американцев. Но с начальством много не поспоришь. Бычков победил, пришлось набирать продукты на всех разом.

Поговорил с Бычковым, чтобы темп восхождения, был не слишком велик, не загнать бы Рика. Ничего определенного наш руководитель не пообещал.

Вышли, но не все, из лагеря в 16. Идти приятно, рюкзаки легкие, т. к. несем только часть необходимых продуктов, все остальное уже заброшено на «4600». Не торопясь за 2, 5 часа добрались до лагеря Эльчибекова. Самого его нет — ушел на «4600». Принял Гоша Петров, довольный тем, что по моему напоминанию Чак Крогер подарил ему значок А. А. К. Много чаю с замечательным грушевым вареньем. Читаем старые журналы. Американцы учатся играть в нарды.

Часом позже пришли Макаукас с Бычковым и сразу начали ругаться: зачем их оставили, одних с прилетевшим накануне Виталием Медведевым, очень плохо он шёл через ледник. И принесли новость: вертолет, который мы видели с ледника привез троих выздоровевших американцев. Один из них, Стив Хэкет рвется с нами на пик Коммунизма. Долгие переговоры на вечерней связи завершились тем, что Стива должна завтра захватить группа «Труда».

26.07.76.

Пятеро остались в базовом лагере Эльчибекова встречать Стива: Бычков, Ефимов, Крогер, Медведев, Вадим Зайцев. Остальные 9 ушли в лагерь «4600». По дороге, по моей глупости, произошел неприятный инцидент с Виктором Байбарой. Он очень любит поиграться с американцами, показать им свое расположение, похлопать по их плечам, пощекотать сзади, шутливо побороться и поддаться в борьбе. Двое, Чак и Рик, воспринимают это нормально, а Бэн смотрит настороженно и с беспокойством. Когда мы возвращались с пика Орджоникидзе на леднике разговор коснулся сексуальных проблем, женщин. Бэн, в частности, заметил, что в Штатах много клубов гомосексуалистов и он лично не понимает этих людей, для него рай — это множество красивых женщин, а он у них — начальник.

«А в экспедиции у вас, русских, все обычные?» — спросил он.

«Конечно» — ответил я.

«А Виктор, не гомосексуалист?» Я расхохотался -

«Будь спокоен, нет».

Но рассказывать об этом разговоре Виктору я не стал, постеснялся, а зря. Вот и сейчас, во время отдыха на тропе Байбара стал щекотать Бэна, а тот смущенно уворачивался.

«Виктор, оставь Бэна в покое, он не любит этого, он не член гомосексуалистского клуба» — не подумав, как-то машинально, произнес я. Конечно, Виктор страшно обозлился. Я сожалел о сказанном, но было уже поздно. Несколько раз за время пути он произносил в мой адрес нехорошие слова (один раз мне; дважды — не мне, но так, чтобы я слышал). Ну да ладно, потом с ним поговорю и извинюсь.

Лева Павличенко очень аккуратно провел через ледник до лагеря «4600» и к 14 мы были на месте. Эльчибеков угостил вкусным супом. К 17 подошёл один Бычков, ругающий из-за Стива всех американцев вместе взятых: он тащил тяжеленный рюкзак Стива, а тому отдал свой, легкий. Немного позже пришли все остальные наши. Стива пока решено подсоединить к двойке Медведев — Зайцев на пик Орджоникидзе по классическому пути.

К вечеру, столкнувшись воочию с проблемой приготовления пищи в маленькой посуде на примусах для большой группы, всем стало ясно, что готовить надо отдельно. Но вот что интересно: если Бычков смущенно помалкивает, то Дайнюс прямо-таки разгорается в защиту индивидуальных варок (для групп в 4–5 чел) словно забыв, что совсем недавно он также азартно выступал за общую кухню (его главный тезис был, что общая кухня объединяет).

«Тызабыл про коммунальные квартиры» — съязвил я тогда).

Группа Ефимова в сильной спешке ушла к началу маршрута Воронина (мне показалось, что они спешили избавиться от гама, суеты и неопределенности, царящих среди членов нашей экспедиции на площадках лагеря «4600»).

27.07.78.

Толя Бычков устроил день отдыха перед окончательным выходом на маршрут. После завтрака (готовившегося самостоятельно, мы накормили Чака и Рика), пошли с Алмазовым на ледник поискать проход сквозь лес сераков к началу подъёма на абалаковский гребень. Структура ледника здесь совершенно иная, чем пятью — десятью километрами ниже. Почти нет глубоких трещин, поверхность изрезана колоссальными сталагмитами, но между ними, как правило, есть равные проходы с ручейками. Тупики в проходах, или водоразделы легко проходимы. За час пересекли ледник и по прибрежной морене, гораздо более неприятной, чем сам ледник, подошли к ребру. Обратный путь хорошо промаркировали каменными турами. Встретили и проводили на восточную стену пика Коммунизма команду «Мехмата» Калинина, Путинцева и ещё троих. Завидую им: идет настоящая работа на приятной стене со старыми товарищами.

К половине третьего усталые и сильно проголодавшиеся вернулись в лагерь «4600», а там как раз что-то доедали. Подошел Виталий Медведев и сообщил, что он сварил рисовый суп из пакетов, но суп уже съели и сожалеть об этом не стоит, т. к. суп получился дрянной. Никто из остальных не предложил ни чаю, ни перекусить. Ну что же, сами мы настаивали на индивидуальной готовке. За полчаса приготовили обед из трех блюд, благо продуктов полно и примуса свободны, поели и угостили желающих.

В середине дня подошел народ из экспедиции Черевко. В прошлом году из-за нелепого случая на плато пика Коммунизма у них погиб один из участников восхождения. Сейчас специальная экспедиция планирует снять тело. В составе этой украинской экспедиции

киевлянка Ася Клокова, одна из пяти женщин команды Эльвиры Шатаевой, с которой в 73 м году мы встретились на вершине Ушбы. Именно Асю я встретил первой, когда спустился навстречу ей с острроверхой макушки южной Ушбы, чтобы облегчить выход женщинам на вершину. Сейчас она не узнала меня. Мы пригласили её, усталую и какую-то поблекшую, к нам в палатку на чай, удобно устроили, отпоили, дали отдохнуть. Потом пошел трёп.

«Ты помнишь траверс Ушбы в 73? Расскажи как вы выходили на южную вершину» — попросил я её.

«Ой, мы встретили там команду из «Джайлыка» и не знали радоваться или огорчаться. Огорчаться, потому что мы хотели пройти весь траверс одни, без мужиков. А радоваться, потому что уже сильно устали и всё надоело».

«Кто-нибудь из ребят «Джайлыка» пошел вам навстречу перед вершиной?».

«Да, ты знаешь, я прекрасно помню эти мгновения. Я передвигалась оседлав острый снежный гребень верхом и вдруг вижу, навстречу мне идёт во весь рост из тумана какой-то амбал под 2 метра ростом, и ледорубом снег с гребня перед собой этак, как веничком сметает в обе стороны».

«Неужели он был такой здоровила?».

«Ну, может, и не два метра, но близко к этому».

«Я не напоминаю его?».

«Ну, как посмотреть, конечно, но все-таки, пожалуй, скорее нет».

«А ты не помнишь, как этот амбал снял марлевою занавесочку у тебя с лица и сказал, что надо знакомиться без декорации?».

Она удивленно посмотрела на меня и спросила через некоторое время:

«Так это был ты?» Мы все рассмеялись. Потом пришел к нам Виталий, американцы. В палатку набилось человек 8. До поздноты разговаривали, пили нескончаемый чай. Было хорошо.

28.07.78.

Четверка Бычкова вышла из лагеря в 7:40. Нас с Алмазовым оставили узнать, что будет нового на утренней связи и с американцами идти за ними. Стив жалуется на нашего врача, что тот запрещает ему идти на пик Коммунизма, заставляет зачем-то сидеть здесь двое суток перед восхождением на пик Орджоникидзе. Я как мог утешил его и заметил, что все это нужно ему же. Нельзя на семь с половиной километров подниматься без соответствующей подготовки. На связи узнали, что Карлос вышел сегодня со второй группой Черевко и к вечеру будет здесь. Рейли же ушел вчера погулять вниз по тропе и пока не вернулся; похоже, что украинские женщины пленили его. Как только кончилась связь вышла и наша четверка. За два часа добрались к началу маршрута, простым скалам, где минут 40 ждали нас остальные. Бычков начал упрекать за задержку, но я объяснил ему, что по его же

распоряжению мы ждали конца радиосвязи.

В 11 начали подъём слева от маленького висячего ледника по черепитчатому основанию засыпанному плиткой. Справа из-под ледника течет ручей, время от времени летят камни. Оба американца вышли с ледника позднее на полчаса и идут, в отличие от нас всех, не связываясь (веревка здесь и в самом деле только затрудняет подъём).

Алмазов идёт тяжело и пользуясь тем, что мы обязаны хотя бы видеть идущих ниже американцев, я постепенно сбавляю темп и даю ему отдохнуть. К часу дня он уже сильно выдыхается, лезет крайне медленно (странно, т. к. у нас рюкзаки по весу одинаковые), и мы устраиваем ленч. Рядом по скалам струится поток талой водички из снежника наверху. Кипятим на примусе, едва уместившемся на камне острого икрутого гребня, чай, едим сыр, колбасу, лук, сахар. Американцы довольны. На все предложения о меню говорят «о'кей». Алмазову после отдыха лучше, и в 17:30 мы подходим к нашей передовой четверке; они уже поставили свою высотную палатку и устраиваются. И мы делаем две площадки на широком здесь гребне на высоте 5600 метров.

По одну сторону гребня, на юг уходит скальный крутой склон; на север к основанию мощного крутого ледника со многими ледопадами спускается снег. Именно по этому леднику поднимался сюда на гребень, где мы сейчас отдыхаем, Евгений Абалаков в 33 м году. Но иногда сверху отрываются колоссальные глыбы льда и их осколки простреливают километровую ширь. Остатки таких обвалов мы видим ниже нас. Поэтому мы поднимались не так как Абалаков, а по скалам, с другой ветви Бивачного. А вот дальше мы действительно пойдем по его следам. Следов было много и на «4600», там где был разбит базовый лагерь экспедиции 33 года. Совсем рядом с палатками 78 года лежит в каменном склепе скелет таджика-носильщика, умершего от пневмонии 45 лет назад. Сквозь многочисленные щели видны белые кости, и ни один из современных обитателей лагеря не избежал искушения посмотреть на них, постоять рядом и поразмыслить. И скелет и могила не меняются уже много лет. На леднике мы находим разбитые детали старой радиостанции, вьючную упряжку и даже металлические этикетки от упаковки продуктов. Ледник тогда был более приветливым и спокойным, чем сейчас.

В 20:00 зашел Бычков и поинтересовался как наши дела и сказал заодно, что выходим завтра в 9:00. Сообщаю об этом американцам. Они сонно кивают. После сытного ужина (овсяный суп с мясом в соусе, сосиски), их развезло и, кажется, они плохо воспринимают всё сказанное. Ночью снятся кошмары: то камнепад, то ледопад, причем пейзаж сновидений почти неотличим от реального нашего окружения. Кашель Валерия и заложенный нос заставляли несколько раз просыпаться.

29.07.78.

Как и было сказано, первая четверка начала дальнейший подъем в 9:00, а нам удалось выйти только в 9:45. И то пришлось подгонять американцев: они какие-то заторможенные, механически поели и попили, не торопясь, размеренно свернули палатку и собрали рюкзаки. Впечатление такое, что они не рвутся на вершину, а раздумывают, не повернуть ли обратно. Но такого поворота дела никак нельзя допустить, чтобы из шести поднялся лишь один Бэн. И кроме того, не подумает ли Бычков в случае отказа их от восхождения предложить нам сопровождать их вниз? Это совсем не исключено. Но вот и они медленно тронулись за нами следом.

Начало простое: идём по грани снега и крутой осыпи. Первый жандарм обошли слева по заледенелым полкам, второй преодолеваем в лоб, на третьем начинается уже вполне серьезное лазание. Американцы сзади пока шли без веревки и не отставали, но на третьем они связались и резко сбавили темп. Перед четвертым жандармом у нас с Алмазовым возникают серьезные разногласия по поводу, где лезть: он предлагает подниматься по мокрой, грязной и очень разрушенной черепице, а рядом приглашает к удовольствию монолитная скала с хорошими зацепками. Лезть по монолиту он категорически отказывается. Я быстро прохожу этот по-настоящему приятный участок (самый лучший из всего пройденного за день) и принимаю Валерия с верхней страховкой.

Верёвкой выше нас расположилась первая четверка, пьют чай и наслаждаются прекрасным видом. Говорят, что первая связка Макаукас — Лаврушин, сидит здесь полтора часа, а вторая, Павличенко — Бычков, отдыхает уже полчаса. Охотно верим этому и располагаемся рядом. Пока подходят Чак и Рик мы успеваем тоже вскипятить чай. Они с удовольствием размещаются на камнях. Чак устанавливает свою фляжку с соком так, что когда Макаукас одевает рюкзак, она вместе с камнем на котором стояла, летит вниз. Чак с сожалением смотрит ей вслед и горестно вздыхает. Они шли и собираются идти дальше на двойной 6-ти мм веревке, это очень неудобно, но зато — «маленький вес, облегчились». Вопреки моим рекомендациям набрали много лишнего: закладки, крюки, 6 пакетов сублимированных яиц. («Не будем мы их есть» — напрасно убеждал я их. Потом эти пакеты расклевали горные галки).

«Зачем ты тащишь жюмары с собой» — ещё на леднике спросил я Рика.

«Чтобы выбираться из трещины, если упаду туда».

«А не легче ли использовать в этом случае схватывающие узлы на петельках? Ведь ты несёшь ненужный груз. Оставь их».

Рик не послушался. Рюкзаки у них получились тяжелее наших.

Пообедав, двигаемся дальше. На скалах висят старые верёвки 33-го года толщиной от 12 до 30 мм, настоящие канаты. Несмотря на ненадёжный вид, они не рвутся, если даже повиснуть на них. Один из участков пятого жандарма труден для лазания: не будь веревок, пришлось бы проходить скалы без рюкзака и вытягивать рюкзак. Шестой жандарм завершает гребень. Дальше начинается длинный трехсотметровый участок крутых плит, покрытых осыпной черепицей, технически совсем не сложных, но требующие аккуратности. (Не свалить камней на голову идущих ниже). Идем поочередно, по тридцать метров и страховку организуем за выступ. Пройдя так веревок восемь, вылезает, наконец, на узкий скользкий гребень, расширяющийся и упирающийся в снежные поля, ведущие к вершине пика. Высота примерно 6200 м.

Здесь находится традиционное место для ночевки, видны 4 площадки. Одна из них занята высотной палаткой, на второй располагаемся мы с Алмазовым в серебрянке, а на третьей размещаются появившиеся получасом позже американцы. Они сильно устали. Без слов ставят свою желтую маленькую палаточку, залезают туда и затихают. Красиво отсюда смотрятся окружающие горы: с одной стороны стены на пик Известий замыкают один из цирков Бивачного, с другой стороны небо режет острый нож гребня пика ОГПУ. Рядом с нами, кажется можно пощупать рукой, висит ледник, собравший миллиарды тонн воды снежных полей пика Коммунизма. Отдельные глыбы размером с двадцатиэтажный дом

готовы вот–вот рухнуть вниз. Солнце опускается к зубчатой линии горизонта. **На это великое можно смотреть бесконечно.**

Развожу оба примуса, готовим чай и суп. Расположились спать. Но сон ко мне не приходит. Закладывает нос, дышать приходится ртом и рот пересыхает, появляется горечь, как от несвежего консервированного балыка, болит голова. Лежу без сна несколько часов и наконец, вылезая из палатки надыхаюсь. Решительно освобождаю нос от всего, что там есть: летит слизь, засохшая и свежая кровь, полоסקаю рот, дышу полной грудью холодный свежий воздух. Всё надо делать осторожно, чтобы не свалиться на отвесную южную сторону контрфорса, под ледопад. После этого часа на 4 крепко засыпаю.

30.07.78.

Воскресенье. С вечера договорились, что мы кипятим чай, а американцы готовят свою freeze dry food (в данном случае бефстроганов с грибами). Назначено и время выхода: 8:00. Мы давно готовы, попили, поели и начали укладываться, а они только проснулись. Из–за этого мы начали движение на полчаса позднее первой четверки, а Чак и Рик ещё четверть часа спустя. Гребень, по которому мы двигаемся, стал снежным, превратился в купол, а потом в ровное с небольшим подъемом неширокое плато. Условия для восхождения — идеальны: прекрасная, почти без ветра погода, неглубокий ровный снег. Идти очень легко. Скоро догнали передовую четвёрку, но до 13:00 они шли первыми, до места ночёвки группы Ефимова. Вчера его группа поднялась сюда на плато по контрфорсу Воронина (кстати одного из участников теперешней экспедиции Эльчибекова) и оставила часть своих вещей. Здесь все часик передохнули. Когда подходят Чак и Рик и устало валяются на снег (не забыв, впрочем, подстелить свои живописные коврики из пенополиуретана) у нас уже готов чай. После т. н. ленча оставляем и мы здесь часть своих продуктов, в том числе и замороженную американскую яичницу. Но вот заставить Рика хотя бы на время расстаться с жюмарами — это выше моих сил.

«Как вы себя чувствуете?» — спрашиваю их.

«В общем ничего, но постоянно ещё ощущаем слабость, головную боль».

«Это естественно при высотных восхождениях, а вы сейчас почти на полкилометра выше Мак—Кинли».

«Да ну?» — удивились они.

«Именно так. А расслабились вы сейчас морально. Раскисли. Я это называю разбабились. Ещё одни сутки и мы будем на вершине. Потерпите».

Долго я объясняю им значение слова «разбабились».

«Значит стали, как женщины? Так».

«Так. Как бабы, которые ноют и не желают собраться с силами».

«Но мы не ноем».

«Вслух не ноете, но словно специально показываете, как вам тяжело».

«Ладно, постараемся не показывать».

Дальше путь проходит по острию снежно–ледового контрфорса, в обе стороны висят ледовые карнизы или сбросы. Слева, в метрах трехстах ниже нас — широкое плато, а справа двумя километрами ниже лежит один из истоков Бивачного.

Спустя два часа подъёма, а после чая идётся хорошо, несмотря на мороз и щиплющий щёки ветерок, контрфорс расширился до небольшого плато размером 200 на 200 м. на высоте около 6900 м. Здесь предполагается заночевать. Начались обычные хлопоты с бивуаком, но отношения между нашими четвёрками сложились непривычно (если считать, что мы всё–таки шли единой спортивной группой под общим руководством Бычкова). Для выравнивания снежной площадки под серебрянку мы попросили у первой четвёрки лавинную лопату, которую нёс, как часть поровну разделённого общественного груза Макаукас.

«Нельзя, мы уже использовали лопату, как растяжку для нашей палатки» — был ответ. Когда подошли Рик и Чак и стали ставить свою палатку, мне пришлось перевести им тот же ответ на их аналогичную просьбу. Пришлось ровнять снег ногами и ледорубами лишние четверть часа. Потом я спросил разрешения использовать тот же ледоруб, что и они для крепления осевой растяжки нашей палатки.

«Конечно используйте» — ответил Павличенко, но Бычков поморщился и бросил —

«Не надо бы».

Мы с Валерием отказались от мысли использовать что–то из снаряжения, находящегося у нашей передовой четвёрки. Использовали для крепления серебрянки оба наших ледоруба, три ледовых крюка и обе пары кошек. Причём мои двенадцатизубые жёсткие кошки оказались очень удобными для крепления растяжек в мягком снегу. Американцы довольно быстро растянули свою полукаркасную маленькую палаточку из гортекса и забрались внутрь, предоставив нам право готовить ужин. Как обычно, они оставили свои пустые рюкзаки снаружи, но ботинки на сей раз втащили внутрь.

«Чак, к утру ваши рюкзаки засыплет снег» — предупредил я.

«Не беда, откопаем».

«Разжигайте примус и готовьте ужин».

«Мы есть не будем. Дадите нам хлебнуть чаю и будет отлично».

«Разведи хотя бы свой керосиновый примус и дай мне».

«Я устал и не смогу. Пожалуйста сам разведи».

Рик во время этой беседы просто лежал пластом — он перебрался к нам в «серебрянку».

«У вас так уютно и тепло, палатка высокая и дышать легче».

Минут десять я возился с их примусом, но керосин никак не желал разгораться. Пришлось хорошенько прогреть головку на нашем отлично работающем «шмеле», и только тогда их изделие стало нормально функционировать. Ни я, ни Валерий не обратили внимания, что немного керосина попало на снег между нашими палатками, и этот керосиновый снег я использовал для чая и для воды назавтра. Воду на завтра я залил во фляжку американцев и протянул на сохранения Чаку. Он хлебнул оттуда и спокойно вернул фляжку:

«Благодарю, но пить невозможно. Попробуй сам, сплошной керосин». И правда, оттуда тянуло густым и устойчивым керосиновым запахом. Чёрт побери, два часа ушло насмарку из-за моей невнимательности. Вылил и воду и чай и начал снова растапливать снег, взятый с чистого места. Пить так хотелось, что я отлил себе кружку керосинового чая и выпил. (Интересно, что никаких вредных последствий не было. Наоборот, керосин расслабил желудок, улучшил аппетит. А то, что отрыжка была керосиновая, весь следующий день, так это мелочь, повод для юмора всей нашей интернациональной четверки).

Снова согрели воды, промыли фляжки и заполнили. На чай сил не хватило, хлебнули все тёплой воды с супом и сухариками. С трудом проводили Рика, который никак не мог сообразить, где ему ночевать. Наконец, он сказал, что Чаку одному будет плохо и уполз в круглую дыру входа их палатки. После этого начали устраиваться сами и позавидовали американцам, имеющим замечательные коврики. Наша поролоновые подстилки не идут ни в какое сравнение, холод снизу щиплет за бока. Ночью то один из нас, то другой наваливались друг на друга, вызывая взаимное неудовольствие. И всё таки для меня это была самая лучшая ночь за восхождение: прекрасные сновидения чередовались с короткими пробуждениями. Смена позы и вновь крепкий сон. Из желтой палатки время от времени доносились сдавленные стоны Рика.

31.07.78.

С шести завтраком занимается Алмазов, а я пребываю в приятной полудреме. На улице сильный ветер с поземкой, мороз градусов 20. Наша двойка вышла через полчаса после четвёрки Бычкова, американцы за нами через 15 минут. Предварительно сняли желтую палатку, всё оставшееся положили внутрь нашей памирки и завалили её. Впереди всех по некрутому снежному склону прокладывала путь группа Ефимова, ночевавшая метрах в 150 выше нас. Следы быстро заносил снег позёмки. На гребне пика Коммунизма, на высоте около 7300 метров ветер пронизывал насквозь. Дождавшись американцев я спросил как дела.

Рик: «Плохо, но я обязательно дойду до вершины».

Чак: «У меня все о'кэй».

Разминулись с четвёркой Ефимова. Все они бодры, даже веселы и быстро возвращаются с покоренной вершины к палаткам. Перед вершинным взлетом нас встретили в защищённом от ветра закутке Павличенко и Бычков.

«Все ли у вас пойдут на вершину?» «Да». Бычков заранее написал записку и все мы двинулись дальше. Технических трудностей практически никаких. Жёсткий снег, кошки прекрасно держат. Кое-где остались ступени, сделанные восходителями поднимавшимися перед нами. Со стороны Фортамбека медленно поднимается какая то двойка. Пока они слишком далеко, чтобы понять откуда эта группа. Идём дальше и на середине взлёта

встречаем Лаврухина и Макаускаса, уходящих с вершины вниз. Осталось всего 50 метров, и вдруг на крутом неудобном месте у Бычкова соскочила кошка. Пришлось устраивать перила и темп резко замедлился. Чак идущий следом за мной, начал было ругаться.

«Чак, а не кажется тебе, что ругаться не стоит?»

«Это я так, от холода».

«Вчера нам тоже было не жарко, когда мы поджидали вас».

«Могли и не поджидать».

«Неэтично». Оба мы рассмеялись»

Вершина. Плоская широкая площадка из сланцевых плиток. Одну из них сую в карман на память. Несколько мемориальных металлических табличек укреплены на камнях. С горы видно к сожалению, только склоны, по которым мы поднимались. Облака километром ниже нас закрыли Памирское фирновое плато, ледник Беляева, гребень идущий к пику Россия. Вообще особого желания задерживаться нет. Мерзнет голова (у моей пуховки нет капюшона), руки (варежки слишком тонки для такого мороза). И только ногам, обутом в двойные итальянские ботинки, тепло и комфортно. Ботинки, приобретённые два года назад, прекрасно скроены, их резина отлично держит на любых скалах. Единственный недостаток — тяжесть искупается прочностью, теплом и удобством. Жаль, что в экспедиции 76 года их у меня не было. При воспоминании о конструкции «Спортобуви» меня бросает в дрожь. Делаем несколько снимков группы в разных сочетаниях и спешим вниз. Я на несколько минут задерживаюсь, чтобы разглядеть и вспомнить пик Корженевской, откуда в 74 и 77 годах разглядывал место, где стою сейчас. Сбылась мечта идиота. Не главная, конечно, но все равно приятно.

По ярким пуховкам с гербом Советского Союза узнаем тренеров МАЛа в лежащих на снегу перед вершинным взлётом людях. Это наши знакомые по прошлому году Георгий Корепанов и Борис Ефимов поджидают отставших от них мужиков из Академии Наук. Обрадовались взаимно и обменялись новостями о том, что происходит у нас и у них. Со стороны Фортамбака поднимаются 10 американцев, участников международного альпинистского лагеря и среди них 2 женщины лет по 45, бодрые и энергичные. Сказали, что Машков, руководитель альпинистских работ по программе Таджикской А. Н. лежит сейчас в больнице Душанбе: по неосторожности он устроил пожар в палатке и сжёг себе кожу сзади, на спине и пониже.

Холод и ветер заставил быстро расстаться; представил только обоих тренеров нашим американцам. Их поразило, что Борис Ефимов поднимается на семитысячник в 15-й раз, а Корепанов — в 12-ый. Бычков заговорил о спорткомитетских делах, а мы ушли. Обратный путь и легче и быстрее. Внизу на 6900 уже давно стоит высотная палатка; в ней Макаускас и Лаврухин. Изнутри доносится шипение примуса и глотки. Эти звуки вызывают у меня тошноту — пить хочется нестерпимо. Ну ладно, сейчас и мы вскипятим водички, напьемся и напоим наших нахлебников слабаков (они ещё далеко и много выше нас) и потом надо идти вниз и ночевать на скалах 6200 м.

Палатку ставить трудно: сильный холодный ветер выдирает из сухого снега все, что мы туда забиваем для крепления растяжек. И Алмазов слегка помутился: забил для коньковой

растяжки банку из-под консервов, слишком слабую и не подпускает меня с кошкой для замены, несмотря на то, что палатка валится. Из-за этого только через полчаса начали кочегарить примуса. И это непросто; полотнища палатки хлопают, как паруса, бьют по голове. Тем временем подошли и американцы и Лев с Бычковым. Те сразу залезли к себе в высотку и начали отпиваться, а Чак и Рик обессиленно легли у входа, в нашу серебрянку. Немного отдышавшись сообщили, что хотят идти на 6200, т. к. Рик очень плохо себя чувствует, его тошнит, болит горло и досаждают сильная головная боль. Говорю им:

«Подождите. Сейчас напьюсь чаю и пойдём вместе».

«Нет, мы не можем ждать. И пить не хотим».

«Ну немного отдохните, я скажу о вашем решении остальным».

Бычков и Макаускас приняли решение американцев в штыки:

«Уходить никому нельзя. Ночевать мы будем все здесь. Мы одна, группа и нечего устраивать анархию».

Пытаюсь образумить их:

«Какой же смысл здесь на снегу и на морозе ночевать, если до скал «6200» всего полтора часа неспешного хода».

В палатке у них (а я стою снаружи) задумались. Потом Бычков говорит:

«Идти сейчас вниз опасно. Снег подтаял и можно провалиться в трещину».

«Толя, ты шутишь» — говорю я — «какие трещины ты имеешь в виду? Много ты видел трещин, когда шёл вверх?»

Вмешивается Дайнюс:

«Руководитель принял решение ночевать здесь, и это надо выполнять».

«Дайнюс, неужели ты не понимаешь, что решение неразумно?»

В ответ доносится что-то неразборчивое. Иду к нам и прошу американцев все-таки задержаться немного, выпить крепкого сладкого чая. Но они начинают укладывать рюкзаки, чтобы идти вниз. Сообщают:

«Мы уходим». Говорю об этом Бычкову. Отвечает Макаускас:

«Чёрт с ними, пусть идут».

«А мы будем ночевать здесь?»

«Да».

«Ребята, ещё есть время, подумайте получше». Молчание.

Американцы уходят, а мы с Валерием через некоторое время начинаем блаженно прихлебывать чёрный густой чай с тоненькими кусочками сервелата. Тепло разливается по телу. Мы разваливаемся на спальных мешках в упоительной истоме. Все неудобства нас уже не касаются. Пускай снаружи холодно, ветер треплет палатку и бросается снегом. У нас внутри — микрорай, слышны поочередные причмокивания и долгие вздохи. Выпили по целой кружке и надо же, у нас в запасе есть ещё по целой кружке. Хорошо!

Неожиданно к нам заглядывает Лева Павличенко и сообщает, что у него болит грудь и горло, он не может ночевать здесь, а их четвёрка уходит сейчас вниз на скалы «6200» (Лева и в самом деле кашлял и ночью и днем. Похоже, что ему удалось победить нашего неразумного начальника).

«Очень разумное решение» — говорю ему — «но мы сейчас пьём чай и пойдем следом за вами в 18:00. Лезь к нам, глотни горяченького». Но он отказывается. Мы остаемся одни.

Возвращается реальность. Собираем рюкзаки и долго боремся с неподдающейся на ветру палаткой, осматриваем наш бивуак и прощаемся с холодным, но все-таки гостеприимным и добрым склоном горы.

За 25 минут мы спустились до высоты 6700, где расположилась спустившаяся часом раньше группа Сергея Ефимова. Виктор Байбара очень доброжелательно предлагает глотнуть вермишелевого супа. Мы благодарим, отказываемся и в свою очередь спрашиваем, не надо ли что-нибудь захватить вниз, у нас лёгкие рюкзаки. Они благодарят, отказываются и спрашивают не могут ли они быть нам чем-то полезны. Обмен любезностями занял у нас минут пять, и в хорошем настроении мы двинулись дальше. До скал «6200» дошли за один час. Тихо, тепло, совсем нет ветра. Но, к нашему сожалению нет места для нас, все площадки заняты: добавились две эльчибековские высотные палатки. Они подошли незадолго до нас и уютно устроились на теплых скалах. Мы с Валерием вынуждены до темноты ворочать камни, сооружая новую пятую площадку. Наконец, расставляем нашу серебрянку, залезаем и до 23-х «кейфуюм»: чай с мёдом (угостили эльчибековцы), еда, покой, удовлетворение победой.

01.08.78.

Встали в 8, не спеша покушали. Вверх ушли эльчибековцы, вниз прошла в 8:30 группа Ефимова, в 9 — четвёрка Бычкова. В 9:30 двинулись мы, 9:45 — американцы. Сначала Рик с Чаком шли не связываясь и догнали нас. Потом связались по просьбе Рика и сразу отстали: двойная веревка доставляет им много неудобств. Мы с Валерием постоянно поругиваемся (вернее ругается он, а я терплю). У него совсем нет зрительной памяти и он, будто специально, залезает в ненужные дебри, если идет первым. Его ошибки усугубил туман, окутавший контрфорс. На мои поправки он реагирует излишне нервно. Но после того, как во второй раз оказался в тупике, он все-таки начал, в основном, соглашаться с моими предложениями о пути спуска. Странно, но даже на контрфорсе, такой ясной для маршрута флорды, есть масса вариантов и возможностей для блужданий.

Все те, кто начал спуск перед нами давно уже собрались на удобном месте наших ночевки на «5600». Мы присоединились к ним через час, а Рик и Чак пришли ещё часом позже. Впервые за всё время восхождения для отставших был приготовлен чай: вскипятила группа Ефимова. Его четверка настроена очень доброжелательно ко всем, наши не скрывают своего

раздражения по отношению к Рику, а заодно и к нам с Валерием, постоянно намекая на то, что мы тормозим движение. Но сейчас нет ни малейшей необходимости торопиться. Практически никто не может помешать нам к вечеру дойти не торопясь до лагеря «4600». Говорю об этом Дайнюсу и, кажется, только усиливаю его недовольство.

Четверка Ефимова первой продолжила спуск. Они предполагают идти по леднику, так, как шел Абалаков, а не по скалам с другой стороны контрфорса, как поднимались мы четверо суток назад. И это верно: спуск по леднику займет в несколько раз меньше времени, чем по скалам, при одинаковой степени риска. Четвёрка Бычкова постояла некоторое время в раздумье, посмотрела на спуск Ефимова и двинулась в противоположную сторону к скалам, не оставив нам никаких указаний. Ну а мы без всяких колебаний пошли по следам Ефимова, сначала по крутому снежно-ледовому склону, а потом по довольно ровному леднику. Через час быстрого спуска почти бегом, мы стояли у основания контрфорса Абалакова, разделенные с лагерем «4600» лишь одной из ветвей Бивачного. Правда этот час был наполнен ощущением опасности. Всяких ледников оказалось 3: самый верхний и опасный, который мы наблюдали весь подъём, занимая зону 6000–6300, 2-ой начинался рядом с маршрутом Буданова на высоте около 5400, третий, самый нижний нависал недалеко от контрфорса на уровне 5200 м. Свались с одного из этих ледников достаточно большая глыба, и нам пришлось бы туго. Именно здесь несколько лет назад были убиты двое наших альпинистов: они наблюдали за маршрутом Буданова, когда осколки от сорвавшейся ледяной громады буквально прострелили весь ледник. Пока мы шли в лагерь, я от нечего делать подсчитал. Такая глыба в наших условиях валится не чаще, чем раз в 2–3 недели, т. е. за один час нашего пребывания под ледопадами вероятность падения составляет около 1/500 т. е. 0, 2%. Специалисты оценивают степень риска в высотном альпинизме, как 0, 05%. Значит мы рисковали в течение одного часа всего лишь в 4 раза сильнее, чем в среднем за четверо суток восхождения.

Когда мы пересекали Бивачный, Алмазов заявил, что я веду неправильно и идти надо совсем не так, не в ту сторону. Я не мог с ним согласиться, и после спора он ушел один туда куда считал правильным и пришел в лагерь «4600» часом позже нашего прихода, злой и грязный. Ефимовская четвёрка пришла часом раньше нашей тройки и Сергей, заметивший отсутствие Алмазова, довольно злым тоном заявил, чтобы я искал себе попугачика идти на поиски своего друга. Мне пришлось отвечать извиняюще и успокаивающе, что поиски преждевременны. Бычков со своими пришел полтора часа спустя нашего возвращения (хорошо хоть, что Алмазов объявился до прихода Бычкова), в сумерках. Вечером, перед сном выяснилось, что двойка Стив Хэкет — Карлос Бухлер ушла позавчера на пик Орджоникидзе с неопределенными планами и сроком возвращения. Кому-то надо будет ждать их.

02.08.78.

Утром Бычков объявил, что ждать будут он, Чак, я и Алмазов. Я рад хоть немного задержаться, зная что, может быть, никогда впредь не попаду на это место. Остальные после завтрака (вчерашнего эльчибековского супа) ушли вниз с целью до вечера добраться до нашего базового лагеря «3700». Днём делать нечего и мы долго разговаривали с Чаком про альпинизм про жизнь. Он заметил, конечно, некоторые нелады между нами и четвёркой Бычкова, между мной и Алмазовым.

«Почему Валерий ушёл вчера в одиночку на леднике?» — спросил Чак.

«Может быть он искренне думал, что мы идем неправильно. Но скорее всего просто из-за своего излишнего самолюбия. Он любит первые роли во всем, а сейчас оказался на второй и начал делать глупости. Если хочешь, давай поговорим с ним».

«Нет, нет. Не надо».

«А ты, Чак скажи, было ли вам очень тяжело?»

«Мне нет, а Рику было нелегко».

«Почему? Ведь он отлично тренирован».

«Мне кажется, что он хорошо подготовлен как скалолаз. А здесь требовался совсем другой тип подготовки, другие нагрузки, совсем не те условия, что в низких горах. Но он старался и показал всё, на что способен».

Потом разговор коснулся его впечатлений о жизни в СССР и он спросил:

«Почему Советский Союз, такая богатая ресурсами страна, так бедно живет?»

«Что ты имеешь в виду?»

«У меня было мало возможностей, чтобы понять вашу жизнь, но и в Москве и в Душанбе бросаются в глаза непритязательные витрины магазинов, малый выбор товаров; много очередей за какой-то ерундой вроде винограда или ботинок».

«Мы богаты другим: обеспеченностью работой, дешёвым жильём, бесплатной медицинской помощью и образованием, уверенностью в будущем».

«Все это я понимаю, но почему вы производите меньше, чем вам надо, почему очереди?»

Я начал говорить о бедности дореволюционной России, о гражданской и Великой Отечественной войне, о страшных потерях; он слушал очень внимательно, мерно покачивая головой.

«А других причин ты не видишь? Современных причин».

«Есть, разумеется, и экономические причины».

«Какие?»

«Ну, например, у нас невозможен тот кнут безработицы, который с таким успехом действует в США, чтобы поднять уровень производительности труда». Он соглашался:

«Да, этот фактор дисциплинирует людей и действует, безотказно».

«Почему ты интересуешься такими далекими от альпинизма делами?» Чак пожал плечами:

«Мне понравилось у вас. Понравились почти все люди из экспедиции. В чём-то вы отличаетесь от нас в лучшую сторону. Мне бы хотелось понять вас. Я надолго запомню эту

поездку».

Питаемся мы у Эльчибекова. Алмазов постоянно проводит время на кухне, помогая дежурным. Ему нравится заниматься кулинарией, а я лежу в палатке, вспоминаю и пишу в этой записной книжке.

К вечеру Бычков объявил, что если завтра двойка не спустится с пика Орджоникидзе, то хрен с ними. Мы уходим, а они пусть как хотят, не пропадут.

«Не пропадут, конечно» — согласился я с ним — «но вспомни, что они болели, продуктов у них почти нет, ледник они прошли всего один раз. И главное: мы, лично ты, отвечаем за успех экспедиции, а экспедиция ещё не кончилась». Он замолчал.

03.08.78.

Думал с утра об Олеге Борисенке, жалел его. Ему три дня назад перебило руку камнем. Вечером первого августа он спустился в лагерь «4600», держался спокойно. С ним, почему-то, никого не осталось в лагере. Я предложил ему ночевать с ним в палатке, но он отказался. Попросил только помочь немного в туалете. Говорили с ним о судьбе в альпинизме.

(Сейчас, в конце августа 85 года в онкологической клинике я прочитал в журнале «Вокруг света» рассказ о восхождении тренеров-спасателей МАЛа на пик Победы. Среди покорителей пика были Олег Борисенок, Виктор Байбара, другие, хорошо знакомые ребята. А я две недели лежал пластом не в силах приподняться. Трое суток дышать мог только кислородом. **Это — к слову о судьбе в альпинизме и судьбе вообще. Но пока — живу).**

Вчера утром Олег медленно пошел с сопровождающим вниз по леднику. К счастью, вертолет, вызванный через метеостанцию на леднике Федченко, забрал Олега через полчаса после его прихода в базовый лагерь Эльчибекова «4000».

Бычков опять завёл разговор о двух засранцах американцах, заставляющих его ждать. И вообще, не американцы все они, а дерьмо, прислали чёрт знает кого к нам в горы, не могли получше выбрать. (Я не могу понять, чего это он так раскипятился). А Бычков продолжает: наша экспедиция — это, оказывается, всего лишь сборы по специальной подготовке по альпинизму, а американцы — это дело особое и нас совсем не касается, надоели они ему, потому что приходится нянчиться с ними, как с детьми. Пытаюсь возражать ему, но Толя упоен собой и лишь выговорившись замолкает. Ни меня, ни Алмазова, ни Чака он явно не желает слушать.

В 14 на склоне над лагерем появилась двойка: Стив и Карлос. Спустились очень усталые. Сказали, что ночевали на вершине, подстелив под собой палатку. Через два часа, когда они попили чаю и немного отдохнули, мы собрались в обратный путь. Очень тепло простились с Эльчибековым. Валерий подарил ему от нашего имени красиво выделанный рог для вина. Около пяти вечера вслед за Бычковым мы прошли по тропе, маркированной турами и заблудились на леднике среди сераков. Пошли дальше самостоятельно (нас двое и Толя с американцами) и нам пришлось ждать полчаса Бычкова на тропе, пока он преодолет ледник. Американцы, недовольные лишним лазанием, неодобрительно поглядывали на своего гида. На тропе Стив начал отставать. У него очень тяжелое дыхание, но отдать рюкзак или разгрузить его, он упорно не желает. Идёт пошатываясь, задыхаясь и бормочет, что с

ним всё в порядке. Уже в сумерках пересекли Бивачный у «ригеля» по направлению к лагерю «4000». Опять Толя заблудился и вылез не на ту перемычку между трещинами. Он упорно желает идти первым. В темноте это было неприятно, но навстречу нам спустился парень из экспедиции Эльчибекова, Стив, наконец—то отдал свой рюкзак и мы довольные выбрались на морену к лагерю. Гостеприимные ташкентцы (ребята, оставленные из-за болезни в базовом лагере) как всегда хорошо угостили нас и уложили спать.

04.08.78.

Удалось выйти только около 11-ти. Сначала долго раскачивались все, потом — американцы. Почти сразу после выхода на ледник получилось так, что группы разделились. Я, и за мной все остальные, пошли чуть выше, траверсируя длинный ледовый склон, а Бычков предпочел сразу уйти в нижнюю часть того же склона. Наши пути должны были бы соединиться метров через 200–300, но американцы решительно сели отдохнуть (неясно случайно или нет), как только Бычков скрылся из вида. Сначала все блаженно балдели под нежарким ещё солнцем. Потом начались разговоры. Прямо перед ними возвышался пик ОГПУ.

«Миша, что такое ОГПУ? Советская тайная полиция?» — спросил, кажется, Стив. Я посмотрел на него и после недолгого размышления начал отвечать:

«После революции большинство царских чиновников отказались работать, отказались подчиняться новой власти, начался саботаж. Многие должностные лица, военные, отпущенные под честное слово, что они не будут выступать против революции, начали готовить заговоры. В больших городах грабили уголовные банды. Поэтому была создана специальная комиссия по борьбе с контрреволюцией, бандитизмом и саботажем. Членами отрядов этой комиссии стали многие рабочие и солдаты. Лет через пять, кажется, эта комиссия была переименована в ГПУ, а в конце двадцатых годов названа ОГПУ — Объединенным Государственным Политическим Управлением. Эта организация не является тайной, а в задачи её, насколько я могу судить по литературе, входила борьба с иностранными разведками, с басмачами здесь в Средней Азии, с активными противниками советской власти».

Закончив длинную тираду, я облегченно вздохнул. Но сразу же был задан следующий вопрос:

«А сейчас ОГПУ существует?»

«Нет».

«Какая организация сейчас ближе всего к ОГПУ по своим целям?»

«Наверное Комитет Государственной Безопасности».

«Что он делает?»

«На такой вопрос вам лучше бы ответил кто-нибудь из сотрудников комитета. Но недавно у нас в газетах печатались материалы об уличении одной американской туристки в шпионаже. Она оказалась сотрудницей ЦРУ. Приводился её диалог с американским дипломатом из посольства, в котором она регулярно употребляла выражения вроде «заткнись», «дерьмо».

Так вот, раскрыли её люди из КГБ. Печатаются иногда сообщения об аресте советских граждан, уличённых в работе на иностранные разведки».

Переводя название КГБ я не мог вспомнить, как будет по английски слово «безопасность». Но мне быстро помог Карлос: «security» он наизусть знал, как на его языке звучит КГБ.

«Что на курсах Берлица уделяется особое внимание этой теме?» — спросил я Карлоса.

«Да, на одном из уроков мы изучали разные предложения в сочетании с милицией, КГБ, агентурой».

«И часто тебе приходилось использовать в Советском Союзе сведения из этого урока?»

«Пожалуй, сегодня впервые». Чак вмешался в наш диалог с Карлосом следующим вопросом:

«Правда ли, что начальники этого учреждения, как бы оно не называлось, менялись через год и расстреливались». Опять мне понадобилось несколько секунд, чтобы подобрать слова для ответа на английском:

«Последним из расстрелянных был Берия. Это случилось четверть века назад. Суди сам правда это или неправда».

«А до этого Берии?» На помощь мне пришел Алмазов, назвавший несколько начальников ВЧК-ОГПУ после Дзержинского. Мы сошлись на том, что кроме Берии был «В среднем эти печальные события случались реже, чем в США убивали президентов или министров». Чак утвердительно — вопросительно покачал головой и спросил:

«А у нас в экспедиции есть кто-то выполняющий обязанности сотрудника КГБ?» Отвечаю:

«У нас, Чак (весь советский состав — это альпинисты. У всех нас есть свои профессии и я тебя уверяю, никто из нас не служит в КГБ. А вот в вашей шестёрке, есть Рейли, который совсем не рвётся на восхождение. Мне, кажется, что на отъезд в Душанбе у него было оснований меньше, чем у Стива или Карлоса. И после возвращения сюда он, в отличие от Стива и Карлоса, не покинул базового лагеря, чтобы покорить вершину. Значит ли это, что Рейли Мосс выполняет обязанности сотрудника ЦРУ?»

«Ничего не могу тебе сказать об этом. Я познакомился с ним незадолго до отъезда сюда».

«А сам ты не связан с ЦРУ?»

«Ну тут могу сказать вполне определенно, что нет». Стивс Карлосом рассмеялись и заявили, что и они не связаны.

В таком духе мы разговаривали минут 40. Не хотелось прерывать острого, но в общем, беззлобного обмена сведениями из истории двух стран посередине первобытного хаоса льда и камня. Они были убеждены, что КГБ — это нехорошая организация, ограничивающая свободы советских граждан. Мы постарались поколебать эти их утверждения и попытались показать, что ЦРУ — очень нехорошая организация, устраивающая заговоры и убийства (Лумумба), отравляющая растения, животных и людей (на Кубе). Под увесистыми рюкзаками разговоры стихли и вновь возникли часа через полтора, на следующем привале.

Хорошо это или плохо, что наркотики у нас запрещены, а у них марихуана распространяется практически без ограничений? Все согласились, что надо охранять здоровье народа и лучше наркотики запрещать. Какие американские кинофильмы смотрели мы и какие советские — они? Мы назвали почти десяток, они — ни одного. Хорошо ли, что в Штатах начали создавать явно антисоветские фильмы? (Карлос назвал один только: комедию «Русские идут»). Все согласились, что плохо. Какой футбол лучше европейский или американский? Как называются наши и их спортивные общества? (Им очень понравилось название «Спартак»). Кто финансирует спорт? Насколько силен военно-промышленный комплекс в США? Сильнее ли ВПК, чем президент? Каких только тем мы не коснулись во время нашего возвращения! И конечно, мы говорили о женщинах. Они считают, что русские женщины красивее их и это — не дань вежливости, а факт. Сейчас, когда основная цель экспедиции достигнута, они постараются уделить больше внимания советской прекрасной половине общества и хотят скорее добраться до Душанбе.

«Но тогда, что же мы здесь сидим? Пора в путь». Пошли дальше. И тут начал выступать Валерий: я веду неправильно, давно надо бы поворачивать к базовому лагерю, я потерял ориентировку. Возразил ему, что вполне уверен в правильности пути и показал несколько ориентиров. Но, как оказалось, совсем не убедил Алмазова, потому что метров через 200–300 он исчез, ушел куда-то в сторону тихо и незаметно (он шёл замыкающим и никто из остальных не заметил его ухода).

Дурной пример заразителен: перед самым выходом на морену у лагеря Карлосу захотелось идти по своему и мы вынуждены были ждать пока он вылезет из лабиринта трещин. Сидя на высокой морене мы могли наблюдать, как в базовом лагере доедают второе блюдо от обеда и одновременно наставляли на истинный путь Карлоса, которому потребовалось полчаса, чтобы вернуться и по нормальному пути выйти к нам.

Алмазов появился час спустя после нашего прихода. Мы допивали компот. Валерий был грязен, мокр, от него слегка пахло дерьмом, т. к. он вылезал с ледника, по его словам, в зоне наших туалетов, не разбирая куда наступает на морене. Когда он переоделся, поел и отдохнул я подошел к нему.

«Зачем ты делаешь эти фокусы? Ты видел, как на тебя смотрел Бычков? Ведь твои уходы в одиночку будут обращены против нас на разборе. Макаускас и Байбара настроены против нас вместе с начальством».

«А зачем ты вел неправильно по леднику?» Я ошеломлен:

«Ты считаешь, что шёл правильно ты?»

«Конечно». Дальше разговаривать не имело смысла. Валерий не шутил, был совершенно серьёзен. Мне ясно, что он валяет дурака, но спорить с ним и в чём-то убеждать нет ни малейшего желания. Проматерившись про себя я ушел к себе в палатку.

Вечером — банкет по поводу успешного восхождения. Выпить и поговорить по душам, когда дело сделано, всегда приятно, но разговора не только «по душам», но практически никакого, ни у кого не получилось. Было скучно и грустно. Хотел пнуть своей ракетой, но воспротивился Ефимов: красную ракету могут принять за сигнал тревоги, даже если направить её в склон. Соорудили костёр из остатков упаковки и долго молча смотрели в высокое пламя. Ни песен, ни гитары. Вспомнил прошлое и не в первый раз подумал, что

никогда (nevermore — как у Эдгара По) не будет такой команды, такого осязаемого чувства любви и единства с друзьями, как в 70–72 годах, что пора кончать с серьёзным альпинизмом, что осталась привычка вместо бывшего вдохновения.

05.08.78.

Мы с Алмазовым назначены дежурными. Поднялись в 6:30. Валерий перемыл всю посуду, а я присоединился чуть позже готовить завтрак. Все ждут вертолёт и не торопясь таскают грузы на километр ниже к лагерю Чуновкина. Вчера было решено демонтировать кухню в последнюю очередь, после отлёта вертолётa вниз первым рейсом, а сегодня начальство неожиданно распорядилось переносить вниз весь лагерь. На мой взгляд — это преждевременно, т. к. шансов на вертолёт в ближайшие сутки нет никаких, а внизу вместо нашей травки — пыль и грязь. Тем не менее за три часа перенесли всё. В одном из рейсов по переноске грузов мы с Риком остановились у большого камня и начали лазить: он просто фантастический скалолаз, никого из наших ребят нельзя сравнить с ним; цепляется кончиками пальцев за малейшие неровности камня и держится на трении на почти отвесной скале. Конечно, резина его скальных туфель лучше, чем на моих кедах.

Рассказал ему о международном лагере «Кавказ»: там можно лазить по хорошему граниту на красивые горы, а не таким развалюхам, как здесь. И стоимость путёвки сравнительно невелика. Если у него будет напарник, то в двойке они смогут покорить Ушбу и Чатын, подняться на красивейший Эльбрус. Рик загорелся идеей «Кавказа» и сказал, что никто из них не знал о такой возможности. Это — вина руководства Американского Альпийского Клуба, т. к. дирекция наших международных лагерей посылала в США соответствующие приглашения.

Незадолго до обеденного времени Ефимов назначил разбор восхождений. Перед этим они очень долго сидели вместе с Байбарой и Макаускасом на месте старого лагеря.

Разбор проходил, естественно, без участия американцев. Сначала говорили о восхождении группы Ефимова по контрфорсу Воронина. У них всё было гладко, хотя не обошлось без Ч. П. — срыва Душарина и потери им ледоруба на второй день подъёма. Все участники этой группы заочно упрекали Бэна в том, что он разгильдяй и много сыпал камней вниз, не разбираясь, есть под ним люди или нет. Но в общем, все было прекрасно. Потом начал рассказывать Бычков, номинальный руководитель группы из восьми человек. Он говорил долго и, к моему удивлению, больше половины времени у него заняли обвинения в наш с Алмазовым адрес. Фактически это был рассказ не о восхождении, а о нашем «недостойном» поведении на восхождении и в течение всей экспедиции: о нашем постоянном опаздывании с выходом на маршрут, об индивидуализме и желании питаться отдельно; о том что американцев мы отделили от всех остальных и не давали с ними общаться; о том, что мы ни разу не топтали снег впереди, не прокладывали тропу и т. д. и т. п. Много пунктов он перечислил: от абсолютно абсурдных (вроде отделения американцев) до имеющих под собой некоторую почву, но легко объяснимых.

После его выступления слово предоставили Макаускасу. По очереди с Байбарой они начали вспоминать все наши «грехи» за экспедицию: как Алмазов отказался чистить курагу, когда все чистили; как я спал и брился вместо, того, чтобы дежурить с Ефимовым в паре; о том, что мы начали оспаривать решение руководства лететь мне вместе с заболевшим Стивом в Душанбе.

Снова выступает Бычков: наше поведение во время ожидания Стива и Карлоса на площадке «4600» было отвратительно (даже он сходил за водой для обеда, а мы не делали ничего); спускались с «5600» мы не за руководителями, а по своему — это недопустимо; дух индивидуализма проявляется и в том, что Алмазов часто приходил в лагерь в одиночку, а не со всеми вместе.

Когда нападающая на нас тройка выдохлась и начала повторяться, Ефимов предоставил слово остальным участникам нашей группы. Павличенко и Лаврухин говорить не захотели; начал отвечать я. Пришлось именно отвечать, а не говорить о восхождении по деловому. На часть упреков ответить очень легко из-за их бессмысленности: нет никаких фактов, что мы пытались отделить американцев от наших участников наоборот, любые взаимные обращения немедленно переводились на соответствующий язык. К сожалению, иногда попытки американцев «обращаться» во время восхождения с четверкой Бычкова весьма нелюбезно прерывались не нами: к примеру, на ночевке «6900» им, как и нашей двойке, не дали воспользоваться лавинной лопатой. Столь же далёк от правды упрек в нашей лени на площадке «4600». Алмазов постоянно участвовал в кухонных делах, я подключался эпизодически. Участие Бычкова, действительно, свелось к тому, что он один раз сходил за водой, в отношении спуска с высоты «5600» нам не давалось указаний следовать за четверкой Бычкова и мы предпочли спуститься более логичным путем, более безопасным (особенно, если учесть реальную возможность спустить камень на головы ушедшей ранее четверке, если бы мы начали спускаться за ней). Неясно почему четверка Бычкова решила спускаться с «5600» по пути подъёма, пути в несколько раз более продолжительному и опасному; пути, удобному для подъёма, но худшему для спуска. Что касается нашего желания питаться отдельно, так было принято решение руководителя готовить пищу по палаткам, на четверых, и это решение, хотя и принятое позже, чем следовало, совершенно правильное. Попытка готовить пищу на восьмерых, как и следовало ожидать, провалилась, из-за отсутствия у группы посуды соответствующего объёма, начиная с момента выхода из базового лагеря.

Да, снег впереди мы не топтали, тропу не прокладывали, и я не вижу в этом нашей большой вины по двум причинам. Во первых, снежные условия во время восхождения можно считать идеальными. Снег был жёстким до высоты 6900 и практически не проваливался под ногами первого. Никакой тропы, в классическом понимании, не надо было прокладывать. Первому и последнему из нашей группы идти по снегу, как и по скалам, было одинаково легко. Темп движения нашей, отстающей, четверки определялся слабейшим — Риком. И это- вторая причина нашего постоянного отставания. Мы были вынуждены, в целях успеха восхождения, подбадривать или подхлестывать американцев. Я просто боялся, что в какой-то момент Рик скажет, что дальше не пойдет, и что руководитель, Бычков, предложит мне остаться с ним — вряд ли мы рискнули бы оставить человеку одного на высоте более 6000 м. В том, что остаться предложили бы мне, нет никаких сомнений. Ведь именно мне предложили лететь в Душанбе со Стивом, хотя не было никаких аргументов в пользу такого решения. Если бы не вмешательство Чака, настаивавшего на том, чтобы заболевших сопровождал Медведев, я в конце концов, подчинился бы решению руководства и полетел бы в Душанбе. Если говорить о восхождении в целом, то можно считать, что нам повезло: и с погодой, и с тем, что несмотря на плохое руководство, восхождение кончилось благополучно. Верхом нелогичности решений руководителя явилось предложение ночевать на высоте 6900 после возвращения с вершины, хотя, до тёплых ночевок на скалах оставался час ходу, руководитель ни разу не поинтересовался, как чувствуют себя американцы; иногда казалось, что он не хочет успешного подъёма американцев на вершину. Их никогда не приглашали в высотную палатку Бычкова хотя бы на глоток чая. Совершенно напрасно

пытались удержать их от спуска вниз с высоты 6900 м, заставляя ночевать там.

После меня стал говорить Сергей Ефимов, исполнявший роль председательствующего на разборе (как старший тренер экспедиции). Он проигнорировал всё, о чем говорил я, и выступил, мне кажется, по шаблону, заготовленному во время беседы с Макаускасом сегодня днём: нам с Алмазовым никто не давал указаний опекать американцев и создавать для них тепличных условий; мы виновны в индивидуализме. За всю нашу практику мы, ему кажется, не ходили первыми в высотных восхождениях, мы не выполняли решений руководства. За всё это тренерский совет экспедиции будет рекомендовать запретить нам в дальнейшем участие в высотных восхождениях, Байбара добавил, что он лично запретил бы участие нам обоим в мероприятиях спорткомитета по альпинизму.

Более глупого и неаргументированного решения я не ожидал. И никак не думал, что такое решение будет предложено Ефимовым, грамотным и умелым альпинистом, очень сильным спортсменом, думающим человеком. Хотя ясно, что решение не его, он лишь произносит заранее подготовленные слова, идущие вразрез с логикой.

Алмазову говорить не дали, шумно смеялись над каждой его оговоркой и перебивали на каждом слове. Он вышел из себя и начал угрожать разоблачением каких-то финансовых махинаций Бычкова. Тот ответил: а мы напишем коллективное письмо на тебя и ты сам будешь виноват. Валерий замолчал.

В нашу защиту пытался говорить Виталий Медведев: это естественно, что я был ближе к американцам — ведь я знаю язык. Он считает правильным свою поездку в Душанбе с заболевшими, хотя она лишила его возможности подняться на пик Коммунизма: на восхождении толку от него было бы меньше, чем от меня. Его поддержал наш врач Вадим Зайцев. Кроме того, Вадим сказал, что разбор восхождения похож скорее на судебный процесс, и это не кажется ему нормальным. Байбара прервал обоих, сказав, что настало время обеда, пора кончать прения и переходить к более приятным занятиям. Тем более, что решение уже занесено в протокол разбора.

Все разошлись. Я долго не мог успокоиться и ушел подальше, где долго сидел на камне, размышляя о происшедшем. Таких историй со мной ещё не происходило упрекнуть себя, кажется не в чем. Подошли Татьяна и Валерий — поговорили бесцельно обо всем понемногу.

Стив заметил мое расстройство и долго допытывался, чем я огорчен — удалось отшутиться. Вечером долго трепались с ним о Аляске, где он постоянно работает, о книгах Фэрми Моуэта, которые мы читали, о судьбах эскимосов и чукчей, о его геологии. Рик все ещё читает Айтматова и мечтает поставить фильм по повести «Прощай, Гюльсары». Павличенко, услышав, как я сказал кому-то, что у меня отвратительное настроение, начал утешать.

06.08.78.

Опять ждём вертолётов и бездельничаем. Пытались связаться с Душанбе через рацию Чуновкина, но безуспешно. Рация не работает, и радист, единственный коренной житель лагеря, (все остальные — на восхождении) не может её починить. За обедом Бэн, заметив моё мрачное настроение, спросил с подвохом, счастлив ли я сейчас?

«А ты как?»

«Да, я вполне доволен жизнью. Я сейчас творю!»

«Что именно?»

«Пишу детектив на 700 страниц о нашем восхождении на пик Орджоникидзе. Как мы преодолевали страшные опасности, пробивались сквозь ледовые карнизы и камнепады, шли по отвесным километровым стенам».

«И не стесняешься ты врать».

«А что? Подумаешь! Почему бы и не приврать?»

Когда я сказал, что маршрут тянет не более, чем на третью — четвертую категорию трудности, он философски заметил: «Скромность глупа».

07.08.78.

Ждём вертолёт. Едим пустые щи и на второе — рисовую размазню с изюмом. Изобилие в еде кануло в прошлое. Взял у Карлоса почитать его книгу «Русские». Написана американским журналистом три года проработавшим в Советском Союзе. На обложке изображена Красная площадь с массой народа и множеством милиционеров с суровыми лицами в белой форме тридцатых годов. Одна из глав называется «Левая жизнь» и посвящена «левым» приработкам шофёров, сотрудников службы быта и т. п. Другая глава содержит описание роскошных дач и вообще всей роскошной жизни членов правительства и их семей. Вся книга наполнена смешанным чувством презрения, ненависти и удивления. Автор верно заметил многие негативные явления в нашем обществе и не нашел ничего позитивного.

«Как тебе понравилась эта книга?» — спросил я у Карлоса.

«Дрянная книга» — сердито ответил Карлос и плюнул в пыль перед своей палаткой — «Теперь я не верю ни единому слову из неё». Он взял книгу за корешок и отправил её вслед за плевком.

«Эту книгу надо бы сжечь!» — подвел он итог своим эмоциям.

«Это фашисты жгли книги, не уподобляйся им». Я взял книгу, стряхнул с неё пыль и вернул Карлосу, а тот ударом ноги отправил её в глубь своей палатки.

08.08.78.

Ждём вертолёт и едим кашу. С утра горы затянула мутноватая дымка, похожая на слабый туман, т. н. «афганец». Ветер принёс тончайшую пыль, затуманивающую окрестности. Обсуждаем версию: может быть внизу дымка сильнее и вертолёт не прилетает из-за неё? Для меня плохо не само отсутствие вертолёт, а отсутствие возможности сходить куда-нибудь на гору или подальше на ледник (т. к. если будет вертолёт, то надо будет срочно

грузиться в него). Хожу по окрестностям на расстоянии не более часа ходьбы. Алмазов ковыряет «золотой корень», произрастающий здесь в изобилии. Остальные играют в карты, читают, загорают, флиртуют (с Татьяной и Милой Ким — вторым помощником повара).

09.08.78.

После завтрака развернулись дебаты: почему нет вертолёт. Он был заказан на 5-е августа. То, что «афганец» не виноват — это ясно т. к. высоко над нами пролетел вертолёт (наверное, МАЛа) не обративший никакого внимания на наши красные ракеты. Может быть отряд вертолётчиков в Душанбе связан какой-нибудь крупной аварией с одной из машин — в этом случае все вертолётчики занимаются только ликвидацией последствий аварии. Дебаты кончились решением послать радиogramму через метеостанцию на леднике Федченко сразу в три адреса: авиаотряд в Душанбе, спорткомитет Таджикской ССР и ЦК Компартии Таджикистана (первому секретарю Расулову). Содержание: в экспедиции кончились продукты, вынуждены вместе с американцами голодать, может произойти международный конфликт. Вина полностью лежит на авиаторах, не выполняющих свои обещания. До метеостанции предложили прогуляться мне с Павличенко.

Вышли в 13:30. Несмотря на яркое солнце чувствуется прохлада, дует северный ветер. По тропе вдоль Бивачного мы за два часа добежали до чистого льда ледника Федченко. У меня в рюкзаке — спальник, пуховка, примус, молоток, запасные носки. У Левы в его американском рюкзаке 76-го года лежит молоток, немного продуктов и пуховка. Идти очень легко, мы засиделись в лагере, организм хочет движения, высота практически не ощущается. Встретили группу туристов из МГУ. Они угостили нас чаем и получили консультацию по верховьям Бивачного. Удивлены нашим пижонским видом: кроме шортов на нас ничего нет, лица ничем не закрыты и не обработаны — ожогов мы не боимся, на ногах — кеды, скачем, как горные козы, через двухметровые трещины, дна у которых не видно.

Поверхность ледника Федченко ровная, как бы полированная солнцем и водой, контрастирует с ледяными джунглями Бивачного. Множество ручьёв течёт и вдоль и поперек пятикилометровой ширины этого колосса из ледников и впадает в многочисленные колодцы, маленькие, около полуметра и гигантские до четырех метров в диаметре. В большие колодцы низвергаются целые водопады, и при взгляде вниз невольно пробирает дрожь от одной мысли о возможности падения в колодец: дна не видно, лишь в верхней части сверкают лёд и вода, а ниже — мрачная тьма. По обе стороны ледника стоят пики, кажущиеся малютками по сравнению с грандиозной ледяной рекой. Через каждые пару километров в эту реку вливаются притоки, боковые ледники, по большей части образующиеся из висячих, но иногда это — долинные ледники классического типа. В местах впадения притоков ледник Федченко недовольно морщит моренными валами свой чистый лик, но стоит пройти чуть дальше — и снова перед нами гладкая поверхность. Моренные валы ровными продольными струями лежат ближе к середине ледника Федченко лишь подчеркивая его мощь и величавость. Мы идем вверх, по направлению к истокам ледника, но подъёма почти не ощущается, поверхность ледника практически горизонтальна. Навстречу постоянно дует ровный прохладный ветер. Вместе с солнцем ветер создавал почти комфортные условия, но как только солнце скрылось за горной цепью, резко похолодало пришлось надеть пуховки.

До станции мы дошли за 5 часов 45 минут. На улице встретили несколько весьма занятых людей: как выяснилось, несколько сезонных рабочих заканчивали строительство новой

аккумуляторной станции, обшитой жёстью.

Сама станция — приземистое широкое строение с цилиндрической пологой крышей, маленькими окнами. Она исправно сообщает уже почти полвека сведения о зимних морозах, ветрах и бурях и о летней жаре, давлении атмосферы и влажности. В помещении кают-компания топилась углём буржуйка, стояла невыносимая жара, особенно резко проявлявшаяся при входе с морозца снаружи, через систему из двух тамбуров. Как объяснил начальник станции Шамиль, у них кончился газ и поэтому пищу готовили на печке, горячей круглый день. На столе — ведро с чаем, хозяева пили сами и угостили нас. На стенах — фотографии женщин, но обнаженных нет; по бокам — входы в каюты на двоих, койки размещена одна над другой. Ещё два помещения: библиотека (она же — зрительный зал) и радиорубка площадью около 10 кв. м. В кают-компания расположились пятеро, не считая нас; несколько человек спало в своих каютах.

Мы рассказали о своих проблемах и проснувшийся радист попытался в 21:00 передать нашу радиограмму. Связи не получилось, эфир забит сообщениями, подтверждения приёма мы не получили. В 22 нас пригласили на ужин: на столе много всякой всячины, но поев первого — мясного супа и второго — гречневой каши с мясом, ничего больше не захотелось. Шамиль рассказал, что персонал станции по штату должен состоять из 9-ти человек: начальника, повара, врача и шесть сменных радистов универсалов, которые должны делать все. Снимать показания приборов, чинить бензиновые движки, показывать кино, налаживать радио и электроаппаратуру. Сам Шамиль, работающий здесь 4-ый год — как раз такой универсал. Обычно работают шестеро. Вахта круглосуточная, передача данных — каждые три часа (0:00, 3:00, 6:00 и т. д.).

Случайно на станции оказались 3 туриста, пожилые мужчины из Москвы, все профессора. Один из них Горбунов, сын спутника Абалакова по восхождению 33-го года, время от времени работает в Протвино на пузырьковой жидководородной камере»Людмила». Они приустиали и почти неделю ждут вертолёт, доставляющего на станцию продовольствие и топливо, чтобы улететь с ним в Душанбе. На станции они порядочно надоели и нам предложили захватить их завтра с собой на Бивачный. Мы отказались, сославшись на отсутствие еды (хотя с собой в подарок мы захватили немного разных пакетов американских сублиматов).

До 23-х смотрели какой-то фильм из имеющихся на станции 64-х штук (наборы меняют раз в три года), и в 24:00 снова безрезультатно пытались связаться с Душанбе. Потом легли с Лёвой спать на полу в радиорубке, а аборигены ещё долго шумели, решая свои финансовые дела, связанные со строительством новой аккумуляторной.

10.08.78.

В три ночи передать радиограмму опять не удалось, в 6:00 — тоже. Всю ночь дежурил Шамиль, и его шаркающая походка (одна нога у него слегка высохшая и плохо сгибается в колене) вместе с треском и писком радиоаппаратуры была самым характерным звуком возле наших ушей. Только в 8:00 на аварийной связи радиограмма была передана и уверенно принята в Душанбе. Мы глотнули горячего чая и в 8:15 ушли, искренне поблагодарив гостеприимного начальника.

25 километров вниз по леднику Федченко мы преодолели за три часа полубегом, давая выход

переполнявшей тело бодрости. Гулкое чистое утро было поразительно красиво. Вода, покрытая свежим льдом, начала шуметь только часам к 10-ти. И опять, как и вчера вечером, на почему-то часто задаваемый себе в последнее время вопрос «счастлив ли я здесь в горах?» — ответил — «Да». Несмотря на неприятный разбор, на дурную атмосферу общей отчуждённости, царившую в экспедиции, эта прогулка по сияющему леднику, знакомство с новым окружением, состояние расширяющей тело силы позволяют быть счастливым.

Лев всю дорогу рассказывал о своей работе на радиозаводе в Подольске, я вежливо поддерживал беседу и смотрел, слушал, дышал воздухом красавца ледника.

На стоянку пришли к 15-ти (часа два отдыхали у тихого ручья чуть выше впадения Бивачного в ледник Федченко, когда убедились, что вертолёт сегодня не будет). Вечером Ефимов немного поиграл на гитаре и попел.

11.08.78.

В 12:00 прилетел МИ-8. Бэн не мог сдержать радостных эмоций и заорал что-то по русски (кажется из англо-русского словаря нецензурных выражений. Несколько штук привез Рейли Мосс и дня три вся наша экспедиция изучала сей труд).

«Это ваш вертолёт, Миша. Не зря вы ходили вчера» — добавил он по английски. По поведению пилотов можно было понять, что в управлении гражданской авиации г. Душанбе получили нагоняй из Ц. К. партии. В первую очередь улетели американцы (мы шутили — теперь то нас здесь оставят наверняка).

За три рейса все люди и снаряжение вывезены в Алтын—Мазар. Там туристы из Томска уже успели обменяться с африканцами майками и поят и кормят всех желающих. Пока уходил один рейс в Джиргиталь мы успели обменяться адресами с томичами, поговорить о том как настаивать и употреблять «золотой корень», попробовать их настойку. Все ребята оказались из Томска — 7 нашлись общие знакомые по «Джайлыку». Они уже 10 дней сидят в Алтын—Мазаре и ждут вертолётной оказии, чтобы перебраться на ледник Федченко. Наземный путь оказался непроходим из-за мощных горных рек: Кызылсу, вырывающаяся из Алайской долины, сливается здесь с рекой из-под ледника Федченко, Общая ширина потока, несущегося с белыми бурунами, достигает ста метров. В 17:00 все были переброшены в Джиргиталь. Американцы уже улетели оттуда на АН-2. По дороге своздуха на миг открылся пик Коммунизма со стороны Фортамбака и пропал, закрытый ближними невысокими вершинами.

Мы с Душариным вдвоем уехали на машине с вещами (Бычков назначил нас сопровождающими), а остальные — вертолётном. В три ночи прибыли на окраину Душанбе, домой к шофёру Махмаду. Заночевали у него у него на дувале, под тусклыми теперь звёздами, под белесым равнинным небом.

12.08.78.

Суббота. Подремали часа 4 и поднялись. У Махмада пятеро детей — от года и до шести. Угостил нас чаем, мёдом, хорошим жареным мясом, свежим хлебом, мы их — сардинами, какао, печеньем. Средний сынишка сразу же с удовольствием навалился на сардины и

прикончил всю банку, на лице написано блаженство. Жена Махмада, с годовалым мальчонкой на руках приходила, подавала и уносила еду, улыбаясь мужу и заодно нам. В разговоре Иван соглашался, что многое в экспедиции было ненормальным, но он не вступал в споры с начальством, боясь испортить отношения. К 10-типодъехали к гостинице и разгрузились. В номере у Карлоса приняли горячий душ — неописуемо приятно после трехнедельного потения под рюкзаками. На всех мест в гостинице не хватает и мы с Алмазовым поселились на балконе женского двухместного номера (где живут наши поварихи Татьяна и Мила).

На совещании в 16 обговорили планы на будущее: завтра выезжаем в альпинистский лагерь «Варзоб». Но никто из американцев не хочет никаких восхождений — поэтому альпинистского снаряжения практически не берем. Для Серёги Соболева, своего давнего партнера по восхождениям в «Джайлыке» сейчас работающего инструктором в «Варзобе», купил самую большую дыню из продающихся на рынке.

13.08.78.

Воскресенье. В 7:00 первым рейсом на «Волге» выехали в лагерь Ефимов, Душарин, Лаврухин и я. Через час мы в «Варзобе». Лагерь расположен в двухстах метрах от магистрального шоссе, народа — немного, большинство новичков и значкистов ушли в перевальный поход и Серёжа, как командир отряда, будет отсутствовать ещё трое суток. Жаль. А 12-ти подъехали трое американцев и Медведев: начали обсуждать вопрос, что будем делать. Ещё через три часа прибыли остальные американцы и Бычков. Карлос неожиданно захотел покорить какую-нибудь гору в паре с Лаврухиным, а Рик, ещё более неожиданно — полазить по хорошей скальной стенке со мной. Бэн захотел просто прогуляться вверх по ущелью; лентяй (или ЦРУшник), Рейли будет занят девочками в лагере, только Стив Хэкет не изменил свои планы: ещё в Душанбе он хотел пройти с Ефимовым скальный маршрут, и они предполагают подняться на вершину «Бивачная» по пути 4Б категории трудности.

Пришлось бежать искать снаряжение. Каску дала девушка киевлянка, карабины и пояс — Костя Леонов, врач нашей экспедиции 75-го года на пик Ленина.

Вышли вверх в 18:00. Карлос опоздал и с трудом догнал нашу небольшую колонну. По его объяснению, он не мог вырваться из круга 12-ти девушек, жадно внимавших рассказам о его приключениях, и ему нравилось какое-то время побыть «звездой».

За два с половиной часа, уже в сумерках, мы добрались до стандартного места ночёвки, начали скопом готовить ужин — чай и перловую кашу с бараниной. Потом долго — долго сидели, разговаривали. Вокруг лежат залитые лунным светом луга ущелья, стоят поблескивая высокие скалы, текут журчащие ручейки — полная идиллия. Американцам, да и нам, всё это по душе. Бэн сказал, что просто хотел бы пожить здесь недельку и чуть позже, весьма логично заговорил о гомосексуализме — по его словам, в Штатах чуть ли не 15% мужчин предпочитают такой вид секса. Во Франции, куда он приехал полазить по Альпам, он как-то попал на один из островов nudистов, где раздеваться догола, как того требует устав, он отказался, и его чуть не изнасиловали. По его словам, ему пришлось буквально вырываться из рук рассерженных обитателей этой колонии и убежать изо всех сил. Мне кажется, что Бэн с тех пор слегка помешался на определенном пункте.

Сергей Ефимов долго хохотал, когда я рассказал ему о сомнениях Бэна насчет Виктора

Байбары и вскользь заметил, что ему теперь понятна неожиданно возникшая у Виктора неприязнь к нам с Алмазовым.

Спали на воздухе, без палаток и спальников — тепло. Для меня все было прекрасно, если бы среди ночи не начал болеть живот. После этого я уже не мог спать; к утру стало совсем плохо. За завтраком глотнул немного чая, есть не могу.

14.08.78.

В семь утра вышли впятером (Лаврухин, я, Бэн, Рик и Карлос) прогуляться под стену нехоженой южной части массива Бивачной. По дороге задержались у таджика, пасшего стадо овец. Пастуху настолько приглянулись наши верёвки, что он предлагал любого барана в обмен на сороковку, потом на половину (т. е. на 20 метров основной веревки). Вынув острый нож-тесак он пытался отрезать хотя бы кусок, вытаскивая свернутую в кольца верёвку из рюкзака Бэна. Отбиться от назойливого просителя стоило заметных усилий.

Логичный маршрут на стене мы с Риком увидели издали: по трещине вертикально пересекающей стену. Подошли, связались сороковкой, навесили «железо» и полезли: я обут в кроссовки, одет в тренировочный костюм; на Рике — скальные туфли и брюки — гольф с рубашкой. Остальная тройка в пятидесяти метрах левее начала скальные занятия. Медведев и Душарин полезли по маршруту 4Б на Центральную Бивачную — это полукилометром левее нас, Хэкет и Ефимов должны выйти туда же двумя часами позже.

Рик попросил разрешения первую верёвку (сорок метров подъёма) первым идти ему и азартно вцепился в скалы, иногда любовно пошлёпывая рукой по теплому граниту. Крючьев и молотка у нас с собой нет, только штук 20 разных закладок и столько же карабинов, легкие рюкзаки на спине почти не мешают. Первая верёвка — Рик «шёл её» полчаса — оказалась самой трудной из последующих шести. Вот он стал на самостраховку и кричит мне:

«Off be bay» («Снимай страховку» — или командует — «Пошел»). Столь же азартно, как и он, я лезу вверх. Дохожу до места, где Рик топтался минут 10, и тоже останавливаюсь в затруднении: зацепки на гладкой скале очень мелкие, кроссовки скользят, не за что ни ухватиться, ни вставить закладку. После нескольких неудачных попыток преодолеть сложное место (тут выручил бы крюк, но его нет) я вынужден крикнуть вверх:

«Tension!» (Натяни верёвку).

Рик жёстко закрепляет верёвку и я быстро поднимаюсь к нему. Он, как бы в утешение мне, говорит, что преодолевал сложное место с риском срыва и я правильно поступил, используя верёвку.

Дальше мы лезли по очереди используя для страховки все наши закладки. Последняя верёвка перед выходом на простые предвершинные скалы досталась Рикю. Он, неясно, специально или нет, выбрал наиболее трудный путь. Позднее он пояснил, что неверно начал подъём, а потом слезать уже не хотелось, и пришлось ему «покорячиться», чтобы вынуть восемь промежуточных закладок, мне пришлось повторять его путь и трижды на нависающих или отбрасывающих участках использовать верёвку — Рик шёл здесь используя искусственные точки опоры. Первое, что он сказал, когда я вылез к нему: «Извини меня, я неверно выбрал путь». Дальше лезли без верёвки, поодиночке, по несложным скалам. На вершине,

пятиметровом по высоте, свободно лежащем камне, мы пробыли больше часа: фотографировали друг друга и пейзажи, разглядывали окружающие горы, просто лежали и смотрели в небо. Рик жевал какую-то еду и время от времени протяжно вздыхал от избытка эмоций. Я закусил таблеткой энтросептола.

Неожиданно в том же месте, где поднимались мы, появились Лаврухин, Бэн и Карлос. Глядя на наши упражнения на стене, они решили тоже покорить гору. Ещё минут сорок пробыли на вершине вместе с ними и начали спуск на противоположную сторону горы по легким скалам и по траве.

Через час добрались до бивуака. За 10 минут до нас туда вернулись Душарин и Медведев. В 18:00 после радиосвязи с Стивом и Сергеем (они тоже идут вниз), мы вошли в лагерь, где встретили Рейли, окруженного девушками, съели дыню и в 23:00 выехали в Душанбе. В гостинице роскошествует Алмазов и две помощницы повара: они слегка выпили, украли на рынке и принесли в номер арбуз и дыню. Я с удовольствием присоединился к ним, и мы ели, пили и разговаривали пока в третьем часу не улеглись спать (мы с Валерием на балконе).

15.08.78.

Свободный день все посвятили личным делам. В середине дня в нашу комнату по какому-то вопросу зашёл Сергей Ефимов, и у меня с ним состоялся довольно долгий разговор о закончившейся экспедиции. Он сам начал и охотно поддержал обмен мнениями о плюсах и минусах организации. Ему казалось, что минусов нет, а я сходу указал ему несколько и посоветовал впредь, когда он будет руководить очередной экспедицией, постараться избежать их. Одним из организационных просчётов я считал отсутствие обсуждений планов на предстоящий день. Никто из рядовых членов экспедиции утром не знал, как правило, чем будет заполнен день в базовом лагере, многие решения принимались руководством неожиданно и необоснованно. Разумно, по-моему, было бы обсуждать за ужином планы на завтрашний день и персонально распределять дела. Если не за ужином, то хотя бы за завтраком. В маленьких по численности экспедициях обязательно выслушивать каждого участника. Если мнение руководителя расходится с мнением большинства, то надо постараться убедить логикой, а не приказывать. Приказ должен стать последней формой руководства, если другие методы оказались непригодными. В нашей экспедиции можно было бы использовать приказ, чтобы предупредить заболевание американцев при установке базового лагеря: они явно не были готовы к большим нагрузкам и застудились, взмокнув на переноске тяжелых грузов, а потом остынув.

Ещё одно довольно распространенное заблуждение начальников разного ранга: будто искусственно создаваемые трудности помогут сплотить участников разношерстной команды. Типичный пример такой политики был и в нашей экспедиции. Вы, руководители, настаивали на общей кухне для восьми человек на восхождении, мотивируя свою настойчивость тем, что единый процесс приготовления и приёма пищи сплотит группу. На, самом же деле, ненужные затруднения скорее развалят нестойкий коллектив, чем объединят его, несмотря на объединяющую силу общей цели. На тренировках такой приём ещё годится, но никак не на восхождении. В разобитых группах можно прийти к какому-то единению ценой улучшения комфорта, разумной тактикой, умелыми руководством.

Сергей не смог найти возражений, но и не согласился прямо с тем, что я говорил. Я вспомнил про недавний разбор восхождения на пик Коммунизма, где нас с Алмазовым

необоснованно обвинили чуть ли не в трусости, и ещё раз коротко повторил свой ответ: Мы не опекали американцев, а всеми силами старались обеспечить успех экспедиции; наш руководитель Толя Бычков явно не продумал тактику восхождения, не учитывал состояние (ни физического, ни морального) американцев.

«Но мы же записали в протокол разбора, что Бычков не справился с руководством» — перебил меня Ефимов.

«Я не думаю, что надо записать именно так — ведь восхождение то, в конце концов, было сделано; все кончилось благополучно. А вот те рекомендации, которые вы записали в наш с Алмазовым адрес и, в частности, запретить нам участие в высотных восхождениях — это просто глупость».

Сергей пытался как-то оправдываться, напомнил мне, что Алмазов часто откалывался на леднике от остальных в группе.

«Такой уж у него характер» — пояснил я — «Но с высотой это не связано».

«Но ведь такие фокусы он может выкинуть и наверху, во время восхождения» — настаивал Ефимов. Я промолчал. В душе я согласился с Сергеем, вспомнив наш подъём на пик Орджоникидзе, когда Валерий выбирал самые нелогичные пути подъема на жандармы гребня, и другие восхождения прежних лет.

Ефимов ушел, а я пошел к Бэну. Американцы начали торговать своим барахлом, и мы договорились, что я покупаю у Бэна и обмениваю его рюкзак на мой, в придачу с крючьями и титановыми карабинами. В его комнате Рейли торговался с парнишкой таджиком; предмет спора, потертые джинсы, переходил из рук в руки. Увидев меня, Рейли смутился и невнятно пробормотав что-то отдал парнишке джинсы. Тот вытащил из кармана деньги и вручил их со словами «Двести рублей» бывшему хозяину. Оба они вышли из комнаты.

«Рейли — бизнесмен» — произнес Бэн.

«А ты как?»

«И я тоже в меру возможностей. Ты знаешь, я решил не меняться рюкзаками, мой рюкзак мне еще пригодится — ведь я из Москвы поеду по Транссибирской магистрали мимо Байкала».

«А как насчёт ледоруба?»

«Как договорились — за 40 руб.». Я вручил ему деньги и спросил:

«Почему ты не хочешь продавать ничего из снаряжения кроме ледоруба?» Бэн ответил:

«У вас нечего покупать на рубли. Раньше привозили изделия из драгоценных металлов, а теперь они так подорожали, что покупать их невыгодно».

«А Рейли, как ты думаешь, на что потратит свои спекулянтские капиталы?»

«Он говорил, что будет приобретать янтарь».

16.08.78.

Иван Душарин утром принёс мою альпинистскую книжку. Я с интересом начал листать её: вписаны все восхождения этого года, на пик Орджоникидзе записано руководство, нет никаких порочащих меня надписей.

«А как же с предполагавшимся запретом на высотные восхождения? Почему не записаны?»

«Ефимов решил, что на разборе они переборщили. Все остальные согласились с ним». Часа через два Алмазов сходил за своей книжкой и вернувшись зло швырнул её на тумбочку: ему запрет всё-таки был вписан.

Днем — экскурсия в Нурек, на строительство ГЭС. Впечатляет водосброс обводного тоннеля: из толщи горы по бетонированному тоннелю вырывается горизонтальный столб воды диаметром метров 5–10 и пролетев метров 200 рассыпается в пыль над водной гладью нижнего водохранилища. Мельчайшая водяная пыль смягчает жару в посёлке на расстоянии десятка километров. Нарращивая двухсотметровую плотину медленно, как кургузые жуки, ползут 25-тонные Белазы; по верхнему канту гигантской запруды разравнивают скальный грунт мощные бульдозеры. Медленно, но непреклонно увеличивается рост этой самой большой в мире насыпной плотины. Стройка величественна.

Вечером в малом зале гостиничного ресторана — банкет по поводу успешного завершения экспедиции. С организацией таких мероприятий Бычков справляется великолепно. Как позже заявил Бен, один такой вечер полностью искупает неделю сидения на «кашной» диете. Богатейший стол и по выпивке и по закуске: шампанское, водка, вина, колбасы, севрюга, икра, зелень, нежнейшее мясо, овощи. Потом плов, сделанный по лучшим азиатским рецептам. Кофе, фрукты, мороженое. Не зря мы скидывались по десятке. Перед застольем выступил представитель спорткомитета Таджикистана и вручил значки и грамоты покорителям пика Коммунизма. Потом начали есть, пить, говорить. Выступали Чак, Бычков и я, Байбара, Карлос — наверное половина присутствующих. Рейли ходил кругами и фотографировал своим «поляроидом» на цветную пленку жанровые сценки, вручая сразу же фотографии, обстановка очень непринужденная. Позируем, обнимаясь, с Бэном и Риком. С Карлосом говорим о любви: он утверждает, что настоящей, как в романах, любви не может существовать; я привожу примеры, доказывая обратное. Американцы хохочут от наших анекдотов. Между прочим я рассказал о троих, у кого есть только одна крошка на занюхивание, и тому кто нечаянно втянул эту крошку заявили: «Ты здесь, чтобы пить, а не обжираться». Продемонстрировали, как надо пить, не закусывая, а Лева Павличенко показал питьё вкладывая бокал в рот. Никто из шестёрки американцев не смог повторить показанное.

На танцах блистала Татьяна; она перетанцевала со всеми американцами, со многими нашими альпинистами. Подражая ей, Чак сбросил свои туфли и шокируя публику в общем зале, танцевал босиком. Пример (не только дурной) заразителен: не прошло и четверть часа, как несколько молодых девушек тоже сняли обувь, за ними и ребята.

«Таня, ты, кажется, введешь новую моду здесь» — пошутил я.

В час ночи всех попросили очистить помещение. Разговоры продолжили у нас в комнате. Тут выяснилось, что Рик Сильвестр читал статью Криса Джонса в журнале «*Magiah*» о визите американских альпинистов к нам в 1976 г., где Джонс кое в чём критиковал нас (иногда не объективно). Американцы сразу согласились со мной, что страховка через спину разгружает

руки и никак не уменьшает нагрузку на крючья, что такая страховка нецелесообразна во многих случаях. Я напомнил о политической некорректности отдельных образов и объяснил почему — тоже, в общем, согласились, что Джонс не прав. Спать легли в три часа, после того как прикончили все запасы вина.

На банкете Валерий поставил огромный сундук: он подобрал его, выкинутый американцами на помойку, и наполнил арбузами и дынями.

«Ты торговать, что ли, собираешься в Москве?» — спросил я его.

«Не твоё дело».

«Дело—то не моё. Но мне кажется, лучше бы не подбирать мусор, выброшенный иностранцами. Компрометируешь себя и нас».

«Переживете».

17.08.78.

День отлёта. Прощание с городом. Пока покупал на рынке фрукты, ребята в аэропорту успели сдать почти весь груз, и увидев меня, Виктор Байбара почему то радостно бросился навстречу:

«Давай скорей свой рюкзак и сумку, иначе опоздаешь и сам будешь платить за перегруз». Удивленный, я позволил ему снять с меня рюкзак, отдал и сумку. Все это он оттащил на весы. Похоже, что кончил злиться на меня. Хорошо.

Пока сидели в отделении интуриста, успел написать по просьбе Лаврухина текст о восхождении на Южную Бивачную. Слава хочет классифицировать новый маршрут, пройденный нами. Потом — взлёт. Прощай на год, или больше, Азия, «азиатские жёлтые реки, азиатские старые люди, и кусочек моей Европы у пропеллера в сером блюде». Прощайте «азиатские пыльные тропы, азиатские синие горы».

В Москву прилетели в 8 вечера, но более трёх часов (неловко перед американцами) ждали пока начнут выдавать багаж. Всех встретил Вадим Зайцев, улетевший три дня назад и Толя Бычков, отбывший ночью накануне (после банкета). Печальное известие сообщил он: в районе Узункола на Кавказе при восхождении на пик Трапезия ударом молнии позавчера убит Олег Коровкин. Год назад в международном лагере «Памир-77» я много общался с ним. Олег кончил такой престижный институт, как МФТИ, три года работал инженером, а потом перешел в отдел альпинизма Спорткомитета. Только что выполнил норму мастера спорта. В разговорах он жадно интересовался всем, что имело отношение к альпинизму, запоминал и использовал мои рекомендации по восхождениям, был фанатиком (в хорошем смысле слова) альпинизма. Как жаль хорошего парня. Кажется судьба специально выбирает для преждевременной смерти людей, которым надо жить и жить. Серьезно обожжен Кавуненко.

Только около часу ночи выехали на присланном за нами автобусе из аэропорта. По дороге в коротком разговоре Чак подтвердил то, что уже говорил раньше: Американский Альпинистский Клуб пришлет приглашение шестёрке наших альпинистов посетить США в следующем году. Четверых — на выбор нашей федерации альпинизма; двоих — Байбару и

меня, пригласят персонально.

Кончились записи в очередной книжке. Наверное, как и после описания восхождений 1976 года, полезно привести здесь же американские впечатления. Через полгода после нашего восхождения в федерацию альпинизма СССР был прислан ежегодник «Американский альпийский журнал, 1979», где среди прочих имелась статья Рика Сильвестра, в которой правдиво описывалась экспедиция. До этого краткие информационные сообщения появлялись в других альпинистских изданиях и в газетах. Только в одном месте, мне кажется, Рик приврал — там, где он пишет, что развернул на вершине лозунг. Все мы были на виду друг у друга, и никакого лозунга, в нашем понимании этого предмета, никто у него не видел. Остается предположить, что он развернул свой лозунг под пуховкой или в кармане. Итак, его статья.

Из России, с удачей. Рик Сильвестр.

Это была лучшая из поездок и худшая из поездок. Горы были покорены, мы увидели чудесные пейзажи, получили уникальный опыт, познакомились с новыми людьми. Но это только одна сторона, потому что были раздражения, препятствия и непонимания и опасение за жизнь и конечности.

В течение последних пяти лет, одним из наиболее необычных проявлений разрядки была серия альпинистских обменов между СССР и США. Три раза американские альпинисты были приглашены Советской Федерацией Альпинизма совершать восхождения в СССР, и дважды до сих пор Американский Альпийский Клуб отдавал ответную дань вежливости. Результаты были плодотворными, по меньшей мере в двух отношениях: с точки зрения улучшения международного взаимопонимания и сотрудничества, и на уровне личных отношений, когда отдельные восходители получили возможность улучшать своё искусство и получать удовольствие в новых экзотических условиях с партнёрами, которых они никогда не узнали бы, не будь такого обмена.

Я был переполнен радостью, когда был избран членом команды, но мой энтузиазм умерили определенные реальности. Я был совсем не обрадован, узнав, что Памир, горы предварительно выбранные для восхождений, обладают не слишком хорошей репутацией из-за ломкого характера скал и плохих снежных условий, не говоря уже о том факте, что он расположен в зоне сейсмической опасности. Британцы потеряли двух своих лучших альпинистов во время экспедиции 1962 г. в этом самом районе. В течение советско-американского обмена 1974 года один американец стал жертвой лавины, а несколько других альпинистов, включая всю команду из восьми женщин на пике Ленина, погибли.

В умах многих американцев Советский Союз находится в положении Злодея Номер Один, заклятого врага, представляющего крайнюю опасность. Идея посещения такого места с целью альпинистских восхождений, весьма рискованного занятия, казалась чертовски смелой. По мере приближения отъезда моё беспокойство увеличивалось.

Несмотря на последний страх — опоздать на самолёт — все мы прилетели в Москву, даже Бэн Рид.

«Рик, у тебя моя виза?» Из моей группы я жил ближе всего к Сан—Франциско, где имелось советское консульство. Следовательно, на мне лежала забота обеспечить визы.

«О чём ты говоришь? Ты говорил мне, что сам о себе позаботишься».

Бэн был исключением. Он планировал две или три недели перед поездкой в СССР поехать в районе Шамони во Франции. И кроме того, он намеревался остаться в СССР после окончания обмена, чтобы проехать по Транссибирской магистрали от озера Байкал на восток.

«Я получил визу только на мою поездку по России после окончания обмена».

Так началась история с Бэном, в которой он сделал попытку того, что возможно не пытались сделать другие современные путешественники: въехать в Советский Союз без визы. Сотрудники, принимавшие нас, больше были ошеломлены, нежели удивлены. Это было первое из по-видимому, бесконечного числа крушений планов, с которыми столкнулся Виталий Медведев, наш переводчик и сопровождающий. Официальные лица в аэропорту увидели в этой ситуации ещё меньше юмора. Бэн был препровожден в «специальный отель». Он присоединился к нам через несколько дней.

Кроме Бэна Рида и меня команда состояла из Чака Крогера, руководителя, Стива Хэкетта, Карлоса Буклера и Рейли Мосса. Это составляло сильную команду. Стивен был хорошо известен своими первопрохождениями на Аляске, Чак — подъёмами по маршруту «Сердце» на Эль—Капитане, помимо прочих восхождений. Карлос — очень сильный молодой альпинист и победитель многочисленных вертикальных замерзших водопадов. Помимо своих альпинистских способностей, Рейли был нашим русским лингвистом, хотя и Карлос прошел недельный интенсивный курс Берлица. Послужной список Бэна включал не только скалы и горы, но и деревья, очистка которых была, по его рассказам, куда более грозным делом. И, наконец, я известен моими вариациями классического альпинизма и другими нелепостями. Да, это была прекрасная команда, и я предвкушал лазание с каждым из её членов. К сожалению я и до сих пор предвкушаю.

Эта группа, минус Бэн, конечно, имела только один короткий день, чтобы поглотить Москву. На нас произвели большое впечатление Красная площадь, собор Василия Блаженного, Кремль, гигантский универсальный магазин ГУМ и прекрасное русское мороженое (не обязательно в том порядке, в каком я перечисляю). Затем был 2500-мильный полёт на юг в Душанбе, «новый» город с населением 400.000, основанный в 1930 году. Душанбе лежит в самой юной советской республике, Таджикистане. Стал более понятным внушающий уважение размер этой гигантской земли, имеющей такую ширину, какую длину имеют Соединенные Штаты и простирающейся на одиннадцать временных поясов.

Маленький пропеллерный биплан, внешне напоминающий самолёты первой мировой войны, доставил нас, включая Бэна, в Джиргиталь, сельскохозяйственное село, расположенное на высоте 6000 футов. Отсюда гигантский вертолёт Аэрофлота перенёс нас на Памир, высочайший район СССР. Местом приземления была ледниковая морена, откуда мы на своих горбах перенесли грузы к месту разбивки базового лагеря, расположенного на высоте чуть ниже 13000 футов в километре от точки приземления.

Базовый лагерь раскинул свои палатки на траве и гравии рядом с маленьким мелким озерком. Совсем нет деревьев. Был установлен общий стол (в первую очередь), произведен беглый осмотр Вадимом Зайцевым, доктором, а затем мы приступили к узнаванию друг друга. За несколькими исключениями мы, американцы, вынуждены были знакомиться не только с Советами, но и друг с другом. В соответствии с тем, что может быть названо

истинно капиталистической индивидуалистской манерой, мы пренебрегли совместными тренировками перед обменом и впервые встретились все вместе только в Москве.

Как раз в процессе знакомства нашу группу осадили болезни. Самый сильный удар получили Карлос Буклер, Рейли Мосс и Стив Хэкетт. Возможный диагноз — пневмония, мне было плохо, но в меньшей степени; моему состоянию не помог и часовой бег днём позже нашего появления в базовом лагере. Причина заболевания так и не была полностью установлена. Известно, что слишком быстрый набор высоты, особенно без усилий (т. е. транспортировка самолётом и вертолётном), может сыграть плохую роль в организме. Но почему американцы уступили болезни? Почему нет заболеваний среди Советов? Они летели также. Может быть наше состояние было усугублено другими факторами — путешествием, изменением временного пояса, незнакомой, хотя и обильной диетой. По этому, последнему пункту, только у двоих из нас, Бэна и Чака, всё было в порядке. Интересно, что Бэн провёл три предшествующие недели во Франции, а Чак — заметную долю последних трех лет в Мексике, где строил ферму для креветок. Если чьи-то желудки могли выдержать новые порции микробов, так это их.

Карлос, Рейли и Стив — были отправлены по воздуху в больницу в Душанбе, и все остальные имели удовольствие видеть их только последние две недели обмена. Их лето в СССР существенно отличалось от нашего; воспоминания их должны состоять из таких приятных вещей, как ежедневные инъекции антибиотиков, частые рентгеновские просвечивания, прогревания. Советские врачи действовали серьезно.

На следующий день Чак, Бэн и я с двумя советскими альпинистами, Сергеем Ефимовым и Славой Лаврухиным, подошли в нашей первой цели — пику Революционеров, близлежащей 19500-футовой горе, восхождение на которую должно было помочь нашей акклиматизации. Мы пятеро захотели попробовать пройти новый маршрут; основной советский контингент будет подниматься по обычному пути. До сих пор, и даже чуть позже мы, американцы, имели смутное представление о конкретной схеме обмена 1978 г. Советское приглашение выделяло восхождение на пик Коммунизма, 7482 м (24548 футов), высочайшую точку Советского Союза. Это интересовало нас, несмотря на наши опасения относительно Памира, но вдобавок мы надеялись и требовали совершать восхождения в других частях страны. Ситуация прояснилась позднее. Если для нас пик Коммунизма, будучи главной целью, предполагал быстрое восхождение в альпийском стиле, то для советского образа мышления это означало долгое пребывание на Памире, во всяком случае, львиную долю нашего шестинедельного визита в СССР. Должны быть сделаны акклиматизационные восхождения — вполне оправдываемое объяснение. Нас интересовал пик Коммунизма. Он обладал притягательной силой высочайшей вершины. Но мы никогда не переставали сожалеть о том, что не посетили другие, неизведанные нами хребты гор.

Были и другие огорчения. Едва ли не у подножия нашей первой горы Бэна ударило. Падающий камень задел его вскользь по голове около виска. Его ухо наполнилось кровью от внутреннего кровотечения. Зловещий знак. Все, что мы слышали о Памире, оправдывалось. После короткой остановки и перемены планов Бэн продолжил восхождение. Общим решением было то, что Сергей и Слава продолжают подъём по новому маршруту. (Мы, трое американцев, предполагали уже другой «новый маршрут» отличный от — их). В конце мы выбрали обычный маршрут. Наш путь казался непривлекательным даже без камнепадов.

В месте ночёвки на высоте около 17000 футов к нам присоединились другие советские альпинисты. Было гнетуще жарко, ни малейшего дуновения. Моё ослабленное состояние

ухудшилось, в течение малоприятной ночи начался жар. Расстройство желудка к тому же — стул был более жидкий, чем моча. На следующее утро доктор и я вернулись в базовый лагерь. Днем позже вернулись победоносные Бэн и Чак, вместе с большинством советских альпинистов, оба слегка мрачноватые и возбуждённые из-за камнепадов и общего состояния горы, ещё днем позже вернулись Слава и Сергей, принимая дань уважения за свою победу.

Теперь обмен набрал силу и стал более приятным. Мы начали узнавать наших хозяев и соратников по восхождениям и понимать различия между нами. Бен находил удовольствие в политических дискуссиях с Вадимом; независимо от того, как далеко заходил Бэн, допуская недостатки нашей системы, он никогда не мог получить от доброго доктора не единого отрицательного примера о жизни в СССР; он не указал даже на постыдно длинные очереди. В общем, да, доктор признавал проблемы, но никаких конкретных примеров.

После пары дней отдыха и пира мы отправились на новый " акклиматизационный маршрут», Арженикицун (*пик Орджоникидзе — М. О.*). Я был всё ещё слаб и полон предчувствий. Снова шли три гринго, на этот раз сопровождаемые Мишей Овчинниковым и Валерой Алмазовым. Миша — джентльмен и прекрасный альпинист. Все восхождения в Советском Союзе я совершил с ним, и я не мог мечтать в лучшем партнёре. Валера также показал себя очень приятным товарищем.

Восхождение вылилось в трехдневный подъём по не пройденному до нас некрутому ребру. Вершина на 200 футов выше, чем наша гора Мак—Кинли. Скалы — ужасающе плохие; некрутые, но потенциально смертельно опасные. В истинно индивидуалистической манере, Бэн и Чак никогда не связывались, но я присоединился пару раз к верёвке Миши и Валеры на наиболее крутых участках, опасаясь, что зацепки сломаются и тяжелый рюкзак не позволит удержаться. Эта разница в технике на самом деле не была принципиальным отличием советского стиля, от американского, а скорее говорила о личном предпочтении.

Один бивуак был на скалистом гребне, другой — на снегу. Слабость и головная боль беспокоила меня весь подъём, и я был почти бесполезен в бивуачных заботах: расчистке площадок, натягивании палаток, приготовления пищи. Остальные напряженно работали. Вершина появилась после непродолжительной остановки, в течение которой мы ожидали, когда рассеется густой туман. Снова основной контингент альпинистов из нашего лагеря достиг вершины по обычному пути, поднявшись на неё как раз перед нами, хотя и вышли они днём позже.

Вернувшись в лагерь, мы отдыхали, набирая потерянный вес. Ещё больше дискуссий, политических и прочих. Ещё больше возможностей узнать ближе людей с противоположной стороны глобуса. В один прекрасный день состоялся странный спектакль: «Памирская олимпиада» или «Памирский секстатлон» за неимением официального наименования. Неофициальные соревнования состояли из таких отличающихся видов, как бег спиной вперед вдоль прочерченного в пыли круга, чертя палкой второй круг рядом; задержка дыхания, для чего лицо надо было погрузить в таз с водой (значительный подвиг на этой высоте); ещё в одном виде надо было стать на пустой газовый баллон и бросить назад через голову большой камень (дисквалификация в том случае, если не удастся удержать равновесие и нога коснётся земли раньше, чем камень); прыжок назад с места. Американская команда, между прочим, оказалась второй. Конечно, мы выступали не в полную силу.

Затем настало время выхода к главной цели, пику Коммунизма. Называвшаяся прежде пиком Сталина, также, как Душанбе был раньше известен как Сталинабад, эта гора никогда не

выходила у нас из головы. После моего страха, даже отвращения к скалам на предыдущем восхождении, я решил было не лазить больше на Памире. Но вот пришло время выходить!

На первой ночёвке нашего двухдневного пути подходов мы узнали по радио, что наконец вернулась другая половина нашего контингента. Было ясно, что после их пребывания в больнице и без акклиматизационных восхождений, они не могут идти вместе с нами. Попытка их подъёма на пик Коммунизма была бы не только неразумной и абсурдной, но и подвергла риску наше собственное восхождение. Карлос и Рейли спокойно восприняли реальности, но Стив начал борьбу. Я симпатизировал ему. Легко ставить интересы группы на первое место перед интересами личности, если сам являешься членом группы.

Восхождение заняло четыре дня. Скорее альпийская тактика, чем осада. Ни караванов, ни смены грузов, ни организации промежуточных лагерей по мере подъёма. Мы всё несли с собой, хотя это означало весьма тяжёлые рюкзаки. Пища состояла из наших американских сублимированных продуктов и их русских консервов, сыра, ветчины и даже икры. Наши были легче, а их вкуснее. Чак и я присоединились к большей части советских альпинистов для подъёма по маршруту первовосходителей, впервые пройденному в 1932 г. Бэн был в команде с Сергеем Ефимовым (который в прошлом году совершил восхождения на Аляске в составе советской команды обмена), Виктором Байбарой и Иваном Душариным. Они собирались подняться по слегка более прямому гребню, контрфорсу Варуниа (*Воронина — М. О.*). Первые 3000 футов им надо было пройти как можно быстрее, карабкаясь по скалам, в основном, четвертой категории, чтобы выйти из зоны лавинной опасности. Маршруты соединялись на высоте около 22000 футов.

Мы были первыми американцами, покоряющими пик Коммунизма с этой стороны. Раньше на вершине были только два других американца. Прошлым летом я был на вершине Мак—Кинли и сейчас находил приятной симметрию ситуации: две высочайшие вершины двух величайших держав за два последовательных сезона.

На первых двух скальных ступенях опасно близко проносились большие камни. На второй было несколько довольно трудных участков. В самых крутых местах висели обтрёпанные перильные веревки, оставшиеся со времен первого восхождения Абалакова на пик. Нужно было быть осторожным. Однако Чак в дневнике описывает это как «наш самый лучший день за всё лето — крутые скалы и снег, короткие участки льда». Лагерь расположился на впечатляюще узком гребешке. Головная боль мучила меня и на этом и следующем бивуаках. От последней ночевки, пройдя путь длиной в несколько километров, мы поднялись на вершину.

На вершине я развернул свой маленький импровизированный лозунг: «Освободите советских евреев диссидентов» — гласил он. Я не мог оставить безответным вызов, содержащийся в советском приглашении группе капиталистических американцев совершить восхождение на пик, названный «Коммунизм». В конце концов мы никогда не приглашали их подняться на нашу высочайшую вершину, которая, как каждый знает, называется «Пик Капитализма».

Спуск: больше страха и неприязни, чем на подъёме; большая нагрузка на колени и голову. Очередное, и последнее пересечение лабиринта ледника Бивачный. Эти ледниковые траверсы снова и снова напоминают о подписи под фотографией в книге Сесслера «Красный пик»: «Самая загрязнённая земля, какую только можно вообразить». Наша группа, только что побывавшая на вершине, теперь напоминает зомби в последнем смертельном броске.

Каждый ухитрился вымучить хотя бы одно памирское восхождение. Карлос и Стив совершили исторический подъём на Арженикицун: без радио. Из-за болезни, но больше из-за главного удара, потери своего сундука, содержащего всё его альпинистское снаряжение, ботинки и т. д. в Москве, Рейли ловко избежал альпинизма в такой предательской местности. Теперь, вместе с советскими альпинистами из соседнего лагеря, он поднялся на пик Космонавтов в беговых туфлях.

В виду того, что сейчас оставалось только десять дней, разгорелась напряжённая дискуссия, как лучше потратить оставшееся время. Так мало времени, такая огромная земля, так много увидеть и сделать. Дебаты стали академическими после того, как следующие шесть дней оказались потерянными в ожидании не появляющегося вертолётa.

После того, как вертолёт спас нас (не столько от ледника, сколько от «каши», единственного вида пищи, оставшегося у нас), времени осталось как раз столько, сколько надо, чтобы чуть попробовать другие места, нежели Памир.

Посещение альпинистского учебного лагеря. И около этого лагеря мы, американцы, вместе с нашими хозяевами совершили три первопрохождения по прекрасному граниту в изумительной долине альпийского типа. День в Самарканде, городе, которому уже 2500 лет, и который был однажды покорен Чингиз—Ханом; городе с исламской культурой, мечетями, открытыми рынками с пирамидами дынь и арбузов. Затем был раунд банкетов, заполненных вином, сладким грузинским шампанским и, конечно, водкой.

Дома, у озера Тахо, пришло время классифицировать наши впечатления и воспоминания этого необыкновенного лета. Икра на высоте 21000 футов. Ледниковые лабиринты. Страх и отвращение. Древнее альпинистское снаряжение наших хозяев. Рюкзаки, лишённые наших усовершенствований, не имеющие ни одного из преимуществ, к которым мы, нежные американцы, так привыкли. Трикони, которым я действительно завидовал на ледниках. Ледники были настолько покрыты обломками камней, что кошки были неудобны, в то время как трикони — идеальны. И только ужасный скрежет от проскальзывания триконой по плитам напоминал мне, что их время прошло.

Но лучшее из всех воспоминаний — это воспоминание о наших советских спутниках; их силе и доброжелательности; их теплоте, гостеприимстве и товариществе — безусловно это братство было самым главным в обмене; о чтении их и наших книг с Виталием и Мишей; об открытии того факта, что Таня наша «кухарка», была физиком ядерщиком; о лазании по камням, с Сергеем, о том, как он напевал «Тень вашей улыбки»; о шуточной борьбе с Виктором; о совместной тесной жизни и встречах лицом к лицу опасностей вместе с людьми, которые раньше рисовались, как негодяи, заклятые, нечеловеческие враги. Это было, наверное, самым ценным.

Редкая возможность разбить вдребезги все клише, всю пропаганду, все предвзятые представления, образованные прежним, далеким от истины опытом. Без таких вещей, как обмен, наше знание этой обширной и разнообразной земли и её людей формируется, главным образом, журналистикой с негативным уклоном. Теперь, когда я думаю об СССР, в моем мозгу возникают конкретные образы, далекие от прежних общих стереотипов. Положительные образы. Местность. Стремительные потоки. Ледники. Скалы и пики. Города. Москва. Душанбе. Самарканд. Обходительность. Ломаем хлеб. Прихлёбываем чай. Тосты перед приёмом внутрь более крепкой жидкости. Теснота общей палатки. И лица: Дайнюс, Слава, Лев, Миша, Виктор, Сергей, Виталий, Анатолий, Ваня, Валера, Вадим, Людмила,

Таня. И, конечно, Чак, Стив, Карлос, Рейли и Бэн. Вещи, места, и люди гораздо более сложны и удивительны не годятся для подвешивания ярлыков — чем любые грубые слепки с политической идеологии.

Краткое содержание

Район: Памир, СССР. **Восхождения:**

Пик Революционеров; 19480 футов, обычный маршрут (Бэн Рид, Чак Крогер и пять советских альпинистов); новый маршрут (Сергей Ефимов, Слава Лаврухин).

Пик Арженикицун; 20500 футов, новый гребень (Бэн Рид, Чак Крогер, Миша Овчинников, Валера Алмазов). Обычный маршрут (все другие советские альпинисты из нашего лагеря); обычный маршрут (Стив Хэкетт, Карлос Бухлер).

Пик Коммунизма; 24548 футов, гребень первовосходителей (Чак Крогер, Рик Сильвестр, Анатолий Бычков, Валера Алмазов, Слава Лаврухин, Дайнюс Макаукас, Миша Овчинников, Лев Павличенко); контрфорс Варуниа (Бэн Рид, Сергей Ефимов, Виктор Байбара, Иван Душарин).

Участники: Анатолий Бычков, Сергей Ефимов, Виталий Медведев, Вадим Зайцев, Валера Алмазов, Виктор Байбара, Иван Душарин, Слава Лаврухин, Дайнюс Макаукас, Миша Овчинников, Лев Павличенко, Таня Алмазова, (управляющий базового лагеря) — советские.

Чак Крогер, Рик Сильвестр, Рейли Мосс, Стив Хэкетт, Карлос Бухлер, Бэн Рид — американские.

Американский альпийский журнал 1979 г., стр.62–69.

Заканчивая описание экспедиции 78 года хочу несколько слов сказать о дальнейшей альпинистской судьбе некоторых наших ребят.

Толя Бычков по линии спорткомитета управляет альпинизмом и скалолазанием в СССР и по отзывам неплохо управляет, в несложных восхождениях участвует сам.

Слава Лаврухин и Сергей Ефимов были кандидатами в гималайскую сборную команду. Слава не выдержал конкурса, а Сергей прекрасно прошёл все подготовительные испытания, вылетел в Гималаи и поднялся на Эверест.

Дайнюс Макаукас и Виктор Байбара в разные годы покорили пик Победы и продолжают активно заниматься альпинизмом.

С Лёвой Павличенко и Иваном Душариным мы больше не встречались.

Валерий Алмазов забросил горы, предпочитая в отпуск ездить на заработки, «шабашить».

Я сам два следующих года работал в альпинистском лагере, приезжал в «Джайлык» с семьёй; с огромным удовольствием обучал молодых ребят искусству горвосхождений, разгадывая личность каждого и слегка (что можно успеть за двадцать дней) формируя характер в

нужном направлении. Но всё-таки на любом из выпускников маленького отряда разрядников ускоренной подготовки оставались отпечатки моего влияния.

Кто-то из них настраивался на альпинизм надолго, а кому-то заниматься альпинизмом противопоказано (из-за трусости или неисправимого разгильдяйства). После пятилетнего перерыва в инструкторской работе, после экспедиционных нагрузок в лагере казалось удивительно легко. И учебные и спортивные восхождения на близлежащие вершины были похожими на прогулки.

Последнее серьёзное восхождение в составе сборной команды лагеря я совершил в 1973 году, когда участвовал в первенстве СССР, инструкторы лагеря поднялись на Южную Ушбу по восточной стенке. Именно об этом восхождении мне хочется рассказать, переписав очередную записную книжку.

Часть 6. Ушба.

1973 г.

12.07.73.

Наконец выехали из лагеря; основной состав команды шесть человек и наблюдатели, тоже шестёрка, Игорь Хацкевич — капитан сборной лагеря, Миша Никулин — его заместитель, рядовые участники — Сергей Соболев, Витя Волков, Алексей Кузнецов и я, все как один интеллигенты, научные сотрудники. Четверо первых — москвичи, Кузнецов — дубненец, я — из Протвино. Получилось так, что в лагере мы оказались сильнейшими. Мальцев со своими уральцами сейчас покоряет пик Маркса на юго-западном Памире. Они приглашали и меня к себе в экспедицию, но Ушба — моя давняя старинная мечта, и я отказался.

Маршрут на Ушбу предложил Игорь, поднимавшийся на южную вершину в команде Вооруженных Сил несколько лет назад и хорошо просмотревший не пройденную восточную стену. Ещё зимой он соблазнил меня и горой и стеной, хотя особых уговоров и не потребовалось: десять лет назад, проходя с отрядом после транспортировочных работ по ущелью реки Долра, я был настолько сражен суровой красотой горы, что дал себе слово подняться на неё. Наконец, пришло время. С Сергеем Соболевым мы не раз вместе поднимались на многие вершины (с 1966 года), и поэтому я хорошо представляю его возможности; остальных знаю хуже; правда, тренировочное восхождение по новому пути на Тю-тю-баши, недалеко от «Джайлыка» позволило просветить каждого не хуже рентгеновских лучей, и кое-что о технических способностях и характере каждого я знаю.

Наши наблюдатели составили ещё более разнокалиберную компанию, чем основной состав: Галка Соболева (жена Сергея) и Люда Иванова — инструкторицы со стажем, Москалёв — новоиспеченный инструктор, Савченко и Громов — молодые ребята разрядники (с обоими я только вчера пришел с учебного восхождения на Кой—Авган, 3А, во время которого Громов, идя со мной в связке вторым, сорвался и никак не мог выйти из висячего положения, пока его не подтянули). Стас Козырев — стажер, имеющий одно восхождение 5Б категории трудности. Едет с нами и тренер команды (как обычно, номинальный) начальник учебной части «Джайлыка» Виктор Павлович Попов.

На вездеходе ГАЗ-66 мы добрались по ущелью (Адыр—су) вниз до подъёмника, там перегрузились на автобус ПАЗ-672 и через пару часов оказались в Нальчике на базе лагеря. Оттуда на другой машине ГАЗ-66 к вечеру доехали до Орджоникидзе, где заночевали на квартире у Попова. Чтобы добраться до подходов к Ушбе, находящейся на расстоянии полутора десятков километров (по прямой линии) от лагеря, нам надо проехать расстояние в 40 раз большее. Но это лучше и быстрее, чем переноска наших грузов (около полтонны) на южные склоны Кавказского хребта на наших спинах через перевал Бечо. Мы будем избавлены от утомительной «ишачки» челночных переходов с увесистыми рюкзаками.

13.07.73.

Поднялись в 3:00. Двинулись в путь в 4:00. Дарьяльское ущелье с Военно—Грузинской дорогой не впечатляет. Хотя с 1960 года, когда я проезжал здесь впервые, получив в Цее значок «Альпинист СССР», есть некоторые изменения: на скалах появилось много написанных краской лозунгов в честь Сталина. Самый большой написан чуть ли не пятиметровыми буквами. Проехали Крестовый перевал, Гори, Кутаиси, Зугдиди — и отсюда всего 30 км до моря, вот бы захватить искупаться перед восхождением! Такого ещё не бывало. Перед искушением устояли, но потом все жалели.

Заночевали на футбольном поле не доезжая немного до стройки Ингури ГЭС. Все заботы о приготовлении пищи взяты на себя наблюдателями, как договаривались. Они кашеварят, мы — разглагольствуем о высоких материях. В темноте летают интересные светлячки, мигающие, как самолёты на взлёте или при посадке. Ночью под монотонную дробь дождя по скатам палаток прекрасно спится. У нас, вообще, комфорт: спим по три человека, просторно, на поролоновых подстилках мягко и тепло в пуховых мешках.

14.07.73.

Выехали в темноте, без завтрака, по дороге вдоль Ингури. На смотровой площадке ГЭС остановились и в предрассветных сумерках взглянули на стройку: мало что добавилось с 1962 года, когда стройка разворачивалась. Зелёные склоны холмов взрезаны взрывами и ножами бульдозеров, укладка бетона в тело плотины только—только началась. Бадьи с раствором перемещаются по тросу, перекинутому через ущелье, Ингури бесится неукротённая, ещё более яростная после дождей.

Дорога, раньше называвшаяся Ингурской тропой, не асфальтированная, узкая, в колдобинах, растрясла (скорее утрясла) и погрузила в сладкую дремоту всех, кто не сидел на жёстких сидениях откинутых скамеек. Я лежал на вещах, устроив себе гнездо из мягких рюкзаков, бухт верёвок, скатанных палаток. Наибольший опыт поездок на грузовиках по горным дорогам у Хаца и у меня. Посмотрев на наши гнёзда, начали устраиваться остальные, но места всем не хватает, как и строительного материала, а поэтому время от времени мы меняемся местами с теми, кому скамейки набили синяков. С Сергеем мы сошлись на мысли, что сон в условиях тряски необычайно освежает организм, и что вибрация в определенных дозах вообще полезна для человека. Сергей, человек увлекающийся, предложил даже конструкцию персонального механического вибратора для отдыха. Большинство, правда, считает несовместимым сон и тряску.

К 12-ти добрались до селения Гуль, нашей сегодняшней цели, и отъехав сколько можно по

целине к горе, мы под дождем быстро сгрузили наше барахло, простились с Поповым, поставили палатки на ярко-зелёной траве. Игорь, чтобы не мочить одежду, разделся до трусов, благо дождь пока тёплый. Остальные предпочли работать в плащах или накинув куски пленки. Кузнецов и Никулин сходили в деревню Бечо к знакомому свану (познакомились с ним год назад) и договорились на завтра о тягловой силе, двух быках, чтобы перебросить наши грузы поближе к леднику. Цена — 50 руб. в сутки, великовато по моему. В прошлом году на юго-западном Памире мы за эти деньги нанимали 10 ишаков, которые поднимали по тропе 700 кг на высоту 4100 метров от уровня около 2500 метров. Вес нашего «общественного» груза сейчас мы оценили в 500 кг, а разница по высоте нашего лагеря сейчас и предполагаемого базового не более полукилометра. Кавказ ближе к Европе, поэтому наверное и перенос тяжестей стоит дороже.

С места бивуака видна Ушба, красивая, величавая, спокойная и гордая (хотя вид не самый выгодный). Хац вначале обозвал Гульбу Ушбой, и мы поспорили с ним, где какие горы расположены, я оказался прав, когда к вечеру облака поднялись, представив нам настоящую красавицу. Прогулялись с одним из ребят вспомогателей выше леса, вымокли, но все зря, т. к. снова наша гора прикрылась низкими тучами.

К ужину пришёл Ника, прошлогодний знакомый ребят, русский, живущий у свана, с которым вместе воевали. Его личная жизнь не сложилась. Боевой капитан, он попал в плен, выжил в Освенциме, после войны проходил долгую проверку, работал в разных местах, развелся с женой, запил и повстречав в Сухуми своего фронтowego подчиненного и друга, охотно пошел жить к нему.

«Мяса — по шею» — показывает он жестом — «Араки — выше головы, хоть залейся».

«А что ты делаешь у Шоты?»

«Работаю по хозяйству, кошу, пасу скот».

«Батрачишь, значит» — уточнил Хацкевич. Ника задумался и пошатываясь пошёл по тропе вниз.

15.07.73.

Поднялись в 4:00. Позавтракали. Наши женщины и дежурный наблюдатель соорудили кастрюлю яичницы с колбасой и овощами, кофе. Прохладно и сыро, но дождя нет, и на этом спасибо всевышнему. В 5:30 пришли с быками Нартух Гаргиани (второе его имя Шота более употребительное) и Ника. За быками тащатся сани, прочный примитив. Деревянные полозья сделаны из комлей молодых берез, согнутых и закругленных весенними лавинами, между полозьями — распоры, сверху — плетеная из прутьев корзина. Ярмо — общее для обоих быков.

«Грузи все» — распорядился Шота. И мы подчинились, свалив в корзину все пять центнеров. Быки бодро потянули.

«Теперь до самого ледника пойдут. Хорошие у меня быки» — уверяет хозяин. Через 100 метров, на первом же подъёме, сани остановились. Не помогли ни ласковые уговоры быков хозяином, ни кнут. Половину того, что лежало в корзине, мы сгрузили под сосну и начали

подталкивать сани. Через час мальчик, племянник Шоты, привёл вторую пару быков. Если раньше все мы толкали одни сани, то теперь пришлось поделить сани надвое. Спустя некоторое время понадобилось снять с салазок и одеть на себя рюкзаки, иначе быки не соглашались трудиться. Немного погодя мы сняли ещё часть ящиков и начали челночные переноски. На подъёме в середине дистанции быки упали — и ни с места, с морды — пена. Позже пена начала капать с наших морд, смешиваясь с мелким нудным дождём, становящимся чем выше, тем холоднее и сильнее.

Сваны чертыхаются на своем языке и по русски, и не смотря на то, что на одного быка приходится примерно такая же нагрузка, как на одного альпиниста мужского пола, с каждой пройденной сотней метров требуют все большую плату, 100, 200, 300 рублей. При окончательном расчете под дождём со снегом и градом на моренном плато у ледника мы отдали им все что у нас было — 70 рублей, и пообещали после восхождения принести тридцать метров веревки (считая по рублю за метр, это составило сотню). Жестиколируя и ругая себя, они скрылись внизу за дождевой пеленой, а мы тоже пошли вниз за оставленными ящиками: впятером мы сделали по три ходки, пока все было доставлено на место, откуда наблюдатели будут присматривать за нами во время восхождения.

Пока мы таскали, остальные натянули палатки и успели вскипятить чай. До чего же приятно переодеться во всё сухое и блаженствовать попивая горячий напиток, растянувшись в палатке, глядя на непогоду снаружи.

Несколько бивуачных сцен — характеристик личности (вчера и сегодня).

1). Кузя подходит к лежащей на земле верёвке и твёрдо, как обычно, спрашивает:

«Кто знает мокрая эта верёвка или сухая?» Отвечает Москалев:

«Мокрая». Лёша пробует и упрёком говорит:

«Ничего подобного, сухая».

2) Миша Никулин проходит мимо чайников на примусах и говорит:

«Мужчины, чайники кипят, надо снять!» Все заняты, он проходит мимо. Минут через 10, когда я освобождаюсь и беру у девчат чай для заварки, чайники по-прежнему кипят, а Миша сидит рядом с ними спиной и кушает.

3) Он же просит — «Нарежьте и подайте мне хлеб». Хлеб от него — через стол. Все мы стоим вокруг и едим.

16.07.73. Вчера Хац требовал подъема в 4 и скорого выхода под маршрут. Едва удалось уговорить его сместить подъём на 2 часа позднее; в плохую погоду мы ничего не увидим, можно лишь занести часть снаряжения, но лезть в тумане на лавиноопасные склоны слишком неразумно. Поднялись в 6 и до 8 болтались без дела. Завтрак женщины готовят в палатке, помощников из наблюдателей хватает и наше содействие отвергнуто. Днем попеременно то дождь, то снег, то туман, то небольшие просветы в облаках. В такую погоду хорошо спится, так и сделали почти все, кроме троицы Хацкевич, Никулин, Кузнецов, которые резались в преферанс.

К вечеру похолодало сильно и облака поднялись. Пошел по гребню морены и хорошо просмотрел маршрут и подходы под стену: после нескольких дней снегопада надо идти сначала под склонами Гульбы, а потом траверсировать ледник по пологой части. Хац и Никулин не согласны (хотя еще и не ведали рельефа), предлагают идти по центру ледника. Вытащил Игоря из палатки, и после прогулки со мной он согласился на мой вариант подхода к скалам восточной стенки. Но тактический план действий на завтра отвергает: я хотел, чтобы завтра с утра с грузом под стенку подошли все шестеро восходителей, трое из них начали бы обработку стены, а трое сразу же вернулись обратно в базовый лагерь за оставшимися продуктами и снаряжением. Игорь настаивает на ночёвке всех шестерых под стенкой, на последующем спуске всех шестерых на базу за оставшимися продуктами. «Зачем так?». Его единственный аргумент: акклиматизация и «слёжка». Но мы прекрасно акклиматизированы и «слежались» благодаря тренировочному восхождению. Шестерым там в первый день делать нечего, но Игоря не переубедить.

Ещё один организационный беспорядок: после дневного бездельничанья мы начали суетиться с распределением груза на выход лишь вечером, как будто надеясь, что и завтра будет неходовая погода. Кузя у нас — начальник по продовольствию, Серега — зам. Игоря по деревянным клиньям, за мной — шлямбурное оборудование и веревки. Миша обязан обеспечить функционирование связи, Витя — работу примусов, Игорь — подобрать «железо».

17.07.73.

Начинается восхождение, я с утра — на взводе. Вышли из базы в 5:45 с опозданием чуть ли не на час. Пересекли ледник, как намечали и по крутому снежному склону начали подъём к стене. Почти весь путь лежал или по мощным лавинным конусам или по следам лавин на склоне, но сейчас ясным морозным утром, появление лавин исключено. Жёсткий снег начал раскисать под солнечными лучами часов с 8, когда мы поднялись чуть ли не до середины склона. Сразу начали проваливаться глубже и глубже (по щиколотку, по колено, до середины бедер), темп резко замедлился, увесистые рюкзаки (килограммов по 30) прилипли к мокрым спинам; начал отставать Лёша несмотря на своё замыкающее место в шестёрке. Лишь к 12 добрались до скал, сбросили уже сейчас ставшие ненавистными рюкзаки и чуть выше того места, где я намечал место для бивуака, долго вчетвером готовили площадки для палаток. Двое, Хац и Волков пошли к скалам, выбранным для начала маршрута на стене — это метров 40 от нас вправо. Надо пересечь крутой снежный кулуар с глубоким лавинным желобом посередине, чтобы подойти к разрушенному в нижней части бастиону, где нам предстоит лезть. Наша четверка после установки палаток занялась размещением багажа внутри и чаем: кипятить взялся Лёша, разлил, вычерпал кружкой всё, что можно было собрать на полу и снова слил в чайник, вкус у напитка стал после этих манипуляций весьма пикантный. Скоро делать стало нечего и вернувшийся Хац распорядился, чтобы трое из нас собирались спускаться вниз. Но теперь категорически возражаю я:

«Сейчас вечереет, тепло, в любой момент по пути спуска может сойти лавина — солнце освещает снежные карнизы на верхних гребнях горы. Мы опоздали и теперь спускаться можно будет только завтра утром».

«Да какие сейчас лавины?» — раздраженно говорит Игорь — «весь снег уже съехал за день, ничего нового не предвидится».

«То–то и подозрительно, что снег съезжал везде, кроме нашего пути».

«Давай не будем спорить. Пойдете: ты, Никулин, Соболев».

«Пойдут, но только утром». Мы препирались дуэтом минут 10–15. Игорь активно поддерживал Лёша, со мной соглашался только Сергей. Страсти накалились, пока внезапно наш спор не прервал характерный гул мощной лавины из тяжелого влажного снега: она неслась быстрее поезда, взлетала на перегибах склона, перебрасывала чёрные обломки скал как раз там, где нам предстояло спускаться. Несколько минут все молча наблюдали.

«Ну и как, Игорь» — с ехидцей сказал я — «был бы финал восхождению и кое–кому из нас, если бы мы следовали твоим указаниям». Хац ответил совсем не так, как я ожидал:

«Но сейчас–то можно идти, после того как лавина прошла, выходите».

«Ты полагаешь, что наверху не осталось больше ни одного карниза на наши головы?» Спор готов был снова разгореться, если бы Витя Волков не внёс самое разумное предложение:

«Давайте сообщим наблюдателям, чтобы они со всем необходимым вышли рано утром нам навстречу, мы возьмём у них груз не доходя до базы и быстро вернемся сюда». Снова Игорь пытался возражать, утверждая, что никакой экономии времени встречный выход не даст, но все остальные поддержали Волкова.

В половине девятого укладываемся спать. Мы с Серегой — по бокам, Витя в середине, без спального мешка, в пуховом костюме и наших с Соболевым пуховках. Всем тепло, всё кроме ботинок, сухое; погода, как будто установилась, по крайней мере на завтра, хорошая.

18.07.73.

В 4:00 вчетвером пошли вниз: Никулин, Соболев, Волков, я. Небольшой морозец, ясно, снег мягкий, но ступеньки держат хорошо. В зоне схода лавины наши вчерашние следы полностью уничтожены, а ниже, в горловине лавиносорника, снег содран до льда. Там быстренько организовали спортивный спуск на 40 метров, Волков потихоньку спустился последним, я подрубил ему ступеней. У края ледника повстречались с четвёркой наблюдателей и переложили к себе в рюкзаки около 50 кг продуктов и снаряжения. Я предложил было не брать мёд в двух стеклянных литровых банках (Никулин поддержал), но Хац по рации распорядился захватить. А зря. Во–первых, наверняка расколем эти банки, во–вторых, ничего, кроме вреда на восхождении от мёда не будет, это стимулятор простуды в наших дискомфортных условиях. Волков, любитель мёда, быстро уложив обе банки к себе, предварительно дав всем попробовать,

В 6:10 двинулись обратно и в 8 были на площадке под стеной, откуда Хац и Кузя уже унесли по одному рюкзаку по перилам к основанию скальной части маршрута. На площадке осталась груда снаряжения и продовольствия.

Пока мы готовили чай и завтракали (для чая Миша Никулин роскошествуя взял алюминиевый чайник) произошел неприятный, но характерный для нашей интеллигентной компании инцидент: Серега нечаянно наступил триконями на ремешок каски Волкова, лежащей на снегу рядом с кучей снаряжения, и тот в ответ злобно ущипнул Серёгу за

задницу, так что он вскрикнул от боли и неожиданности. Вдобавок Витя стал стаскивать каску с Серёгиной головы, чтобы также наступить на неё. Уладить это происшествие удалось после изрядного шума. Вообще, похоже, каждый из нас имеет свои странности, но к некоторым я пока не привык. Вчера, например, когда Кузя, поддерживал Игоря и настаивал на спуске вечером по лавинному кулуару, он приводил такой аргумент: я в горах бывал больше, чем ты, и ты должен слушаться. Даже удивился, почему такой весомый аргумент не подействовал на меня.

К 10:30 все рюкзаки доставлены к основанию стены. Игорь уже успел уйти по несложным скалам вверх на пятьдесят метров. Используя перила, натянутые им, можно было бы всем остальным подниматься с рюкзаками, но первый рюкзак уже начали вытягивать (по указанию Игоря), а за ним и остальные. Банки с мёдом, упакованные Витей, естественно, разбились. Кузя, забыв, что он, как начпрод, должен был обеспечить полиэтиленовую тару, материт всех подряд. Но в целом первая вытяжка прошла почти нормально.

Пока мы тянули, Игорь пролез ещё полсотни метров по более крутым и сложным скалам, более монолитным, с хорошими зацепами — приятное лазание без искусственных опор. Если первую вытяжку снизу обеспечивал я, привязывая рюкзаки к основной веревке и оттяжку из репшура снизу, то вторым вытягиванием занимается Лёша Кузнецов. Он не обматывал рюкзак одним оборотом верёвки и из центрального кармана рюкзака Игоря потерялась кружка: звякнув о камень рядом со мной, она исчезла внизу. Стенка, на которую тянут сейчас рюкзаки, имеет в верхней части небольшой карниз, в который рюкзак обязательно упирается. Лёша неверно выбрал место, откуда можно бы за репшнур снизу отвести рюкзак от скалы и помочь преодолеть карниз. Для того, чтобы выдернуть рюкзак из-под карниза, одному из верхней четверки пришлось спускаться по перильной веревке к рюкзаку и, стоя на абалазах, подтолкнуть груз вверх. При подъёме второго рюкзака наверху, метрах в 10 ниже вытягивающей четвёрки заклинило верёвку, к которой был привязан рюкзак. Для меня ясно, что освободить верёвку быстрее и удобнее кому-то из тех, кто работает наверху, но Лёша начал яростно дергать веревку, ещё сильнее забил её в трещину и начал командовать мне, чтобы я поднялся вдоль оттяжки повыше и оттуда попытался вытянуть верёвку. Я отказался из-за очевидной бесполезности этого маневра и, кроме того, со скал на то место, куда мне предлагает подняться Кузя, льёт обильный холодный душ с большой снежной полки, где работает четвёрка. На Лёшу мой отказ подействовал, как красная тряпка на быка; он неприятно обругал меня, закричал, что ничего не делать это самое удобное, но сам, тем не менее свой маневр выполнять тоже не стал. Я сдержался с трудом, чтобы не ответить ему в его стиле. Через пять минут верёвка была освобождена одним из верхних «такелажников», а я с согласия Игоря, полез по перильной верёвке к карнизу. Когда застрял очередной, третий, рюкзак, я уже был на месте, быстро переправил и этот и остальные рюкзаки через карниз, (обида на Лёшу осталась надолго и это восхождение я старался не разговаривать с ним, несмотря на его заискивания).

Вытяжку рюкзаков, выползавших из-под душа совершенно мокрыми, закончили только в 19:30, и поднялись за день работы только метров на 150 (с учетом двух снежных полок). До половины десятого я ждал Кузю, невероятно долго поднимавшегося на абалазах по перильной верёвке с верхней страховкой. Тем временем передовая четвёрка поставила палатки под мощным скальным бастионом, на удобной широкой полке, засыпанной большим сугробом. Улеглись спать незадолго до полуночи.

19.07.73.

В 6 часов разбудило солнце, третий день держится хорошая погода. До восьми раскачивались с подъёмом и завтраком, развешивали и раскладывали на холодные пока, но сухие скалы мокрое снаряжение и одежду.

Над нами нависает, полностью закрывая сверху палатки от любых неприятностей, большой гранитный карниз. Волков долго чистил от мёда свой рюкзак. Потом Игорь дал задание: Витя снимает нижнюю перильную веревку и приносит её сюда вместе с сеткой, оставленной у верхнего конца перил; Никулин и Соболев осматривают бастион, выбирают путь и начинают обработку, Кузя инвентаризует и сортирует продукты, сам он выбирает путь с двойкой и снимает кино (мы взяли с собой кинокамеру «Красногорск» и чуть ли не километр 16-ти миллиметровой киноплёнки и фото для последующей демонстрации и выбивания денег из Центрального Совета, я пока свободен).

Около десяти все разошлись по своим делам, а я начал спасать развешенные на просушку вещи от душа: по скалам потекли сначала небольшие струйки, потом побежали ручейки, с карниза падает водопад, а ветер швыряет воду везде; на палатки течёт особенно сильно и около двенадцати пришлось накрывать их плёнкой, так как по швам начало протекать. Погода потихоньку портится, сквозь нас проплывают облака, иногда туман задерживается надолго, совершенно меня перспективу, приглушая звуки, искажая расстояние. Трижды за несколько часов мы нервно вздрагивали из-за небольших лавинок, проносящихся по воздуху над нами (спасает карниз).

Долго для всех было непонятно, где же подниматься на бастион. Наш защитный карниз расположен в центре, справа и слева от него скалы, отвесные снизу, выше нависают множеством мелких каменных карнизов — выступов. По левой и центральной части подниматься нельзя — сметут лавинки, сползающие откуда-то сверху неподалёку. Только к 12 Миша и Серёжа вместе с Хацем выбирают безопасный путь по правой части бастиона, по сухим скалам. Лавины обходят этот участок стороной, плюхаются в снег, опоясывающий бастион полки метрах в 50. Скалы сложные: в восьми метрах над полкой нависает метровый карниз, выше крутизна скал сохраняется около 90°, потом идут несколько маленьких карнизики и, наконец, в метрах 50 наверху дальнейший путь преграждает огромный карниз, метра с 4. Кажется есть обход слева, но снизу не разглядеть.

Никулин лезет, Соболев боится, Игорь наблюдает и снимает кино, я уйду к палаткам, намереваясь готовить еду и чуть отдохнуть под убаюкивающие звуки капли о палатку. Но через несколько минут Хац кричит мне:

«Миша, одевайся». Выхожу к нему и за углом бастиона встречаю Никулина, бледного, с гримасой боли на лице, идущего навстречу. Он поднялся метров на пять выше снега и забитый им деревянный клин, сделанный Серёгой из древка старого ледоруба, вышел из трещины под весом тела на повешенной лесенке. Миша пролетел метра три, и от дальнейшего падения его удержал Соболев, ожегший себе, кстати, шею верёвкой. Дюралевый клин, забитым первым, выдержал рыбок. Прежде чем лезть, я ещё раз просмотрел предполагаемый путь, прошёлся до конца полки в надежде найти что-нибудь попроще, но только напрасно вымок под душем — везде такие же сложные скалы, вдобавок мокрые. Постепенно увлекаясь, я работал с половины третьего до половины седьмого, метр за метром уходя вверх, иногда свободным лазанием, иногда на лесенках. Хорошо пригодились сделанные Соболевым деревянные клинья, березовые или буковые. Но

выколотить клинья обратно — проблема, а берёзовые после трехкратного использования годятся только на выброс, растрескиваются только на щепки. Хац прохаживался внизу и снимал «Красногорском» во время прохождения нижнего карниза. Увы у кинокамеры испортился экспонометр и пленка здесь получилась чересчур светлой, чтобы на ней можно было хоть что-то понять. Забил за те четыре часа, что лез, около 25 крючьев. При преодолении одного из маленьких карнизов испытал противное чувство страха, когда навесив лесенку на забитый в карниз клин и нагрузив её, увидел, что клин медленно выворачивается из трещины, как будто поддетый рычагом силы тяжести. Поспешно я снял нагрузку с лесенки; более подходящего средства, чтобы использовать расщелину, у меня не было и, поглядывая на не слишком надёжный крюк, на которых теперь висела лесенка я стал лихорадочно долбить в камне карниза дырку для шлямбурного крюка. От тысячи ударов рука налилась непомерной тяжестью, но всё-таки удалось без перерыва для отдыха забить крюк и продеть верёвку. После этого я несколько минут отдыхал, восстанавливал работоспособность, удовлетворённо поглядывая вниз и оценивая пройденное расстояние. Пошел дождь и теперь использовать шлямбурные крючья стало проблематичным — в мокрой скале дырку с продувкой накапливающейся пыли не выдолбить, а свой самодельный скребок, чтобы вычищать из дырки грязь (а не пыль), я забыл в палатке. Работал до тех пор, пока не затошнило от голода и не замедлился темп движения.

Спустился по одной из двух верёвок с которыми работал, а по второй на смену мне поднялся Игорь, чтобы использовать все светлое время. Серёга внизу встретил с фляжкой чая, колбасой, сахаром, сухарями и слегка обиделся, когда я сказал, что поем лучше в палатке. Там Волков подогрел на примусе суп — вкусно. Чай с колбаской — не хуже. Кайф.

Сейчас 19:45. Хац ещё на стене. Кузя и Соболев страхуют его (Кузя наверное как всегда оказывает моральную поддержку — непонятно зачем вдвоём стоять на страховке). Никулин спит, Волков читает журнал «Наука и жизнь», который я захватил с собой. Вместо дождя из облаков, проходящих сквозь нас, сыплет крупа.

Заботит группа наших наблюдателей. Они сегодня проходят траверс Гульбы, 3А категории трудности. На вершине были рано, в 9 часов, а спуститься до сих пор не могут; долго блуждали в тумане, а когда появилась видимость, не могли сориентироваться и уйти со стен, на которые вылезли. Игорь видит их в бинокль и по радиации корректирует движение. Плохо то, что они не взяли с собой палатку и в случае вынужденной ночёвки могут поморозиться. Только в сумерках они подошли к кулуару, ведущему на ледник, и уже в темноте спустились по снегу на морену. К 21-му у нас все собрались в палатке. Игорь начал обходить карниз справа, говорит там лучше идётся, прошёл с десятков метров дальше, чем добрался я, всего прошли за день метров 50 (после спрямления верёвок).

20.07.73. Ночь казалась тёплой из-за звуков капли, но снаружи, когда мы в 6 начали вылезать для утреннего туалета, отнюдь не Сочи — сильный ветер, клочья облаков несутся снизу вверх; водичка, слегка струящаяся по скалам сверху прихвачена ледком. Позавтракали картофельным пюре со свиной, чаем с печеньем, крекером с ложечкой чёрной икры. На выход Кузя выдал несколько черносливин, горстку арахиса и по полпачки пористого шоколада — жить можно. Наверх, Хац погнался меня (лезть) и Волкова (страховать). Быстро добрался до конца навешенной верёвки. Обход карниза ещё далеко не закончен, надо метров 5 траверсировать вправо под нависающим козырьком, а потом попытаться двигаться вверх. С карниза висят сосульки; капает вода, порывы ветра доносят брызги из соседнего душа, скалы холодные и мокрые, работать крайне неприятно, стынют пальцы на руках. Передвигаться можно только на лесенках, да и то — найти место, чтобы забить крюк, весьма

непросто. Крикнул вниз относительно пересылки мне дюралевой площадки — Витя сообщил об этом в палатку Игорю, оттуда принесли и привязали площадку к транспортировочной сетке репшнура, а я втянул к себе это изделие.

Работать стоя на площадке значительно легче, чем на лесенках, но надо, чтобы крюк, на котором висит площадка, был забит надёжно. Бью один титановый горизонтальный крюк в трещину между карнизом и вертикальной стеной, затем другой, и перевешивая лесенки и площадку перемещаюсь на полтора метра вправо. Трещина сошла на нет. До расщелины, пересекающей карниз ещё правее мне не дотянуться, вынужден использовать шлямбур. Как и вчера, едва успел я забить надёжный расширяющийся крюк, брызги воды смочили скалу (и меня заодно). Ещё один шаг вправо и я смогу использовать расщелину в карнизе, выступающем здесь не более чем на метр. Холодный ветер снизу забиваясь под штормовку неприятно леденит потную спину, надо затянуть нижний шнур штормовки. Один клин, забитый в расщелину, пожалуй не выдержит меня, поэтому бью два, разделенные полуметром, связываю их, уменьшая вырывающее усилие и вешаю площадку. Прежде, чем перебраться на неё, отдыхаю и одновременно размышляю, как действовать дальше. Пожалуй, хватит траверсировать, пора вверх. Усаживаюсь на площадку (встать невозможно) и забиваю, вытянувшись и прогнувшись так, что напряглись все мышцы на ногах, животе, спине, шее, очередной клин уже выше карниза. Вешаю лесенку на него и теперь я могу встать, используя для одной ноги площадку, а для другой лесенку. Сразу же заколачиваю вертикальный крюк в сузившуюся теперь расщелину, выше своей головы, вешаю вторую лесенку и после этого долго сижу отдыхая на площадке, унимая дрожь в мышцах всего тела, выводя пальцы из судорожного состояния, восстанавливая дыхание, успокаивая бешено бьющееся сердце. Дальше пошло полегче, да вот беда — невозможно продёрнуть верёвку из-за множества перегибов, слишком большое трение.

По второй верёвке, которую я жестко закрепил на одном из нижних крючьев, лезет сейчас Серёга, выбивая все промежуточные крючья. Как обычно, пыхтит, словно паровоз, называя это гипервентиляцией лёгких. По моей просьбе он слегка продёрнул мою рабочую верёвку в том месте, где находился, а я выбрал несколько метров к себе и медленно ползу выше. Серёга заторопился, чтобы поскорее освободить свою верёвку и дать мне её, потерял рукавицу, сломал абалаз, и теперь спрашивает что делать.

«Используй схватывающий узел вместо абалаза» — советую ему — «осталось недалеко». Наконец он добирается до конца своей верёвки и пересаживается на мою, а его верёвку я вытягиваю к себе на репшнуре. Порядок. Он ушел вниз, я продолжаю подниматься.

В общем, работал с 8 до 14:30, прошел сложную часть и увидел логичный путь длиной около двадцати метров (скалы крутизной 70°), выводящий к удобной и широкой снежной полке. Из-за карниза по заледеневшим скалам, потерялась чувствительность в кончиках пальцев. Крикнул об этом Игорю, а он ответил, чтобы я спускался, а он сменит меня. Через полчаса я стоял около страховавших Кузи и Волкова, а Игорь подходил к месту работы на стене. К 6 вечера он вылез на снег. Бастион пройден и завтра надо перебазироваться. Предстоит подъём по перилам, вытягивание рюкзаков, подготовка площадок и другие бивуачные хлопоты.

21.07.73.

Всю ночь гремела гроза, сыпал снег, трепал ветер, палатка заледенела. К утру погода не улучшилась, на всех оттяжках висят гроздьи льда и снега, то же самое и на перильных

веревках, Игорь предлагает, несмотря на весьма плохие условия, после завтрака лезть по перилам наверх бастиона, навесить сотку для вытяжки рюкзаков прямо от палаток и начинать перенос бивуака. Все понимают, что так надо и не возражают.

Зажгли примус в 5:20, поставили чайник, сразу по скатам палатки потекли струйки воды и я занимаюсь тем, что непрерывно протираю верх палатки и отжимаю тряпку в кружку. Кузя долго достаёт из продуктовых рюкзаков снаружи питание на утро — все заледенело под нашим карнизом и забито снегом. У нас используется, неразумная на мой взгляд, тактическая новинка, предложенная, вроде бы Никулиным и Кузнецовым, одобренная Игорем: весь груз распределён по семи рюкзакам, в трёх из них лежат продукты, в двух — снаряжение и в двух — личные вещи всех. Идея в том, что сразу ясно где что лежит. Я возражал против этой новинки, но не слишком категорично, и система пока продолжает действовать. Неудобство состоит в том, что личные вещи троих однопалаточников лежат в одном рюкзаке, один рюкзак не может находиться сразу в трех местах во время движения группы и приходится то одному, то другому искать этот рюкзак, чтобы сменить или убрать одежду, взять кружку и т. д. Кроме того, продуктовые рюкзаки не участвуют в утеплении палатки снизу — у нас только один рюкзак подстелен. Живем мы просторно, по три человека, и всё, что у нас есть, без труда можно было бы разместить внутри. Через пару дней, когда продуктов поубавится, надо будет вновь вернуться к традиционной укладке рюкзаков.

После завтрака Игорь прогулялся к перильным веревкам, убедился, что лезть невозможно (видимость всего метров 10, абалазы и схватывающие узлы не держат на ледяной сосульке в которую превратились веревки) и распорядился ждать потепления и улучшения погоды. В своей палатке они затеяли преферанс, и наша троица, Серёга, Витя и я, попытались для начала улучшить погоду заклинаниями. Серёга, сын академика Соболева, клянётся, что вовремя его проживания в Новосибирске, он не раз с успехом использовал этот метод. Надо только 100 раз хорошо повторить определенное четверостишие (оно не очень пристойно, чтобы цитировать, и, что главное, всё-таки не очень действенно). Мы начали, было, декламировать стихи, довели счет до пятидесяти, но Витя испортил дело, ввернув свою импровизацию. После этого пропала вся надежда, а снаружи началась катавасия: молнии бьют метрах в 100 от нас (боимся, что верёвки спалит), крупа чуть ли не прошибает палатку, от ветра, кажется, трясется гора. Проблемой стало выползти наружу по надобности: если чуть-чуть приподнять отстегнутый полог, врываются целые тучи снега. Да и без того снежная пыль понемногу проходит внутрь через мельчайшие отверстия. Серёгин спальник уже промок насквозь (из-за его же разгильдяйства: не собирал тряпкой воду сверху, не накрывал сбоку и в ногах плащом). Как только выключили примус вода на палатке внутри превратилась в лёд — и это обещанная Хацем тёплая южная стена.

Темы нашего трёпа — самые разнообразные. Хорош или плох памятник Курчатову напротив главного входа в институт Атомной энергии? (Сошлись, что плох, чересчур традиционен, ничего связывающего великого человека с его делом; у каждого свои предложения). Почему помещения на работе опечатываются перед седьмым ноября и никогда — перед Новым годом? (Серёга выдвинул предположение, что причина кроется в истории, когда в 30-е годы предполагали, что все диверсии классовых врагов будут приурочиваться к революционным датам). Какое меню у каждого на завтрак? (Как выяснилось, разница невелика — интеллигенция). Почему у Кузи такой апломб и вера в непререкаемость его суждений? (Наверное потому, что он в течение многих лет был партторгом в своей лаборатории и привык к власти и высокому значению слова, неважно верно оно или нет). Как лучше решить проблему отправления физиологических потребностей во время стенного восхождения в

непогоду? (Каждый рассказал о своём опыте в этом деле и внёс предложения). Как работают синхронный и асинхронный электрические двигатели? (Это вопрос Вити. Мы с Серёгой долго просвещали его, а заодно и сами просвещались).

После девяти вечера метель кончилась, ветер утих, палатки окружил холодный плотный туман. Картёжники расписали три пули, мы обсудили массу проблем, перекусили (Кузя начал экономить еду ив животе сосёт) и залегли спать. Даже в пуховых спальнях мешках не жарко (скорее наоборот) и мы жмёмся к центру палатки, которую мы тщательно протерли, подеушили примусом.

22.07.73.

Разбудил довольный голос Серёги: «Ребята, снаружи синее небо, все облака внизу». Сразу все засуетились (особенно Витя, очень активный на бивуаках). После завтрака Кузя в ответ на мою просьбу дать питание по карманам на рабочий день, заявил, что не выдаёт ничего, т. к. скоро соберёмся наверху и там вместе пообедаем. Общими усилиями с трудом выжали из него по восемь черносливин на человека.

Первым по перилам начал движение Соболев, но из-за сломанного абалаза, он был вынужден лезть со схватывающим узлом, т. к. узел Бахмана у него не получился. Чтобы подняться по двум пятидесяткам (одна использована лишь наполовину) он затратил больше двух часов. По сотке обошли его и я и Хац и ещё долго ждали их с Волковым, чтобы помогли тянуть нам вдвоём рюкзаки, Игорь вышел из себя:

«Пять часов на то, чтобы снять пару веревок; новички сделали бы быстрее».

Нашу сотку мы быстро вытащили, перебросили так, чтобы конец её упал рядом с палатками и приготовились вытягивать, но Никулин и Кузя, которые внизу должны были привязывать рюкзаки, словно испарились. Полчаса мы бездействовали, лишь иногда безответно кричали: «Леша! Миша!» Когда Серёга, у которого была рация, подошёл поближе, Игорь попросил его включить «Виталку» и засвистел в свисток — по этому сигналу Никулин внизу должен был выйти на связь по второй рации. Ничего путного не получилось. Как выяснилось позднее у Кузи ещё не было готово ни одного рюкзака, а Миша принял эхо наших криков за голоса и кинулся совсем не туда, куда надо. Когда же он по свистку включил свою рацию, то ничего кроме «раз, два, три» не услышал, т. к. Серёге вздумалось в это время заняться проверкой работоспособности «Виталки». Но в конце концов неурядицы кончились и снизу поступил сигнал «тяните».

Четыре рюкзака мы с Игорем подняли, вдвоём, потом подоспели на помощь ещё двое. На втором рюкзаке чуть не убило Мишу Никулина. По снегу он отошёл от стены так, чтобы видеть нас наверху и в это время рюкзак выворотил из-под одного из карнизов здоровенный камень, полетевший прямо на Мишу. Тот бросился к стене под защиту карниза, где раньше стояли палатки, но поскользнулся на крутом склоне, упал и распластавшись поехал вместе со снегом вниз к отвесу, откуда мы вылезали несколько дней назад, отчаянно пытаюсь встать и уйти в сторону. Камень упал в метре от него. Позднее он рассказывал о переживаниях: отчаяние бессилия и ужас вытеснили все другие ощущения. Из близкого к шоковому состояния он вышел только через несколько часов.

Погода, до четырех часов прекрасная, начала ухудшаться. Ушбу окутали облака, стало сыро

и холодно, но все снежные перья и сосульки, выросшие на скалах за прошлый день, облетели. Два часа делали площадку для палатки, вначале Хац думал ограничиться сидячим бивуаком, но я настоял на изготовлении полноценной площадки: снег липкий, прекрасно схватывается, сначала в одиночку лепил снежный уступ, собрал снег рядом, потом остальные стали подтаскивать материал со всей полки. Вылепили отличную, идеально ровную площадку, где тандемом, входами навстречу, разместили обе серебрянки. Через форточки и входы по всем правилам пропустили основную верёвку, на которую снаружи Витя сразу же повесил сушиться носочки, 3 пары, придав этим совсем домашний вид нашему становищу. На ужин сделали суп из концентратов с тушёнкой; от пуза чаю с тремя кусочками сахара и шестью печеньями с сыром, полплитки шоколада. Кажется шоколад становится одним из наших основных продуктов питания. Конечно, это пища калорийная, но есть после неё хочется ещё сильнее. Днём единственной пищей были те самые черносливинки, которые Кузя выдал утром.

23.07.73.

Разбудил Игорь в 4:20, пора на работу (или на отпускное времяпровождение, столь необычное для всех не альпинистов). Несмотря на простор в палатке, спалось неважно — покусывал холод снизу. Жалею, что не взял свой поролон. Тот общественный, что дал Кузя, узок; его хватает только на 3/4 ширины палатки, и ночью непроизвольно сползаешь на холодный пол. В восемь вышли к стене, Хац и Волков, в 9-я; у всех в карманах по полпачки шоколада «Гвардейский», горсти орехов и изюма, до вечера проживём. Перед нами стена, преодолев которую, мы метров через полтора должны подобраться к крутому контрфорсу, ведущему на основной гребень Ушбы.

Первым всё время идёт на пятидесятке Игорь. Скалы, сначала простые, усложнились. Начались плиты, надо бить массу крючков, использовать лесенки. Хорошо, хоть карнизов нет. Волков аккуратно страхует, и когда Хац метров через 20 добирается до узенькой скользкой полочки, где можно стоять обеими ногами, Витя поднимается к нему и уже оттуда выпускает Игоря, жёстко закрепив верёвку, уходящую вниз, за крюк рядом с ним. По этой верёвке начинаю ползти я, по дороге выбиваю промежуточные, лишние теперь крючья. С собой я поднимаю стометровую основную веревку, она понадобится Игорю после того, как он использует всю пятидесятку. Поскольку карнизов нет, можно идти на одинарной страховке. За весь день до 15-и, Игорь поднялся на 80 м; я выколотил больше двадцати крючьев. Потом погода ухудшилась и все трое, кто был на стене, здорово продрогли из-за промозглого тумана, сильного ветра. Из тех, кто оставался внизу, нам помогал Никулин: он подтаскивал из палаток всё требуемое, и мы на стометровом репшнуре вытягивали к себе то подходящий крюк, то шлямбур, то шерстяные перчатки или пуховку. С Мишей опять приключилась неприятность. Он полез утром поправить продуктовый рюкзак, висевший выше палаток, и свалил рядом булыган на полтора центнера. Камень удачно не задел палатки, только разрушил часть столь старательно вылепленной нами площадки. Кузя и Серёга вскипятили чайник к нашему приходу, но не заготовили ни льда на вечер и на утро, ни поправили палаток — похоже они спали большую часть времени.

К трём дня я подошел к Игорю с выбитыми крючьями. Здесь на середине стены надо устраивать подвесную систему для вытяжки рюкзаков. Хотя место неудобно, и всё надо делать в подвешенном состоянии, выхода нет. Выше продолжается такая же гладкая стена, а стометровой верёвки уже не хватает. Мне все время казалось, что трещины, в которые я забивал крючья, расходятся по мере углубления в них крючьев, т. е. что камни «живые» и

вся система завтра рухнет под нагрузкой. Поделился своими сомнениями с Игорем, и тот долго и внимательно смотрел на трещины, слушал «пение» крючьев и пришел к заключению, что всё в порядке. Спустились с Игорем по сотке к палаткам. Он — классическим дюльфером, а я опробовал самодельную восьмёрку и получилось вполне приемлемо. А Волков, начавший спуск с середины пройденного участка по другой веревке, застрял там, где были выбиты крючья и завис. Никулин, вышедший по моей просьбе ему на помощь, начал давать ценные указания, чем-то помог, и всё кончилось благополучно: к шести все отдыхали в тепле. Гудели примусы: на одном суп из концентратов с одной банкой свинины, на другом помятый чайник. Разговоры сосредоточились вокруг еды. Никулин желает рижских молочных изделий с мягкой булкой, Хац — жареной дичи, Серега — мяса до отвала, я не отказался бы ни от чего. Спать ложимся в восьмом часу, чтобы пораньше подняться. Перспективы на следующую ночёвку неясные; надо вытягивать рюкзаки, лезть к контрфорсу и совсем непонятно, что нас там ожидает. Успеем ли мы с нашими интеллигентскими привычками засветло перебазироваться. Запросили у наблюдателей прогноз погоды на вечерней связи: ожидаются грозы, переменная облачность, циклон.

24.07.73.

Проснулись ровно в 4. Попили чайку, вскипячённого Кузей и вышли по очереди: я, Серега, Витя, сняв предварительно палатку и упаковав свои три рюкзака (продовольствие теперь, слава богу, умещается в одном рюкзаке, но Кузя пока не хочет децентрировать хранение продуктов). Серёга сразу же отстал на пятидесятиметровой веревке — не умеет быстро ходить по перилам, не умеет лезть первым, но в какой-то мере это компенсируется его добросовестностью, работоспособностью, умением подчиниться, беспрекословным соглашением на «чёрную» работу, остроумием и юмором. Я захватил с собой пятидесятку, чтобы сразу же лезть выше. Как только достиг вчерашней системы вытяжки, привязал там нижний конец и в одиночку, без нижней страховки человеком, продолжил путь по стене. К веревке привязан двумя схватывающими узлами, которые по мере подъёма передвигаю перед собой. Внизу сделал нечто вроде тормоза на случай срыва, обмотав карабин двумя оборотами веревки с небольшим натягом. Пока Серёга и догнавший его по сотке Игорь добрались до места вытяжки, я ушел вверх и вправо более, чем на двадцать метров. Вдвоём они начали вытягивать рюкзаки, а я продолжил подъём, гораздо более простой, чем подъём на бастион двумя сутками раньше. Расстояние до выхода на контрфорс я оценил в 70 метров; на самом деле оказалось побольше и вышел туда я лишь во второй половине дня, т. к. почти два часа ждал второй пятидесятки снизу: рюкзак, в котором была верёвка из-за плохой оттяжки снизу застрял. Около полутора часов его высвобождали тянувшие сверху Хац, Серёга и Витя. Потом, когда рюкзак, наконец, вытянули, ко мне двинулся Миша и только через час добрался по перилам ко мне с этой верёвкой (я лез этот участок, забив 12 крючьев, около полутора часов).

Пожалуй только Игорь настоящий боец-универсал из всей нашей интеллигенции. Ни Серёга, ни Миша, ни Витя не могут хоть в какой-то мере сравниться с ним. Конечно, в лагере можно было набрать более сильных технически людей, но Игорь много ходил с Мишей, а я с Серёгой. О том, чтобы перед сложным восхождением менять партнёров не может быть и речи. Кузя — прекрасный инструктор, хороший методист, воспитатель и, мне кажется, он любит сам ходить со значкистами на двойки. Хотя физически он подготовлен прекрасно, несмотря на возраст (он самый старший из нас) к серьёзным восхождениям он не подготовлен, в первую очередь психологически, и вряд ли ему удастся изменить характер в ближайшие годы. Всех своих товарищей по горам я вспомнил, пока стоял в бездействии.

Жаль, что нет в нашей группе никого из уральцев.

Какое-то время наблюдал за горными галками. Они пируют на бивуачной площадке, подъедая все пищевые отходы. Полет их изумительно красив, то они пикируют, сложив крылья, то взмывают вверх слегка расправив крылья, делают виражи и пируэты без единого взмаха, не обращая внимания на реактивно свистящие камни, проносящиеся в левом мрачном углу стены. Когда Миша поднёс верёвку, я продолжил лазание по скалам и выше по льду, свисающего с небольшого горизонтального гребешка контрфорса. На льду, очень крутом, пришлось рубить лёд для ступенек и для карманов-зацепов, чтобы хвататься руками. (Пальцы на руках начали болеть из-за многих трещин в коже и из-за переохлаждения). Выбрался на гребешок и облегченно вздохнул: во-первых есть место, где вполне можно поставить обе палатки; во-вторых, стена кончилась и предстоит лезть по контрфорсу, пусть очень крутому, скорее серии башен, стоящих друг на друге, но всё равно, более безопасному и простому, чем просто стена. Не дожидаясь остальных, начали с Мишей срубать снежный гребень, чтобы разместить бивуак. Тандемом поставить палатки не удастся, не хватает длины. И рядом тоже не получается — установили под углом друг к другу. Причём выбираться из одной из них нужно только со страховкой, т. к. выход ведёт на обрыв к ледопаду далеко внизу. Всем нам на площадке слишком тесно, толкаемся, мешаем друг другу; началась ругань, сначала беззлобная, потом посерьёзнее. Причина понятна: не высыпаемся, устали, почти всегда голодные. С питанием у нас явная промашка, набрали разных деликатесов, вроде икры, изюма, орехов и очень мало взяли продуктов по настоящему утоляющих голод. Нет у нас ни чёрных сухарей, ни сала или грудинки, мало сыра и копчёной колбасы; совсем чуть-чуть мяса. А ведь столько тащили с собой в первые дни — буханки хлеба, вместо сухарей, капуста и огурцы (на стену!) В следующий раз, когда пойду с Хацем, начпродом буду я, т. к. опыт есть. И в 71-м году и в 72-м (на Кавказе и Памире) нам практически не было голодно. Чёрные подсолённые сухари с салом или куском жареного мяса с чесноком и сладкий чай удовлетворяли любой аппетит, по карманам раздавали сыр. Бывало, что полночи жарили с Жекой мясо перед выходом на гору. Главное было не промахнуться с расчётом времени на всё восхождение.

Высота нашего лагеря по альтиметру Игоря 4100 метров, т. е. до вершины подниматься ещё больше, чем до сих пор прошли по скалам, метров 600. Но мне кажется, что оставшийся подъём у нас займёт не более трёх суток, если не будет ч. п. (Витя, что-то болезненно держится то за правый бок, то за пах, а в чём дело не говорит). Больше, чем обычно возимся с укладкой внутри палатки; больше воркотни. Уронили свечу на мой полиэтиленовый мешок с одеждой, повалили примус (к счастью, пустой, без чайника), слегка прожгли раскаленной горелкой спальник Серёги. Угомонились поздно.

25.07.73.

До утра ветер сильно трепал палатку. Несколько раз просыпался то от холода, когда поворачивался спиной к скату палатки, то от боли в руках, когда во сне шевелил пальцами — саднит пальцы от свежих ссадин, обморожения, трещины. (Сильнее всего потрескалась кожа на сгибах суставов указательных пальцев). Меньше всего боли, если положить руки в тепло между ног выше колен, удобно лежать, свернувшись калачиком. К сожалению, эта поза требует слишком много места поперек палатки, Витя проснулся первым, развёл примус и стал топить лёд для утренней манной каши. Льда, что я вчера нарубил, не хватает, и Кузя принёс с улицы ещё. Снаружи неплохо. Небо затянуто высокой дымкой. Стала видна северная вершина Ушбы, перемычка между вершинами, крутой снежный склон с перемычки

на Гульский ледник. Прекрасно виден маршрут Некрасова 1959 года по т. н. «зеркалам» Ушбы, серебряный маршрут первенства СССР того года. Это короткий скальный склон, довольно гладкий, крутизной около 60°. С середины склона прямо к нам идет заснеженная полка, так, что если бы мы захотели вернуться, то самым коротким маршрутом спуска был бы путь по этой полке до её конца и один дюльфер метров 50 прямо на снежный склон.

Позавтракали: собираются работать Миша Никулин и Лёша Кузнецов; они обувают галоши — скалы сухие и сейчас начали согреваться солнцем. Вчера немного поспорили с Мишей на вытяжке рюкзаков сюда: ему обязательно хотелось тянуть через блок, а места для нормальной подвески блока не было. Он возился минут 15, и за это время мы с Витей вдвоём вытащили один рюкзак. Мише ничего не оставалось, как присоединиться к нам, и втроём мы отлично справились. Он, как и Хац, немного догматичен в альпинизме. (Игорю обязательно надо пропустить страховочную веревку в палатке через форточку и полог, независимо от того, удобно или нет это. Просто положить веревку на полу он не согласен). Догматизм в альпинизме опасен не меньше, чем в любой другой сфере человеческой деятельности.

Серёга протоптал следы по снегу до первой скальной башни контрфорса, и по следам аккуратно прошли, чтобы не набрать снега в галоши, Миша и Кузя. У меня сейчас апатия, хочется подремать и полюбоваться пейзажем. Высунул голову из палатки, свесил с обрыва руки, смотрю на профиль восточной стены северной Ушбы (там маршруты Хергиани и Моногарова, там мы хотели пройти с Мальцевым в 71 г., да не судьба была). Совсем рядом, напротив, маршрут Старицкого, логичный, по ребру, образованному стыком двух стен, ещё зимой в Москве, я узнал, что траверс Ушбы собирается пройти женская команда под руководством Эльвиры Шатаевой; по связи нам сообщили несколько дней назад, что женщины вышли. Где они? Пора бы им появиться на северной вершине. Перевёл взгляд на наших ребят: Миша поднялся метра на 4 и долбит дырку для шлямбурного крюка. Кузя стоит внизу, переминаясь с ноги на ногу, видно не жарко на снегу в галошах, выдаёт верёвку.

Ещё метров через 5–6 Миша видит старый заржавевший железный крюк. Это означает, что мы вышли на путь, пройденный Некрасовым. Отныне нельзя будет говорить, что нога человека не ступала туда, куда ставим мы свои ноги, обутые в трикони. У Миши там заминка, трудно забить надёжный крюк в мелкую трещину, а хороших лепестковых лезвий у нас нет.

Кузя снизу кричит, что снова надо использовать шлямбур, однако Никулин не хочет:

«Раз Живлюк пролез здесь без шлямбурения, то и я пройду». (Живлюк — лучший скалолаз армейской команды Некрасова, погибший в 1966 году на Вольной Испании). К полудню Миша пролез метров 20 и спустился на снег, устал и стал на страховку вышедшего ему на смену Кузнецова. Серёга говорит, что там нужно идти на лесенках, а не свободным лазанием. Кузя справляется неплохо. Игорь спит у себя в палатке. Тепло, солнце хорошо прогрело скалы.

В 12:20 на вершине северной Ушбы я увидел крошечные фигурки пяти человек. Донесли их едва слышные голоса: «Люба, выбери. Я пошла».

Это идёт женская команда и, похоже, на южной вершине они будут раньше нас. А как хотелось бы встретиться. Их появление словно стряхнуло с нас всю апатию, дремавшие зашевелились и вылезли из палатки, на стене Лёша чуть ли не вдвое быстрее застучал молотком. Миша нервно заходил туда–сюда у подножия башни.

До трёх часов писали с Игорем о пройденной части маршрута, считали число забитых крючьев — всё это понадобится для отчёта о восхождении. В 15:00 вышли с Серёгой к первой двойке, и в 16 я висел (или стоял на стременах) рядом с Кузей — он продвинулся совсем немного и застрял в весьма неприятном месте, в узком внутреннем углу. Течёт водичка и тотчас замерзает на веревке. В этом месте у него был срыв. Пролетел, по его словам, всего с метр и повис на забитом ранее крюке. Солнце ушло за гору, мы в тени, не жарко. Я вылез там с натугой, т. к. в трещинах был лед, крючья не шли вглубь и легко выходили под нагрузкой, пришлось некоторое время лезть с большей нервной нагрузкой, чем хотелось. Дальше пошло полегче, и мы с Серёгой работали до темноты. Прошёл почти 100 метров; преодолел башню, начал подниматься на вторую, когда в нижней части заледеневшего камина застали сумерки (да и верёвка заканчивалась). Заспешили вниз к палаткам.

До темноты поглядывал в моменты отдыха на женщин: идут чрезвычайно медленно; за пять часов лишь спустились с вершины по простому снегу на перемычку с попеременной страховкой и там, похоже, остановились на ночёвку.

26.07.73.

Хац разбудил с рассветом. Снаружи много хуже, чем вчера: сильный ветер рвёт палатки, несутся чёрные тучи. Северная вершина Ушбы утопает в облаках, а перемычка видна. Ночью, как и прошлой, несколько раз заставляла просыпаться боль в пальцах и кистях рук. После завтрака вчетвером двинулись по перилам, а Кузя и Миша остались внизу паковать рюкзаки, собирать палатки. Когда лез вчера, заметил в нескольких метрах правее серию старых шлямбурных крючьев, совсем непонятно почему Некрасов ушел с логичного пути, отмеченного его же крюком внизу, на плиты, где совсем нет трещин. Может быть были другие условия, лежал лёд на скалах? Во всяком случае, мы на башне ни одного шлямбурного крюка не использовали, и это плюс нам.

Рюкзаки вытягивали втроем (Хац, я и Серёга) пятидесяткой, стоя на полке в середине башни, а Витя не торопясь отгаскивал их по одному к концу перильной верёвки, к началу камина. Отнес 6 штук и, конечно, приустал — но зато получилось быстро всё. Хацу приспичило помочиться, так из-за ветра его жидкость полетела не вниз, а вверх, обильно оросив его. Верёвка сильно парусила при вытяжке, рюкзак относит ветром далеко в сторону.

По камину снова полез первым. Через несколько метров камин превратился в широкую сквозную расщелину между горой и скальным острым пером, стоящим отдельно. Лез в распорах сначала локтями, потом плечами, а потом, по мере увеличения расстояния между башней и пером, распирался раскинутыми руками и ногами. В такой позе забивка крюка требовала особой аккуратности, чтобы ни одна из ног не соскользнула. Кое-где стенки были залиты ледком: в таких местах долго стоял соображая как же лучше преодолеть неприятный участок, один раз пришлось соскребать лед ледорубом, чтобы обнажить крошечный выступ на пару боковых триконей. Где-то далеко была запрятана тревога, как бы это перо не наклонилось из-за того, что я упираюсь в него. Вышел на 2 пятидесятки и вновь добрался до гребня контрфорса. Последние метры лез по льду, прикрытому тонким слоем снега, был рад, что снег не успел раскиснуть, не скользил по льду. На гребне холодно и сыро, дует пронизывающий ветер такой силы, что пошатывает на ногах.

По перилам подошел Хац и за ним с концом сотки Витя. Наладили подъём рюкзаков и

втроём вытащили все семь штук. Рядом из-под снега проглядывали ровно уложенные камни — похоже, что здесь были ночёвка команды Некрасова. Серёга немного почистил снег сверху и подтвердил это предположение, значит для одной палатки место почти готово, а сейчас туда можно складывать рюкзаки. Самые неприятные моменты для нас — это ожидание сигнала «тяги» снизу: ветер прошибает одежду, морозит тело. К 15 часам, когда вытянули все рюкзаки, наступила кульминация холода. Витя и Серёга посинели; все четверо дрожали и шмыгали носом. Сильно замерзли мокрые ноги. Машинально вспомнил старую Серёгину идею: ему жалко, что так много тепла напрасно уходит при мочеиспускании.

«Надо сконструировать систему жидкостного обогрева, по трубкам подводить горячую свежую мочу к ступням и время от времени согревать хотя бы пальцы на ногах» — не раз говорил он, рассматривая распухший, обмороженный в очередной раз палец. Иногда действительно можно пожалеть, что он так и не реализовал свою в шутку высказываемую мысль.

Выше нас метров на сто виден простой и некрутой снежный гребень, а дальше все затянуто туманом. Игорь с Витей пошли навешивать веревки, Никулин начал очищать от снега старую площадку, Серёга и я срубаем снег и лёд для новой площадки. К 18 срубили и вылепили неплохой фундамент для жилплощади. Когда стали растягивать палатку, выяснилось, что Кузя утром упустил вниз одну из четырех сборных стоек — пришлось исхитриться и подвешивать коньковую растяжку за вбитый в склон крюк. А сейчас Лёша чуть-чуть не потерял свой ледоруб. Он воткнул его в снег на площадке, нечаянно выбил, и не привязанный ледоруб порхнул вниз. К счастью, перед обрывом ниже, ледоруб штыком вонзился в снег и остался там.

Вернувшийся сверху Хац сказал, что до вершины идти ещё одни сутки и насел на Кузю так, что тот выдал на вечер примерно тройную дозу продуктов. Впервые за последнюю неделю наелись досыта и впервые к утру все испытывали жажду (когда ели мало, то и пить не хотелось). Вечером Серёга предложил способ уменьшать боль в пальцах: нужно лишь тепло, следует держать кружку с чаем обняв ладонями. Удобнее всего это делать именно с его литровой ёмкостью, кружкой Эсмарха, как мы называем этот сосуд (чаще просто Эсмархом).

27.07.73.

Всю ночь на склонах северной Ушбы завывал ветер, а к утру стих, оставив быстро разошедшийся над солнцем туман. У всех на лицах написана решительность: надо подняться на вершину. После плотного завтрака, взяв в карманы шоколад и чернослив, одев свои рюкзаки, мы с Серёгой двинулись в путь. Седьмой рюкзак расформирован, содержимое его распределено. Взяли с собой сотку репшура, чтобы на простом горизонтальном гребневом участке заменить основную перильную верёвку двойным репшуром. Вчера Игорь навесил (или вернее положил) двести тридцать метров верёвки, всё, что у нас было. Третьим за нами двинулся Кузя, остальные остались сворачивать бивуак.

Перила кончились перед десятиметровой башней — жандармом; опять надо использовать четыре конечности для передвижения, возвращаясь к первобытному состоянию (впрочем, возвращение к детству, когда все мы любили лазить по деревьям, это одна из привлекательных особенностей альпинизма). Разматываем пятидесятку и я начинаю лезть, сначала с рюкзаком за спиной. Бью крюк и с трудом без лесенки поднимаюсь на 2 метра. Рюкзак оттягивает плечи, наполняет тяжестью руки, с ним здесь не пролезть, есть риск

сорваться. Снимаю его, вешаю на крюк и забив ещё один крюк, выхожу на башню. Там выбираю всю свободную верёвку, закрепляю её и поджидаю Серёгу, сбросив вниз свободный конец пятидесятки. Сергей проползая мимо рюкзака, привязал его, а я вытащил к себе. Дальше рельеф упрощается; мы движемся по разрушенным скалам со снежными пятнами и некоторое время отдыхаем, ожидая Витю, который несет стометровую верёвку. Почти все наши верёвки, кроме этой сотки, в нескольких местах перебиты камнями, связаны узлами. Это сильно затрудняет работу т. к. узлы не проходят через карабины, надо останавливаться и ждать, пока нижний прощёлкнет узел через карабин на крюке.

Ниже себя на снежном простом гребне вижу Хаца и Мишу — до них метров 150 по вертикали. Но вот Волков поднёс верёвку и пора двигаться выше. Позднее Миша рассказал, что Хац на этом «простом» участке сделал кувырок через голову: одна нога провалилась глубоко в снег, тяжелый рюкзак перетянул в сторону, Игорь перевернулся и повис на затянувшейся горизонтальной перильной верёвке. Идти с соткой по разрушенным скалам трудно, верёвка не продергивается, застревая в камнях. Поэтому прохожу по скалам до снега и там, выбирая верёвку (она будет перильной) поджидаю Волкова, рассматриваю снег, по которому предстоит идти, не очень острый гребень, не слишком крутой; видно, что снег глубокий и, кажется, жесткий сверху. Однако, когда настанет время попробовать, убеждаюсь в обратном: под тонкой коркой замёрзшего снега скрывается т. н. глубинная изморозь, ледяные зёрна, не связанные друг с другом. Пытаюсь идти ниже предполагаемой линии отрыва снежного карниза, плавно и нежно наступая на корку. После десятка метров успешного передвижения внезапно проваливаюсь по горло, едва успев раскинуть в стороны руки, в кашу из ледяных зёрен. Под ногами не прощупывается ничего жёсткого, сердце колотится как сумасшедшее, у горла — противный комок. Через несколько минут успокаиваюсь и опираясь подбородком, ладонями о жёсткую корку, выбираюсь на поверхность. Сквозной дыры не видно, верёвку Витя держал, так что делаю новую попытку двигаться дальше. Но успех тот же: опять проваливаюсь, задерживаюсь и, выбравшись, кричу Вите, что здесь сложно, чтобы настраивался на тщательную страховку.

Пробую теперь уйти на более крутую часть гребня ниже от линии отрыва. Там снег очень кислый, ледоруб под собственным весом утопает, вниз от меня уходят небольшие лавинки. Они захватывают с собой по дороге ещё снега и ухают вниз со стены. Пытаюсь, довольно успешно, не съехать вместе с ними, топчу ювелирно ступеньки и чрезвычайно медленно двигаюсь к цели — к скальному столбу на гребне. На 15 метров ушло, наверно, около получаса. Наконец, заколачиваю в этот столб хороший крюк, пропускаю верёвку и облегченно вздыхаю. Облегчение, разумеется временное. Надо работать. С одной стороны столба — почти вертикальный лёд, с другой — прилепился снег, а ниже обрыв. Лезу в лоб, и забив по дороге один крюк, переваливаю через столб на другую сторону гребня; спуска почти не потребовалось.

Верёвка практически не протягивается. Кричу Волкову, чтобы он подходил, а сам тем временем закрепляю верёвку за надёжный клин и разглядываю окружающее. Вверх в туман уходит широкий крутой скальный кулуар, весь обросший сосульками и плитами льда; сверху свешивается массивный снежный карниз, который кажется прочным. Чтобы выйти в самую безопасную часть кулуара, его центр, надо пересечь полосу крутого натечного льда с прилипшими к нему островками снега. Потом путь ведёт прямо вверх, карниз придётся прорубать.

Подходит запыхавшись Витя и отдышавшись говорит; «Ну и кусок ты прошёл. Я впервые видел такой снег». Спрашиваю, принёс ли он веревку и железо. Он довольный

поворачивается и упрекая меня в не наблюдательности показывает торчащую из под клапана пятидесятку. У меня есть ещё запас сотки, метров 15, и на конце этого куска я траверсирую ледовый участок с налипшим снегом, чтобы продолжить подъём по центру скал кулуара. На четвёртом шаге ступенька, которую я очень тщательно сформировал и мягко нагрузил, обрушилась и я рухнул вниз. Непроизвольно вырвался крик «Держи!» Верёвка натянулась, но сразу же ослабла после рывка; падение продолжается. Ещё раз кричу «держи!» и, пролетев ещё метра два, окончательно останавливаюсь. Через минуту, придя в себя, становлюсь на ноги и, отдышавшись, поднимаюсь к Вите. В первый раз верёвка зацепилась за выступ, соскользнула и натянулась вновь на вбитом мной в расщелину крюке.

Спрашиваю у Волкова, что он думал в тот момент, когда я летел.

«Да ничего. Видно было, что крюк надёжный, выдержит. А ты готов идти дальше?»

Я кивнул головой и полез вверх. Часом позже, срубив, наверное, тонну льда вылез на один из предвершинных гребней Ушбы. Здесь туман и сильный ветер. Поскольку теперь все личные вещи лежат в личных рюкзаках, одеваю на себя свитер, пуховку сверху штормовку — никакой ветер не прошибёт.

Вылезает Витя. Видно как подходят и готовятся к подъёму на пятидесятке Игорь и Никулин; из-за дальнего перегиба показывается пыхтящая голова Серёги — сегодня работа идёт без заминок. Испрашиваю у Хаца разрешение уходить квершине. Снизу сквозь вой ветра едва, доносится ответ Игоря: «давайте, тропите путь на вершину». Уходим в связке с Витей. Забываю последний за сегодняшний день 12-й крюк в небольшую скальную стенку, вылезая на неё, дальше виден пологий гребень, уходящий в туман, неглубокий снег со скальными выходами. Идти просто, и я уступаю дорогу Вите. Рукавицы у меня мокрые и заледенелые, болят пальцы, мёрзнут ноги (тоже мокрые). По дороге занимаюсь гимнастикой, чтобы согреть ноги. За 20 метров до вершинного тура Витя останавливается и пропускает меня вперёд.

«Зачем?» — спрашиваю. Отвечает:

«Я думаю, на вершину первым должен взойти ты». Я приятно удивлён, иду.

Записка в туре прошлогодняя. Из-за непогоды самая престижная гора Кавказа в этом году ещё никому не покорялась. Написана латышами, значит женщины ещё в пути, и мы имеем шансы встретиться, сообщаю об этом Вите. Он внимательно изучает записку, а я залезаю на самый верх (выше тура лежит гигантский снежный надув) и что-то изо всех сил кричу — эйфория. Выше лезть некуда. Ушба наша. Через год надо пройти траверс пиков Коммунизма — Корженевской! Вперёд на Памир!

Откуда может появиться женская команда? Чтобы понять это на страховке подхожу к краю карниза и заглядываю сквозь прорубленное окошечко на север и вниз. В тумане ничего невидно, только справа, кажется далеко проглядывают контуры снежного гребня, именно по нему должен проходить путь после подъёма к южной вершине с перемычки между южной и северной. После пяти минут безделья начинаем вырубать и вытаптывать площадку для палатки. Врубаемся в снег и лёд много ниже предполагаемой линии отрыва карниза и, всё-таки, через полчаса видели воочию эту самую линию, чёрную, рваную трещину во льду. Карниз оказался много мощней, чем мы ожидали, и мы, кажется, нарушили его естественное состояние, сильно углубившись в снег. Мы обменялись предупреждениями и не заходим за

эту линию. Витя с любопытством заглядывает в неё, а мне такие штуки не в новинку — на гребне пика Энгельса год назад мы только и делали, что петляли с одной стороны гребня на другую, обходя карнизы и стараясь оказаться ниже таких вот трещин. Продолжаем углубляться и расширять площадку в сторону от карниза.

Бесшумно и плавно линия отрыва расширяется, обнажая блестящую ледяную поверхность, и карниз исчезает в тумане внизу. Мгновение, и ближайший пейзаж резко изменился; ушел вниз многотонный кусок льда и снега длиной по гребню метров 20. Витя в первый же миг отскочил метра на 3–4, а я, зная что нахожусь в безопасном месте, смотрел спокойно, обмениваемся впечатлениями и через несколько минут начинаем было вновь работать на площадке. Но доносится женский крик:

«Люба, страхуй», и мы остановились прислушиваясь.

«Да, не дергай же. Что ты не умеешь с верёвкой обращаться?» — снова голос, но другого тембра, более различимого в вязком сыром воздухе, с оттенком раздражения. Ясно — идут женщины. Предлагаю Вите страховать и иду туда, где, по моему мнению, к вершине должен подходить северный гребень. Уход карниза облегчает ориентировку. Кричу с пика:

«Эгей, девушки, женщины! Ответьте!» От них доносятся нечленораздельные, возбуждённые и удивлённые возгласы. Наконец, более определённое:

«Где вершина? Далеко до нее?»

«Я стою на ней. Метров 60» — отвечаю я и, подняв вверх ледоруб, размахиваю им, чтобы дать возможность женщинам сориентироваться. Затем говорю Вите, что иду навстречу женской группе и начинаю спускаться с вершины по крутому вначале и острому снежному северному гребню. Потом гребень становится горизонтальным, но ещё более острым, прямо-таки ажурным. Аккуратно срубаю верхушку гребня и медленно иду навстречу приближающимся неясным фигурам, они движутся едва заметно, передвигаясь как в специальном фильме, снятом с ускоренной в несколько раз частотой кадров, и прокрученной с обычной частотой.

Метрах в 30 от них кричу:

«Кто у вас первый?» Ответ:

«Люба».

«А я — Миша». Рублюсь изо всех сил. В пуховке прошибает пот, ноги и руки тоже согреваются. В ботинках хлюпает тёплая влага. За мной остаётся полуметровая по ширине тропа. У женщин — смена направляющих. Вперед выходит (стало понятно позднее) киевлянка Ася Клокова. Она садится верхом на этот острый и мягкий гребень и медленно перемещается вперёд. Кричу:

«Привет Шатаевой. Где она?» Спрашивают мою фамилию, кричат об этом куда-то назад и обратно приходит ответ:

«Привет Мише Овчинникову! Мы все очень рады». Оставляю два метра доработать Асе. Она выбирается на мою тропу, встаёт, подаёт мне руку и говорит:

«Ну, здравствуй!»

Хочется обнять её, но сдерживаюсь — легко свалиться вниз. Пожимаем руки.

«Давай познакомимся без декораций» — говорю я и приподнимаю марлеву маску, закрывающую лицо ниже глаз. Густой слой пудры, помада; пожилое худощавое и усталое лицо, добрые улыбающиеся глаза. Рука у неё сильная, узкая ладонь удобно ложится в мою руку. Чтобы не мешать, ухожу обратно к вершине.

Издали, с восточного гребня доносится неразборчивый сердитый крик Игоря; похоже на мат. Кричу ему, чтобы выражался поаккуратнее — здесь женщины. Он понимает и радостно удивленно сообщает об этом всем остальным. Вылезаю обратно на вершину, теперь надо готовить место для трёх палаток. Разумнее было бы поставить их именно на северном гребне, где не чувствуется сильного южного ветра, но там до темноты можно успеть сделать лишь одну площадку, а все наши хотят, чтобы три палатки стояли рядом. Начинаем вместе срубать снег на вершине. По одиночке выбираются наверх женщины. Кто-то из них поскользнулся и падает прямо в объятия Игоря. Шутят сами:

«Так по мужчинам соскучилась, что падает аж на вершине».

У Игоря вид боевой и весёлый; лицо улыбающееся, порваны брюки, штанины располосованы и видна красная кожа на бедре. У Серёги, как обычно в мороз, на носу висит сопливая капля. Миша Никулин замёрз и дрожит. Кузя деятелен, оживлён и чувствует себя прекрасно. Витя сосредоточенно работает.

Экипировка женщин много лучше нашей. На Эльвире Шатаевой — австрийские нейлоновые брюки, удобная штормовка из болоньи, остальные одеты в отечественное или самодельное, но добротное и целое обмундирование. Шатаева и Ильсияр Мухамедова обуты в ботинки «Вибрам» (итальянский) на кошках, а остальные трое — в трикони. Люба Морозова — из Минска, Мухамедова — из Душанбе, Эльвира — москвичка, Ася — киевлянка, Галя (Березина? Так я и не уточнил её фамилию) — из Алма—Аты. Самая молодая — Галя, ей лет 26. Остальные постарше.

Наиболее удобную, самую широкую площадку отдаём им (прямо на вершине), сами располагаемся пониже. Страхуемся (скорее символически, чем по настоящему) через единственный клин, забитый мной в смёрзшиеся камни вершинного тура (больше скал поблизости нет). Около этого клина — путаница верёвок. Наши, измочаленные, резко отличаются от двух австрийских гладких и эластичных сороковок женщин.

В половине восьмого солнечные багрово—красные лучи пробились сквозь облака. Нижний ярус облаков, расползшийся по горам, выглядит как кипящая раскалённая лава. Далеко — далеко видны блестящие острия Далара и Двойняшки. Эльбрус, подавляющий своими размерами, закутан красной испариной. Мы всё ещё возимся на площадках, полных крошева битого льда. Я предлагаю ставить палатки сейчас же, без дальнейшего усовершенствования — через сорок минут спустится темнота. Кто-то из ребят, вошедших в азарт, против. Женщины быстро растягивают свою палатку и забираются внутрь. Мы кое—как закрепляем свои, колыхающиеся и бьющиеся на ветру, как паруса, палатки на два ледовых крюка, прижимаем угловые растяжки кусками льда и вваливаемся в своё обиталище. Холодно, много снега naroslo на рюкзаках. Долго устраивались, разводили примус.

Вскоре через окно и центральную палатку получили от женщин подарок: конфеты, вареное мясо и банку грецких орехов с мёдом (с напутствием брать по одной ложке). Угощали их нашим пористым шоколадом, чёрной икрой с крекером, колбасой. Долго и блаженно пьём чай. Ветер, хотя и сильный, щадит нас, оставляя целыми палатки и не выдёргивая распорки. Мучительно ноют пальцы на руках — эта боль от вечера к вечеру всё сильнее.

28.07.73.

Проснулись около половины шестого с приятным ощущением сделанного больше, чем наполовину дела: остался только спуск. Женщины планировали спускаться через «Красный угол», но сразу же согласились возвращаться с нами по маршруту Габриэля Хергиани. Там, по словам Игоря, везде идётся пешком, только в одном месте дюльфером (Хац, Никулин и Соболев спускались там год назад и помнят дорогу «наизусть»).

Погода по-прежнему плохая, хотя снег не валит. Туман (вернее, облака окружают и снизу и сверху и по сторонам), ветер. На улице ботинки леденеют. Сырая холодная кожа обуви сквозь носки плотно обжимает ноги. Наши верёвки первое время напоминают стержни — не гнутся от мороза. Австрийские верёвки женщин по-прежнему упруги и эластичны. По очереди, вниз по контрфорсу, или просто по гряде скал средней крутизны, окружённой снегом с боков, уходят связки: Хац — Волков, двойка, и тройка женщин, Никулин — Кузнецов, Серёга — я замыкаем процессию. Скалы, хотя и простые, только в среднем можно назвать некрутыми. Одна за другой следуют стенки метра по полтора, разделённые полками. Всё в снегу или обледенело, ноги на льду слегка проскальзывают.

Метрах в двухстах ниже вершины Серёга сначала наступил на свободно лежащую плиту, потом взялся за неё рукой, рванул и полетел вместе с плитой вниз по крутому в этом месте снежному склону (к счастью, плита оказалась под ним). У меня в этот момент рядом не было выступов для страховки и я прижался к стенке, вытравливая верёвку, одно кольцо за другим, постепенно увеличивая тормозящее усилие. Шансов на то, что я полностью заторможу Серёгино падение, не было ни малейших. Его масса вместе с рюкзаком намного превышала центнер, в первый же момент он набрал большую скорость, и сейчас он летел, не делая никаких заметных попыток самостоятельно замедлить своё стремительное скольжение, падая в потоке снежных брызг, поднятых в момент соприкосновения со снегом. Просто я ждал, когда вниз от меня уйдёт примерно половина верёвки, чтобы в этот момент прыгнуть на снег с противоположной стороны скальной гряды. К счастью (опять), он незадолго до падения пристегнулся к верёвке нижней связки (они использовали сотку, и чтобы не тащить большую часть верёвки в рюкзаке, Миша попросил Серёгу пристегнуться к концу сотки). Рядом с Никулиным был прекрасный выступ скалы. Миша, мгновенно сориентировавшись, набросил на него верёвку и прекратил Серёгино падение. Тот немного полежал, встал и маятником вышел на скалы.

«Всё ли у тебя цело?» — в один голос спросили два Миши.

«Да, ни одной царапины нет. Я ехал на спине, на рюкзаке, очень удобно». Не сдержавшись, я обматерил его;

«Какого же... ты не зарубался, не делал никаких телодвижений, как бревно?»

«А чего? Вы же удержали». Миша смягчил ситуацию подходящим анекдотом. Дальше

пошли помедленнее.

Мои руки пустили кровь из всех трещин. Больше всего болят именно трещины в коже, а не ссадины. Ссадин почти нет, а трещины — из-за того, что по холодным и сложным скалам, ледяным, в рукавицах не полезешь. Утром перед выходом Галя посмотрела на мои промёрзшие все в дырах рукавицы и протянула свои кожаные, влажные, но хранившие ещё тепло её рук, варежки. У них всех по две пары: внутри шерстяные, а снаружи замшевые. Жить стало веселее (хотя и раньше грустно не было). Сейчас без этих варежек было бы похуже.

Игорь ведёт к месту дюльфера без сомнений в правильности пути. Вниз до конца скальной гряды, потом траверс налево через небольшой снежный склон, через снежный большой надув. Опасаясь схода лавины, идём по снегу с попеременной страховкой. Совсем недалеко вниз от нас снег кончается: дальше, кроме тумана ничего не видно. Мы знаем, что там обрыв, несколько сот метров вертикальной гладкой стенки, и идём мы по краю «крыши» этой стены. На скальном выступе очередной грядки собрались все вместе: небольшое обсуждение, куда идти дальше. Обстановка разительно изменилась по сравнению с прошлым годом и Игорь не совсем чётко помнит, где висит петля для спортивного спуска к месту начала дюльфера. Единодушия среди знатоков нет, и я иду на разведку к кающемуся наиболее подходящим месту. Точно. Петля висит там.

Сбрасываем вниз конец пятидесятки и по верёвке уходят Никулин, Хац, женщины, остальные наши. Я замыкаю и спускаюсь с нижней страховкой лазанием. У нижнего конца верёвки поджидает Серёга, отсюда ещё один спортивный спуск по верёвке приближает место дюльфера. Ниже — очень крутой натёчный лёд, без кошек последнему не пройти (а кошек мы не брали с собой). Поэтому когда Серёга уходит по одинарной верёвке, я какое-то время задерживаюсь, чтобы привязать вторую верёвку, спуститься по двойной и продёрнуть снизу. Но Серёга так глубоко забил клин, что одетый на клин карабин невозможно даже пошевелить, а не то, что снять, чтобы заменить его на петлю из репшура. Молотка у меня нет. Вожусь минут 15, пытаюсь расшевелить клин ледорубом, но безуспешно. Так и пришлось оставить карабин для следующей партии спускающихся по пути Габриэля Хергиани (наверное на годы, потому что маршрут непопулярный). Спустился по сдвоенным пятидесятке и женской сороковке. Мягкая австрийская верёвка легко продергивается. Последний двадцатиметровый спортивный спуск приводит к маленькой полоске, где кое как сгрудился наш народ. Там Игорь уже привязал к прошлогодней мощной петле нашу стометровую верёвку. По ней уже спустился Миша Никулин, Кузя и пошла с верхней страховкой первая из женщин.

Дюльферный участок состоит из двух частей: вертикальной или нависающей стенки, высотой 45–50 метров, и склона, крутизной градусов 40, из разрушенных скал. Удобное место для сбора внизу метрах в 90 от нашей петли. На отвесной части Игорь предложил спускаться женщинам со страховкой на пятидесятке, но на первом же спуске вышла «залепуха»: пятидесятки до конца не хватает, Люба повисла в нескольких метрах выше начала наклонного участка скал. Наверху Хац и Витя лихорадочно спеша подвязали верёвку, протащили узел через карабин и спуск кончился для Любы благополучно. У всех женщин есть новинка для спуска по верёвке: железная фигурная скоба с прорезями, позволяющая без особых усилий регулировать скорость спуска или зависать. Эта штука помогла. Все начали спускаться без верхней страховки, со схватывающим узлом.

Сильный ветер. Ключья облаков проносятся сквозь нас. Иногда далеко внизу мелькнёт зелень

травы и леса. Оставшись у петли последними, мы с Игорем долго обсуждали, как будем продёргивать верёвку. Наконец согласились, будем спускаться по сдвоенной с репшнуром основной верёвке, а потом выдернем основную за репшнур. Я спускаюсь на восьмерке, вручную выточенной на работе молодыми ребятами сослуживцами Хитёвым и Лосевым, недавно приобщившимися к альпинизму, и поминаю их добрым словом. Хорошо сделали. Приземлился около спустившихся раньше. Они скорчились от холода, порывы ветра валят с ног. Миша Никулин спрашивает, будет ли нужна нам помощь. Отвечаю: — «Нет», и они уходят вниз по гребню. Я поджидаю Хаца, придерживая основную верёвку и репшнур. Ветер с такой силой натягивает их за счёт парусности, что меня приподнимает от снега на полметра. Надо внимательно следить, чтобы пляшущие в воздухе черточки не пересекались, не запутались.

Наверху Игорь долго налаживает систему и, наконец, появляется, такой далекий и маленький, на гребне стенки в 100 метрах выше, медленно едет вниз. Ветер раскачивает его. Вот он рядом выстегнул верёвки из карабина у беседки. Я отпускаю конец сотки, верёвка взвивается вверх вытягиваясь почти горизонтально, и исчезает в клочьях облаков. Начинаем тянуть за репшнур, но он лишь пружинит, не поддаваясь ни на сантиметр. Сначала тянем вдвоём. Потом я лишь закрепляю натянутый как струна репшнур, а Хац повисает на нём всем телом и пытается прыгать. Оба задыхаемся, но спустя полчаса наши титанические усилия не приводят хоть чуть к заметным результатам. Начинает смеркаться. Я предлагаю бросить верёвки здесь, не вытягивать. Игорь не согласен — это потери снаряжения, штрафные баллы. Привожу в пример наш прошлогодний спуск с пика Энгельса, когда заклинило две сороковки после спуска всей команды на ледник. Мы не смогли их вытащить и оставили. Вместо ответа Игорь начинает тянуть с неопишуемой яростью, упираясь ногами в скалу головой, и верёвка «пошла», медленно по миллиметру. Я тоже повисаю на репшнуре, счёт переходит на сантиметры. Всего на вытяжку верёвки из дюльферной петли ушло больше часа, свалив кучу мелких камней, она наконец, падает к нашим ногам.

Сматываем верёвку и репшнур, одеваем рюкзаки и идём в снежно–ледовый кулуар по следам ребят, страхуемся через выступы в скалах, стенами ограждающими кулуар. Начинается гроза, «поют» во весь голос ледорубы, трещит воздух, молния трижды бьёт в скалы метрах в 50–100 выше нас. Из кулуара по широкому пологому скальному гребню долго идём ниже и ниже, следы уже заметны. Внезапно, в сумерках упираемся в три поставленные палатки. Впервые за восхождение можно не пропускать верёвку через палатки, не пристегиваться к перильной верёвке, спокойно переходить от одной палатки к другой — рельеф позволяет это. Хотя до подножия горы, до травы ещё далеко, сжатая пружина восхождения ослабевает. В десятом часу пьём чай, суп, еды — изобилие. И у женщин много запасов, и у нас кое–что новенькое обнаруживается. Мы наваливаемся на деликатесы из их н. з., они слегка клюют наши продукты.

Эльвира намекает, что им пятерым в палатке не слишком просторно, и мы отнюдь не возражаем, если она будет ночевать у нас. Она переносит свой рюкзак к нам в палатку, стелим поролон на пол — теперь подстилки хватает на всё днище нашего жилья. Через час собираемся у Хаца: их трое старожилы, Серёга, я Эльвира, Ильсияр. Остальные предпочли спать. Мы пьём кофе со спиртом, сахаром, шоколадом. Усталость остаётся, но приходит расслабленность, спокойствие, устраиваемся поудобнее, кто — лёжа, кто — сидя.

На улице — сильная пурга, снежная крупа дробно стучит сверху, ветер рвёт полотнища, дважды ломает палки для растяжек — приходится вылезать, связывать и вновь ставить опоры. Потом Хац подпирает своей мощной спиной одну палку, Серёга другую и полочки

прекращаются. Кофе — горячий и неопишимо вкусный и много его. Тепло рукам обнимающим соседей, тепло внутри палатки, тепло в душе. Теплота, физическое состояние вещества, сейчас характеризует не только нашу температуру по Цельсию. Разговор касается слегка дел прошедшего дня; шутим над Серёгой, напугавшим своим полётом по снегу всех видевших его в тот момент; вспомнили, что таким же неуклюжим он был и пять лет назад в «Джайлыке», когда наша тройка Овчинников — Зубов — Соболев делала первые самостоятельные без авторитетов в группе) пятёрочные восхождения, а Эльвира ходила на свои первые четвёрки.

«А знаешь, что мне запомнилось больше всего в «Джайлыке — 68»? — спросила она.

«Что же».

«Ваша самодельная баня — парилка. Нигде такого больше не встречала, а ведь так просто сделать, и — бездна блаженства».

«Какую баню вы делали?» — попросил рассказать Никулин — «сейчас совсем неплохо вообразить себя в парной».

И наверно с полчаса мы обсуждали тему ставшую животрепещущей. В лагере тогда был только душ. Хотя горячий душ после восхождения — это совсем неплохо, хотелось чего-то лучшего. Идею предложил Алмазов; к реализации активно подключилась наша тройка. В рощице на берегу чистого ледяного ручья поставили памирку — серебрянку. Неподалёку развели костёр. Пол палатки устлали слоем берёзовых веток. На костре нагрели несколько вёдер воды, накалили и наложили в деревянный ящик груды камней, установили этот ящик в центр палатки — мгновенно воздух внутри стал горячим, сухим. Четверо — испытателей мужиков оказались в сауне. Через десяток минут Алмазову надоела сауна — он плеснул на камни кружку кипятка. Вместо финской бани, мы оказались в клубах перегретого пара русской бани. В ход пошли березовые веники, а немного спустя красные, как варёные раки, добровольцы — подопытные выскочили из палатки и ринулись не разбирая дороги в запруду; ледяная вода обожгла дымящиеся тела, вернула способность соображать, видеть окружающие снежные пики сквозь хвою высоких сосен. Контраст льда и пламени снаружи гармонировал с таким же контрастом внутри; благоухающий свежий, воздух вместо пара палатки заполнял лёгкие, дурманя голову опьянением молодого вина.

Слегка придя в себя, мы сменили камни в ящике на свежераскалённые и ещё дважды повторили цикл. Потом настала очередь женщин. Они действовали осторожно, долго осваивались, ничем не выдавали своих ощущений. Постепенно из палатки стали доноситься возгласы, вроде: —

«Ух, как хорошо... ш. А пахнет как! Березой! Тепло-то как... Приятно».

Повизгивание сменилось шлёпаньем веников, сосредоточенным пыхтением вперемешку с тишиной.

«Что-то они там заскучали» — пробормотал Алмазов, набрал литровую кружку кипятку из ведра на костре и подошёл к палатке.

«Вы париться, кажется, не умеете. Я вам помогу» — с этим возгласом он расстегнул один клевант снизу палатки, просунул руку и вылил на камни из своей кружки. Издали было

видно, как палатка вздувшись пузырьём почти подскочила вверх. Из всех щелей вырвались струйки тумана. Внутри раздался дружный вопль. В раздвинутые щели двери — полога высунулись обалдевшие лица Эльвиры и её подружек. Не выдержав, женщины бросились к запруде, окунулись, пришли в себя и вновь нырнули в парящее горячее чрево палатки.

«Это неопишимо хорошо» — говорили позже участницы первого банного эксперимента.

В течение двух смен в лагере ещё не раз мы устраивали палаточные купания и заразили этим увлечением, наверное, весь инструкторский состав «Джайлыка». Через год в зарослях рядом со склоном «пика Пьяных Маляров» (однажды работавшие в лагере рабочие крепко, выпили, залезли на один из пупырей рядом, а слезть не смогли; пришлось инструкторам снимать маляров, и название прижилось) поставили стационарную брезентовую палатку, где всласть могли париться все желающие.

Сейчас в нашем хлопающем стенами пристанище вместе с запахом кофе, казалось, запахло берёзой, словно растерли в пальцах свежие майские листья.

«И зачем только нам понадобилось лезть на такую суровую гору? Сидели бы спокойно в лагере, водили бы новичков на единички, получали все двадцать четыре удовольствия. Мечта...» — протянул Серёга.

«Так зачем тебе понадобилось лезть?» — поддел я его.

«По глупости. Из интереса посмотреть на Ушбу с востока — с запада я уже лазил. Ну а ты как здесь оказался?»

«Я? Наверное, ради свидания на вершине. Редко случается встреча на узком снежном гребне красивейшей горы с красивыми женщинами».

«Ах ты враль несчастный» — в один голос закричали Эльвира и Ильсияр — «мы сейчас просто страшилища».

«Но я вижу вас прошлым зреньем. Не замечаю спутанной шевелюры, усталости, подгоревшей кожи лица, морщин».

«Хватит перечислять. Сами знаем какой у нас вид».

«Зачем же полезли, если знали, каков будет вид?»

«Тебя дурака подбодрить. Встретился, замерзший, руки в струпьях и трещинах, а сейчас, видишь, прибодрился. И все вы, мужики, подтянулись, убрали животы. Значит мы благотворно влияем на вас».

Разговор вновь приобрёл шуточный оттенок, посыпались анекдоты, были, выдумки, воспоминания. Расходиться никак не хотелось, и только в первом часу, вспомнив, что предстоит тяжёлый день спуска, гости стали покидать кают-компанию капитана Хацкевича.

Мотивы женщин, двинувшие их на это восхождение, понятны. Прежде всего — это спортивное честолюбие. Ни одна женская группа до них не проходила траверса Ушбы. Двое из них, вечерние гости, в полном мере ощутили вкус славы в прошлом году, когда в составе

женской четвёрки под руководством «снежного барса» (или барсихи) Галины Рожальской, поднялись по маршруту «академиков» на пик Евгении Корженевской. О них писали и у нас и в зарубежных альпинистских изданиях. В журнале «Работница» была напечатана большая статья, хвалебная, объективная с многими интересными деталями. В Москве Эльвира много раз выступала на альпинистских вечерах. И конечно же, у них были побуждения общие с нашими: влекла романтика восхождений, желание утвердить себя в испытании, справиться с трудным маршрутом, закалить себя в борьбе с достойным противником (как часто кажется, что гора одухотворена, жива и борется с тобой. Сначала шутя, как великан с малюткой, потом серьезнее и более сердито, нехотя покоряясь мастерству и разуму).

Витя Волков нечленораздельными словами и стонами выражает возмущение нашим поздним возвращением домой. По очереди долго укладываются Эльвира и Серёга, я ожидаю у входа снаружи. Когда глаза привыкают к темноте, становится видно слабое свечение наэлектризованного снега. Легкая рябь светящейся позёмки мечется по гребню, успокаиваясь в затишье у скал. Когда настаёт моё время устраиваться, Витино терпение истощается и он бьёт меня легонько кулаком по голой ноге, а потом слегка кусает в голень (я скорчившись посередине одевал шерстяные рейтузы и не мог не задевать его).

«Ты чего?» — удивился я. Он вместо ответа что-то простонал.

«Что с тобой». Ничего не говорит. С трудом залезаю в мешок — я лежу с края наветренной стороны, и скаты палатки буквально притискивают меня к днищу, изолирую мешок сбоку и сверху штормовкой, полиэтиленовой плёнкой, плащом и засыпаю. Ночью чувствую, как ветер качает кокон мешка, то наваливает меня на соседа, то позволяет откинуться на скат. Лопается в очередной раз сборная опора-палка, в лицо брызжет снегом. Но встать никто не решается, слишком много хлопот с починкой, а спать вполне сносно, тепло, не душно. Ноги хорошо греют самодельные меховые чуни и две пары шерстяных носок; снизу сухие резервные, сверху — влажные сушащиеся. Болят только руки, но эта боль стала привычной.

29.07.73. Шевелиться в нашей палатке начали с рассветом, около шести. Кому-то надо вылезать заниматься ремонтом стойки. Попробовал приподняться — не могу: прижат сверху. Если применю силу, то разворочу всё наше жилище. Надо бы вставать лежащему в середине Волкову, но он явно не желает понимать мои намёки и упорно подталкивает меня, не давая досмотреть приятный сон. Забыл про Эльвиру и слегка нецензурно поругал его. Все рассмеялись, а Шатаева попробовала рукой насколько сильно я прижат, подтвердила, что я не могу:

«Кулак нельзя протиснуть между Мишкой и тканью палатки».

Встал (вернее сел) Витя, подпер каской конёк палатки, а я откатился на его место и мы занялись ремонтом. Повозились, сделали, но через 15 минут новый мощный порыв ветра сломал стойку, у входа. Новый ремонт. На сей раз упрочнили стойки ледорубами. Держат.

Из палатки девушек передали кастрюлю супа, молодцы девчата, вкусно и вовремя приготовили. Поели, попили чаю с колбасой и вкуснейшими, зажаренными в масле сухариками из запаса женщин. Высунулись на улицу: идти в такую погоду плохо (хотя и можно). Ветер со снегом сбивает с ног; лучше часок подождать, посмотреть, как будет дальше. Залегли обратно, кто в мешок, кто на мешок, и начали трепаться. Мы с Элкой занялись английским; Серёга с Волковым препираются по техническим причинам. Удобно, комфортно, благодать, микрорай в шалаше. Эльвира заявила, что никогда ещё ей не было так

хорошо. Из палатки Хаца время от времени доносились какие-то выкрики, но за воем ветра что-либо разобрать совершенно невозможно. Около половины десятого Игорь, белый от снега, самолично влез к нам, уничтожив идиллию.

«Какого чёрта вы ещё не собирались? Я ору, ору, всю глотку надорвал». Эльвира мгновенно разрушила его гнев:

«Игорь, прости пожалуйста. Но мы ни словечка не слышали. Мы сейчас же начнём сборы и через полчаса предстанем перед твоими ясными очами в боевой готовности».

«Ладно, пойду к женщинам. Они, похоже, как и вы, ничего не поняли».

Во время сборов самой для меня мучительной процедурой было снимать большими пальцами заледеневшую палатку. Опять помогли Галины рукавицы.

Через час все двинулись в путь: немного вниз по наклонному гребню и резко вниз по крутому снежному кулуару, отходящему влево по ходу от нашего гостеприимного гребня. В кулуаре ветер заметно стих; остались снег и туман. Для большей безопасности и скорости решили поменять связки. Трое из нас пойдут с женщинами: Игорь — с Шатаевой, я — с Мухамедовой, Никулин — с Морозовой, Ася и Галя — в двойке, Кузя, Соболев и Волков — в тройке. Первым идет Никулин, замыкает Хац, остальные — по перилам друг друга. Закладываем спортивный спуск за спортивным. В середине кулуара Игорь метров 15 проехался на льду под снегом, но удачно зацепился за вмороженный камень. Кулуар кончился, начались мокрые скалы типа гладких бараньих лбов: здесь в тумане — очередное совещание на тему куда идти.

Шатаева и Мухамедова идут в «Вибраме». На снегу одевают кошки и держатся неплохо, но на скалах в кошках им непривычно и неудобно, а без кошек резина скользит по сырому камню. Обе идут крайне медленно и очень смущаются этим. Всё-таки трикони более универсальны, чем резина (или просто резина нужна очень хорошая?). Часам к 15 погода улучшилась: облака остались вверху, ветер стих, падают крупные редкие звёздчатые снежинки, как русской зимой. Женщины слегка поругались между собой: продолжать ли спускаться по перилам, или идти свободным лазанием? Те, кто в «Вибраме» — за перила те, кто в триконах — против. Пока они спорили, ушёл с верёвкой вниз — и перила готовы. Всем им ничего не осталось как быстро скатиться по ним на 50 метров. Здесь лишняя страховка не помешает; скалы засыпаны тонким слоем снега на льду, нетрудно поскользнуться и в ботинках с металлической оковкой. Показываю опасные участки Эльвире, а она, с некоторым удовольствием, видит как проскальзывает Ася — без перильной верёвки было бы худо.

Ниже лбов слегка запоролись. Никулин подзабыл дорогу, Хац напомнил, движение продолжается по серии разрушенных скальных стенок и коротких снежных склонов. Сейчас связки идут раздельно. У нас с Ильсиейр взаимопонимание наладилось мгновенно, действия стали автоматическими: мы сбрасываем всю слабинку нашей верёвки вниз; Мухамедова со схватывающим узлом спускается по перилам метров на 30–40, а я следом опускаюсь к ней лазанием. Так верёвка за верёвкой сбрасывались сотни метров высоты. У идущих за нами Игоря и Эльвиры виден такой же чёткий порядок. Остальные связки немного отстали. Во время встреч с Ильсиейр, она говорит насколько приятнее и увереннее идти в связке с мужчиной: если уверен в партнере, появляется уверенность в себе, и скалы становятся домашними, и срыва она не боится, и ноги не проскальзывают, и идут сейчас втрое быстрее,

чем шли до встречи с нами, и вообще, в душе — весна.

«А если сказать двумя словами — спасибо Миша!» — добавляет она. Я, кажется, покраснел.

Из стенок торчит много живых камней. Снизу, стоя в стороне, наблюдаем вдвоём кошмарную сцену: спускается по перилам Шатаева, Игорь страхует её, выше него и чуть в стороне, но прямо над Эльвирой появляется тройка Кузя, Волков и Соболев. Из под них из под Кузи валится огромный булыган в окружении свиты мелких камней и несётся прямо на Шатаеву. Она по нашим крикам отчаянно и растерянно прижимается к скале. Кажется, камень падает прямо на неё. Слегка чиркнув по рюкзаку, он уносится вниз, мелочь дробно стучит по каске, у нас отлегло от сердца, Кузя послал оригинальный большой привет (увесистый) на ледник. Игорь что-то выговаривает Лёше, тот смущённо хмыкает.

Снова налаживаем перила, на этот раз последние, до снега, плавно спадающего на ледник. Уходят по верёвке женщины, со скользящими карабинами, Ильсияр тоже отстёгивается от меня и скользит за остальными. Я остаюсь последним и спускаюсь на пятьдесят метров к Игорю, не торопясь сматываем верёвки, укладываем их в рюкзак, задумчиво сидим, поглядывая назад на гору, жаль уходить от неё, но Ушба становится прошлым. Что-то дала нам, что-то взяла.

Через двадцать минут выходим и вскоре догоняем женщин. Мухамедова сообщает:

«Стоило от вас отвязаться, и был срыв на снегу. Задержалась сама». Благодарит за всё бывшее в этих двух днях. Игорь снова достал верёвку, заставил пристегнуться обеих дам в «Вибраме», и сам, как пастух, пошёл сзади, придерживая повод верёвки. Я пытаюсь глиссировать по снегу, но получается плохо, снег — то слишком жёсткий, то проваливается по колено. Все собрались на большом хицане, вспоровшем кулуар рядом с ледником, поздравляем друг друга, много снимаем на фото, кино. Ниже на леднике кто-то из вспомогателей давно прогуливается, поджидая нас, кажется Стас Козырев. Когда проходим рядом с ним, он просит остановиться позировать: фотографирует меня в обнимку с Эльвирой и Ильсияр, Игоря и меня; отдельно нашу группу, женскую, вперемешку. Обещает напечатать и переслать фотографии — у него хороший аппарат с широкоугольным объективом, а моя «Смена» годится только для слайдов. (К сожалению, всё пропало позже, когда он упустил в реку свой рюкзак при возвращении в лагерь. Самое печальное, что пропали снимки Ушбы, сделанные вспомогателями с Гульбы, на которые мы возлагали большие надежды, чтобы вставить в отчёт о восхождении).

Медленно идём по леднику сгибаясь под сильно потяжелевшими рюкзаками, мокрые, оборванные, но радостные. Женщины решили придти чуть попозже. Поднимаемся на морену, переваливаем через её гребень, подходим ближе к палаткам, и вспыхивает политый бензином костёр, летит вверх зелёная ракета. Обнимаемся, целуемся. Галка Соболева от радости прыгает на Серёгу, на меня, и я не выдерживая её веса валюсь вместе с рюкзаком на травку у палаток. До чего же приятно переобуться в сухие ботинки, надеть чистую одежду (хотя бы до завтра, а там в путь). Подходят женщины: опять костёр и ракета. Мы уже в числе встречающих обнимаем и целуем их. Они устраиваются в нашей самой большой высотной палатке; там и пятерым просторно.

Вечером — праздничный стол. Горячий украинский борщ, смастерила Галка (она украинка и знает толк в своём национальном блюде), жареная картошка — изделие Люды, над закусками (колбаса, шпроты, сардины, сало — это надо бы взять на гору, а не оставлять)

поработали ребята во главе с Москалёвым. Пьём спирт. Первый тост говорит Эльвира: о дружбе и благодарности, о покорённой вершине. Второй — я: за то, чтобы были ещё у нас дни, начинавшиеся как сегодня и заканчивающиеся, как сегодня. Всем нравится и Элка даже целует; говорит, что за такой тост стоит выпить. Стоим у костра (ребята притащили снизу из леса много сушняка) и поём, просто разговариваем, глядя в огонь, ещё и ещё благодарит Ильсияр. Расходимся по палаткам во втором часу. Кто-то из ребят поймал по своему приёмнику запись скрипичного концерта Мендельсона: просто фантастическая гармония между мелодией, оркестровкой и моим душевным состоянием, окружающим пейзажем, внешне тёмным, а на самом деле сияющим внутренним светом. Долго не мог заснуть.

Женщины хотят подняться часа в 4, чтобы в тот же день завтра (уже давно сегодня) пройти через перевал Бечо в Баксанскую долину, к своим альпинистским лагерям.

30.07.73.

В 6:30 разбудили женские голоса. Девушки уже собраны, позавтракали и начали обуваться. Тепло расстались. Мухамедова приглашает к себе в Душанбе (хотя летом её дома вряд ли застанешь). Она преподаёт в институте и летние каникулы проводит в горах. Мы встретились с ней в Тбилиси, на праздновании пятидесятилетнего юбилея советского альпинизма, спустя три месяца после общего спуска с Ушбы. Их восхождение прозвучало сильно, участницы пожинали заслуженные лавры. Ильсияр постоянно окружали поклонники. Улучив нечастый момент в её одиночестве в фойе Тбилисского дворца шахмат и альпинизма, я подошёл к ней.

«Здравствуй Ильсияр».

«Здравствуй» — она неуверенно посмотрела на меня.

«Как тебе нравятся эти торжества?»

«Ничего, но слишком много суеты. А вы откуда?»

«Из Подмосковья. В горах обычно работаю инструктором в «Джайлыке».

«Я там ни разу не бывала. Совсем не знаю этот лагерь. Больше хожу на Памире».

«Но этим летом главное восхождение было на Кавказе, да?»

«Пожалуй, Ушба — это главная гора не только прошедшего сезона. Вы бывали на Ушбе?»

«По странной случайности тоже навестил эту кавказскую даму недавно. И даже видел ещё пятерых дам на горе». Она впила в меня глазами и прошептала:

«Миша, это ты? Ты!» — рассмеялась, повисла на шее. Много потом говорили. Вновь приглашала в Душанбе, а я пригласил приехать в Протвино после окончания юбилея и поручил Мальцеву привезти её, поскольку сам улетел раньше. Она не приехала.

«Слишком легко одета, чтобы ехать в зиму. Ещё увидимся» — объяснила она свой отказ Валере.

Сами мы долго раскачивались со сборами и вышли лишь к 11. Общественный груз распределял Никулин, забыл про одну пятидесятку и всучил её мне после того, как я доверху забил рюкзак. Пришлось исхитриться, подвязывать верёвку сверху репшнуром, а это мука из-за больных пальцев. Со стороны глядеть смешно, как приходится нежно прижимать шнурок на ботинках мизинцем и затягивать узел зубами. Нам с Хацем не до смеха.

В Мозери зашли для окончательного расчёта к Шота Хергиани, хозяину быков. У него просторный двухэтажный дом с большим внутренним двором.

На веранде второго этажа прибито к стене штук 7 бородатых и рогатых козлиных голов. Среди домашних — много пожилых женщин и старушек. Жена его, русского типа с носом картошкой, поставила угощение: мягкий белый свежий самодельный лаваш, пресный сыр, мацони, зелёный лук, какую то травку, ещё ткемали, кувшин с аракой. Нико, уже нетрезвый, пристаёт ко всем желая выпить. Особенно ко мне, называя меня «мореман», поскольку я одет в старую рваную тельняшку. Пришлось чуть-чуть пригубить стакан, а он выпил граммов 100 и закосел основательно — женщины увели спать. Отдали Шота тридцать метров от моей пятидесятки — в расчёте. Остальные 20 метров отдали за обещание дать на сегодняшний вечер пару лошадей или ишаков, но обещанного, говорят, три года надо ждать. В конце концов, взвалили на спину свои тяжеленные рюкзаки и потопали. Вместо верёвки взял у Москалёва палатку. У него вообще рюкзак дикий, кило под пятьдесят — лезть вверх на перевал с таким, удовольствия не составляет.

В 18:00 вышли с поляны нарзанов (9 часов занял спуск до селения Гуль, путь до Мозери, переговоры с Шота и закуски у него). Хац назначил идти до 20 — разумно, как раз в это время становится темно, но цель поставил, несбыточную — добраться до кошей, т. н. южного приюта Бечо. Никулин поскромнее, планирует дойти до буковой поляны, где удобно поставить палатки. Я уверен, что за два часа мы дойдём не далее, как до впадения речки Ушбы в Долру. Игорь заказал по рации машину на 12 завтра в Баксанское ущелье — очевидный абсурд. После часа движения по неплохой тропе среди пышного леса мы ухитрились разделиться на одной из развилок: отстали четверо (в том числе и Хац). Миша уверен, что Игорь рванул вперёд и теперь сам пыхтит и гонит нас, желая догнать Хацкевича. В сумерках добрались до речки. Я — за то, чтобы ставить палатки и ночевать, не блуждать в потёмках рискуя сломать ногу. Никулин — заместитель капитана, и по его настоянию мы всё-таки идём дальше, переходим по хлипкому мостику через Ушбу, люди в поисках тропы разбредаются в разные стороны, кто-то падает, кричит от боли. Ещё раз созываю всех обратно и, ставя точку в разногласиях, поворачиваю обратно через мостики. Быстро разбили палатки. Миша недоволен, нервничает, злится. Через полчаса снизу подошла в полной темноте четвёрка Хаца — они пытались ниже найти мост через Дойру, но он оказался сломан. Заснул в 23 под лесной шёпот листвы.

31.07.73.

Хац поднял в 4.30 — спешит к заказанной машине. Не позавтракав двинулись в путь. Передовая группа во главе с начальством резко рванула. Я предпочёл отстать, и со мной ещё пять человек (интересно, что обе наши наблюдательницы идут впереди). Начал болеть живот — сказывается приём сыра и мацони, резкое изменение диеты. С лидерами воссоединились у Коша, где они заканчивали завтрак. Из нашей половины Витя без приглашения и без заминки, но вполне естественно, накинулся на приготовленную первой группой яичницу. Никулин тут же начал кричать на него: не худо бы самому приготовить, а не жрать

сделанное другими. Игорь вставил свои язвительные замечания в Мишину тираду. Объединяющая сила общей большой цели кончилась; антипатии проявляются всё более в резкой форме. Я не стал ждать конца этой неприятной сцены перебранки и «ушёл в лопухи». (Благо лопухами выше человеческого роста там заросла поляна). По настоянию Серёги пришлось принять пару таблеток энтеросептола.

После отдыха половина (в новом составе) унеслась вперед: Хац, Никулин, Козырев, Москалёв, Кузя, Волков. Не помогли ни мои логические доводы в бесполезности гонки, ни предупреждения о возможных расхождениях — троп много, ни просто просьба, через каких-то четверть часа мы потеряли передовую группу из вида. Сами мы, не торопясь пошли следом, в Коше продали за пару носок маленькую металлическую канистру. Только через два часа с небольшим увидели впереди арьергард авангарда: Кузя, Москалёв и Волков не выдержали гонки и решили подождать нас. Спрашиваю:

«Где остальные?» Отвечает Кузя:

«Вон впереди чешут».

Действительно; какие-то фигуры виднеются впереди в альпийских лугах, сколько их и куда идут в туманной дымке непонятно. Времени — 13 часов, впереди перевал и ясно, что даже к 16, времени ухода машины, нам не успеть в Баксанское ущелье. Идём прежним темпом, троюлька пристроилась сзади.

Переход через перевал Бечо, туристский, элементарно простой, физически стал мучением. Рюкзак давит плечи, поясницу. Волков и Москалёв до крови сбили ноги. Серёга Соболев сделал им аккуратную обкладку из ватного валика, залил медицинским БФ-ом и забинтовал. Шли, как деревянные, механически переставляя ноги, сначала вверх, потом вниз с перевала и долго по ущелью Юсенги. В лагерь «Баксан» добрались в сумерках. Мокрый от пота насквозь: майка, рубашка, трусы, шорты, носки всё можно выжимать. Все мышцы болят. Начал мыть руки — горят огнём. Встретили изумительно. Акопян, старый знакомый по «Джайлыку» (он был там начучем), вместе с ним ходили на пятёрки в 68-м), привёл в домик, дал чистое бельё (владельцы спальных мест ушли на восхождение), накормил хорошим ужином. За этим ужином выяснилось: нет Козырева и никто не знает, где он. В последний раз его видел Кузя при переходе через ручей с южного Ах-су. Переходили они вместе, потом Стас помчался догонять Хаца, а Кузя — поджидать меня. Всё удовольствие прихода отравлено. Отдых — не в отдых. Завтра надо выходить на поиски (если сам не придёт). Вероятность несчастного случая мала; скорее всего Стас просто заблудился, но искать надо обязательно.

01.08.73.

Просыпаюсь с мучительным чувством предстоящей нудной работы; всё болит, желания двигаться, ни малейшего. В 7:00 выходим четверо: Хац, я, Волков, Соболев. Взяли только пуховки, верёвки, плащи. Идём обратно на Бечо с надеждой, что вот-вот Козырев появится из-за поворота тропы. Но добрались до северного приюта, поели хлеба с айраном, а Стаса нет. По «Недре» связались с Никулиным и велели ему с оставшейся четвёркой выходить: нести палатки, спальники, бензин, продукты. Поплелись дальше. Увидели двойку, бегущую по тропе: оказывается, они возвращаются со спасработ на Шхельде, там болгарин сломал ногу и побился в падении. Они никого не встречали по пути, и это вселило уныние: ясно, что

надо идти через перевал и искать на южной стороне, начиная с ручья Ах-су. На леднике перед крутым подъёмом Витя попросил оставить его: выдохся, вчера выложился до конца, идти не может, или может, но очень медленно. Все против того, чтобы оставлять его в одиночестве, продолжаем движение, но медленнее.

Пока Игорь и Серёга налаживали связь, мы вдвоём обшаривали все трещины на леднике поблизости от тропы, особенно внимательно смотрим на закрытые — нет ли дырки в снежных мостах, все ли мосты цели. Всё безрезультатно. Через каждые два часа связываемся с «Баксаном» и идущей следом четвёркой. Каждый раз разрушая наши надежды на самостоятельное возвращение Стаса. «Баксан» спрашивает: как дела, как идут поиски?

Переваливаем на южную сторону. Не спускаясь совсем вниз, оставили на травянистом плече Серёгу и Витю и двинулись с Хацем к ручью. Лазали там до темноты. Я обхожу все каньоны, думая, что может быть Козырев оступился на крутой осыпи, и рюкзак своей тяжестью увлёт его на дно каньона, в воду. Попутно собираю редкие сухие хворостинки для костра. С большой головой, сердцем, в холодном поту возвращаюсь в сумерках к месту бивуака. Там наша оставшаяся тройка и подошедшие Никулин, Москалёв, Громов, Савченко установили две палатки и сидят погружённые в мрачные думы. Разжигая костер. Варим суп из подобранной на перевале картошки, щавеля и одной банки тушёнки. По вечерней связи «Баксан» интересуется каковы результаты поисков. Результатов нет, а завтра, пожалуй, предстоит поход на перевал Ах-су в поисках следов Стаса. Засыпаем под звуки моросящего дождя в половине одиннадцатого.

02.08.73.

Часов в 9 утра на тропе с юга подошла семья сванов: дед, отец, жена, взрослый сын и мальчик. Идут косить сено в Кабардино—Балкарию, поблизости от Тырнауза с оплатой по 25 руб. в день. Угостили нас свежим хлебом (лепёшки с сыром). Мы их — нашим утренним супом (они похлебали с явным удовольствием, как и мы жевали их хлеб). В семье абсолютное подчинение деду: каждое его слово выполняется беспрекословно. Издалека — от Коша появилась процессия: лошади везут на носилках болгарина (вертолёт не смог прилететь из-за непогоды), рядом движется с полсотни сопровождающих. Мы пытаемся связаться с «Баксаном», но безуспешно. Зато отлично слышим слова начальника спасотряда, в нескольких километрах от нас: он говорит нам, что потерявшийся Козырев был обнаружен вчера утром у подъёмника в ущелье Адыр-су (наше родное, где «Джайлык»). Во-вторых, он просит нас попросить выслать от Северного приюта навстречу им носильных с лошадьми для подстраховки лошадей с грузом на снегу в районе перевала. Наконец-то мы получили долгожданное сообщение.

Собираем палатки и, как на крыльях, несёмся обратно на север. Где вчерашние боли? На северном приюте встречаем жену Тенишева (руководителя спасработ) с дочкой и приятелем, вышедшую встречать мужа, говорим им, что на спасаловке всё нормально, посылаем мальчишек с ишаками на перевал и спешим в «Баксан». Там вечером в нашу честь устраивается небольшая пьянка во главе с начальством лагеря Бухаровым и Романенко. Коля Короленко, член команды Моногарова (сборная Украины), рассказал, что они планировали пройти маршрут по восточной стене Северной Ушбы, заявленный на первенство СССР, но им помешала лавина. Ночью она снесла полностью их лагерь под стеной, к счастью без людей. Через лагерного радиста Игорь заказал машину к 20 часам сегодня у подъёмника. Уезжаем хмельные. Провожающие машут и машут руками.

Там, где нас должны ждать — пусто. Посылаем пешком в «Джайлык» Кузю и Громова, а сами располагаемся на траве ждать. Пешком с грузом тащиться 14 километров желающих не находится. Две компании по три человека садятся расписывать пулю, а Волков, Москалёв и я — спать под ближайшую копну.

03.08.73.

Машина пришла в час ночи только потому, что шофёру пообещали десятку (а иначе ждали бы до утра). В два прибыли в лагерь. Встретили Виктор Попов и Женя Смирнов, включили дизель для освещения, запустили греться финскую баню. В три часа ночи баня согрелась. На 40 мин. ушли женщины, а потом до пяти утра парились сами. С Савченко до изнеможения массировали друг друга. У меня вновь потерялась за время восхождения чувствительность в больших пальцах ног (было давнее обморожение) и сейчас приятно ощущать, как под сильными пальцами, начинает появляться боль, циркулирует с гудением кровь.

У новичков сегодня подъём в 6 часов. Решили с Савченко не ложиться и сидим на веранде дома начальника лагеря, пьем чай, наблюдаем восход солнца. Из бледно-голубой превращается в розовую снежная Уллу-тау: нижняя часть ущелья ещё погружена в сумерки, резкая полоса солнечных лучей медленно ползёт от вершины к подножию горы, обнажая её рельеф. Свет раздевает гору из ночной фаты.

Только что встретил Козырева. Он немного смущён своим приключением, гладко выбрит, бледен, устал. Сразу же начал рассказывать, что с ним случилось. При переправе через ручей потерял всех наших из поля зрения и пошёл вверх вдоль ручья по едва заметной тропке. Через полчаса, когда ему стало ясно, что идёт не туда, он повстречал группу туристов, которая после долгих раздумий и разглядывания карты указала ему путь в направлении, противоположном его теперешнему, на перевал Ложный Квиш. Поблагодарив их и думая, что идёт на Бечо, Стас изо всех сил поспешил в соответствии с указанием. Понял, что снова идёт не туда. К вечеру, успел перебраться за перевал (Ложный Квиш ведёт через южный отрог Главного Кавказского хребта в ущелье Накра). Заночевал в палатке. Утром рванулся дальше напролом. В одном из каньонов упустил рюкзак, успев выхватить из него только то, что было под клапаном. Перевалил на север через Донгуз-орун, соседний с Бечо проход через Главный хребет — там водят плановых туристов по набитой тропе, и в 19 часов добрался до подъёмника, ведущего в Адыр-су. Там повстречал ребят, которых Дорфман (начспас лагеря) направил к нам на помощь для поисков.

Вечером попойка. Речи. Напоминаю Серёге его слова на маршруте: когда же кончится это мученье, болящие руки, проклятое карабканье по болтающимся верёвкам, примороженные ноги, весь спортивный альпинизм. Когда же, наконец, можно будет просто ходить с участниками по несложным маршрутам, наслаждаться природой, вкусной нормальной едой, здоровьем и отдыхом, сном в тёплой постели; он сыт по горло этим восхождением, не хочет ничего, не желает идти никуда. Сейчас он смеётся, но говорит, что готов повторить всё сказанное тогда.

Через день ухожу с разрядниками (5 человек) на Накра-тау, по маршруту 4А категории трудности. Волков работает с отделением значкистов. Остальные разъезжаются.

Наше восхождение было оценено на первенстве СССР пятым местом в классе технически сложных восхождений.

Часть 7. Лирическое отступление.

Время от времени у любого человека, интересующегося альпинизмом, но не занимающегося им, возникает вопрос: зачем всё это нужно? Что вынуждает добровольно претерпевать муки обморожений, недоедания, страха? Неужели какой-то миг радости от пребывания на вершине, площадке или скользком выступе, с которого разве что подальше видно? Стоит ли платить, иногда так дорого, за это сомнительное удовольствие? Платить здоровьем, жизнью?

Один из самых распространённых кулуарных вопросов к альпинистам: сколько вам платят за то, что вы лазаете по горам? Наверное, неплохие тысячи, иначе какой сумасшедший станет заниматься такой работой. Ответ повергает их в немое изумление: как правило ничего не платят, разве что сохраняют зарплату за отпуск, за свой счёт. Или мы на время своего очередного отпуска становимся инструкторами альпинизма с окладом 90–140 руб. в месяц, в лагерях.

Так вы тратите свой законный отпуск, чтобы поморозить ноги и ободрать руки? Вы — ненормальные, следует очевидный вывод. Больше никаких объяснений не требуется. Для людей, спрашивающих о зарплате горовосходителей всё стало ясно: место для альпинистов находится в соответствующем медицинском учреждении, с санитарями, пусть даже без смиренных рубашек — ведь они, кажется не буйные.

Другую категорию вопрошающих в какой-то мере удовлетворяет ответ в виде анекдота. Стоит человек перед кирпичной стеной и головой бьётся об эту стену. Его спрашивают, зачем же вы это делаете, ведь больно. Он отвечает: да, больно, зато в промежутках приятно. Понятно, что все жизненные удовольствия ощущаются полнее, в контрасте с невзгодами, и доля истины присутствует в анекдоте, но очень малая доля.

Третью группу устраивает объяснение о том, что в альпинизме много романтики, понятной молодым. Неясно только, почему многие давно уже немолодые люди продолжают ездить в горы и лазить по горам. Наверное, по привычке. Молодым романтическим людям, как правило, хочется попробовать себя в альпинизме, они едут по путёвкам в альплагеря, и почти все прекращают занятия в течение двух последующих лет; чтобы выдержать отрядный способ обучения новичков или значкистов, где всё основано на дисциплине и слишком велик контраст между домашним и лагерным бытом, требуется стойкость реалиста — прагматика. Иначе романтики не разглядеть и с двух шагов.

Совсем немногих интересует в полном объёме мотивы, двигающие людей на вершины гор, корни, истоки альпинизма, его психологическая подоплёка, современное состояние, перспективы и проблемы этого необычного вида спорта и личности в нём. Иногда среди этих людей есть профессионалы психологии. Подобранные тесты проведённые во время подготовки советской сборной команды к восхождению на Эверест, выявили парадоксальную, но характерную особенность: в каждом из участников сочетались противоречивые особенности сильной личности — индивидуалиста и черты типичного коллективизма. Каждый оказался сложной персоной со своими особенностями, но полностью контролирующим свои действия, обуздывая, подчиняя себя общей цели победы. Таков альпинизм, наверное, сами противоречивый вид спорта.

Какие бесспорные достоинства различимы в альпинизме невооружённым глазом? Прежде всего одна из составных частей романтики — красота. Причём такая красота, которую нельзя разглядеть снизу, из долин, для осязания которой нужен взгляд сверху.

С вершины Эльбруса в идеальную погоду можно увидеть Черное море (более чем за 300 километров), четкая линия кавказского хребта зубьями пилы вспарывает небо, буквально устремляясь ввысь от рассвета до восхода солнца, из плоской становись рельефной, из монотонной серой, превращаюсь в голубую, а затем пестрящую всеми цветами радуги.

С пика Коммунизма виден весь Памир, до границ Афганистана и Китая, красный, белый, жёлтый, коричневый, чёрный; от песчинки под ногами до песчинки пика Маркса над Пянджем; от белого купола пика Ленина до синего и фиолетового купола неба над головой; от зелёного пятна поляны Сулоева тремя с лишним километрами ниже, до бирюзовых капель озёр в верховьях ледников; от узеньких нитей, застывших извилинами потоков в ущельях, до широких лент потоков льда с чёрными каменными косами морен; от сияющих верховий ледников, до их печальных, но возвышенных каменных могил — колыбелей горных рек.

Нет и не может быть человека, на которого не действовал бы благотворно потрясающий вид с вершины высокой горы (конечно, если после подъёма у того остались душевные силы на видение красоты). Недаром многие религиозные люди в прошлом заменяли после покорения вершин веру в Бога, верой в природу и наоборот, атеисты становились истинно верующими — такова сила эмоций, (об этом можно прочесть в некоторых мемуарах альпинистов прошлого века).

Не менее выразительно, чем грандиозные картины с высоты, горные микро пейзажи. Не забываем перелёт бабочек через Местийский перевал, когда тысячи этих нежных существ, увлекаемые тёплым ветром из Баксанской долины...